J. K. ROWLING

HARRY POTTER

AND THE CHAMBER OF SECRETS

BLOOMSBURY

LITRU.RU

Гарри Поттер и Тайная Комната(Potter's Army)

Джоан Кэтлин Роулинг

01. Худший день рождения
02. Предупреждение Добби
03. Нора
04. У «Флориша и Блоттса»
05. Дракучая Ива
06. Гилдерой Локхарт
07. Грязнокровки и шёпот
08. Годовщина Смерти
09. Надпись на стене
10. Бешеный Бладжер
11. Клуб Дуэлянтов
12. Многосущное Зелье
13. Очень тайный дневник
14. Корнелиус Фадж
15. Арагог
16. Тайная Комната
17. Наследник Слизерина
18. Награда Добби

01. Худший день рождения

Уже не в первый раз в доме номер четыре по Привит Драйв за завтраком разгорелся спор. Ранним утром от громкого уханья, доносившегося из комнаты племянника Гарри, проснулся мистер Вернон Дёрсли.

— Третий раз за неделю! — ревел он через весь стол. — Если не можешь справиться с этой совой, от неё придётся избавиться!

Гарри снова попытался объяснить.

— Ей скучно, — сказал он. — Она привыкла летать на улице. Если бы я мог выпускать её на ночь…

— Я что, похож на идиота? — зарычал дядя Вернон, у которого с мохнатых усов свисал кусочек яичницы. — Я знаю, что случится, если её выпустить.

Он обменялся мрачным взглядом со своей женой Петунией.

Гарри попытался поспорить, но его слова утонули в протяжной громкой отрыжке сына Дёрсли — Дадли.

— Хочу ещё бекона.

— На сковородке есть ещё, сладусик, — ответила тетя Петуния, взглянув влажными глазами на дородного сыночка. — Нам нужно хорошенько покормить тебя, пока есть возможность… Не нравится мне это школьное питание…

— Чепуха, Петуния, я никогда не голодал, когда учился в Смелтингс, — воодушевлённо сказал дядя Вернон. — Дадли достаточно кормят, верно, сынок?

Дадли, который был такой огромный, что его задница свисала с обеих сторон кухонного стула, ухмыльнулся и повернулся к Гарри:

— Передай сковородку.

— Ты забыл волшебное слово, — раздражённо сказал Гарри.

Эффект, который это простое предложение произвело на остальную часть семьи, был невероятным: Дадли ахнул и упал со стула с таким грохотом, что вся кухня сотряслась; миссис Дёрсли вскрикнула и закрыла рот руками; мистер Дёрсли вскочил на ноги, на его висках пульсировали вены.

— Я имел в виду «пожалуйста»! — быстро добавил Гарри. — Я не имел в виду…

— ЧТО Я ТЕБЕ ГОВОРИЛ, — прогремел его дядя, забрызгивая стол слюной, — О СЛОВЕ НА БУКВУ

«В» В НАШЕМ ДОМЕ?

— Но я…

— ДА КАК ТЫ СМЕЕШЬ УГРОЖАТЬ ДАДЛИ?! — ревел дядя Вернон, стуча кулаком по столу.

— Я просто…

— Я ТЕБЯ ПРЕДУПРЕЖДАЛ! ПОД ЭТОЙ КРЫШЕЙ Я НЕ ПОТЕРПЛЮ ДАЖЕ УПОМИНАНИЯ О ТВОЕЙ НЕНОРМАЛЬНОСТИ!

Гарри перевел взгляд со своего багрового дяди на свою бледную тетю, пытавшуюся поднять Дадли на ноги.

— Ладно, — сказал Гарри, — ладно…

Дядя Вернон снова сел, дыша, как загнанный носорог, и внимательно наблюдая за Гарри своими маленькими глазками.

С тех пор, как Гарри приехал домой на летние каникулы, дядя Вернон обращался с ним, как с бомбой, которая могла взорваться в любой момент, поскольку Гарри Поттер не был обычным мальчиком. Точнее, он был необычным настолько, насколько это только было возможно.

Гарри Поттер был волшебником — волшебником, только что закончившим первый курс Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс. И если Дёрсли были не рады, когда он вернулся на каникулы, то это не шло ни в какое сравнение с

тем, что чувствовал Гарри.

Он так сильно скучал по Хогвартсу, что это было сравнимо с постоянной болью в животе. Он скучал по замку с его секретными проходами и привидениями, по урокам (хотя, возможно, не по Снейпу, преподавателю Зельеварения), по почте, которую доставляли совы, по пиршествам в Большом Зале, по своей кровати с пологом на четырёх столбиках в спальне в башне, по походам в гости к егерю Хагриду в его хижину у Запретного Леса и особенно по Квиддитчу — самому популярному в волшебном мире виду спорта (шесть колец на высоких столбах, четыре летающих мяча и четырнадцать игроков на метлах).

Все книги заклинаний Гарри, его волшебная палочка, мантия, котёл и метла высшего класса «Нимбус-2000» были заперты дядей Верноном в чулане под лестницей сразу же после возвращения Гарри домой. И какое Дёрсли дело, если Гарри потеряет место в команде своего Дома по Квиддитчу потому, что не тренировался всё лето? Что Дёрсли было до того, что Гарри вернётся в школу, не сделав домашние задания? Дёрсли были теми, кого волшебники называли магглами (без капли волшебной крови в жилах), и, по мнению которых, иметь в семье волшебника было

невероятным позором. Дядя Вернон даже запер сову Гарри, Хедвигу, в её клетке, чтобы она не носила писем никому из мира волшебников.

Гарри был абсолютно не похож на остальных членов семьи. Дядя Вернон был здоровым человеком без шеи и с громадными чёрными усами; тётя Петуния была костлявой особой с лошадиной физиономией; Дадли был светловолосым, розовощёким и похожим на поросёнка. Гарри, напротив, был маленьким и худым, с ярко-зелёными глазами и вечно растрёпанными волосами цвета воронова крыла. Он носил круглые очки, а на лбу у него был тонкий шрам в виде молнии.

Именно этот шрам и делал Гарри таким необычным, даже для волшебника. Этот шрам был единственным намёком на очень таинственное прошлое Гарри, на то, из-за чего одиннадцать лет назад он оказался на крыльце дома Дёрсли.

Когда Гарри был всего один год, ему каким-то образом удалось выжить после заклятия величайшего тёмного волшебника всех времен — Лорда Волдеморта, чьё имя большинство колдунов и ведьм всё ещё боялись произнести вслух. Родители Гарри погибли от рук Волдеморта, но Гарри тогда отделался только шрамом, и почему-то — никто не мог сказать, почему — сила Волдеморта

была уничтожена в ту самую секунду, когда он не смог убить Гарри.

Поэтому Гарри вырос в семье своей тёти и её мужа. Он провёл у Дёрсли десять лет, не понимая, почему из-за него — хотя сам он того не желал — происходили странные вещи, и веря в историю, рассказанную Дёрсли, о том, что он получил шрам в автокатастрофе, в которой погибли его родители.

А затем, ровно год назад, Гарри пришло письмо из Хогвартса, и ему всё стало известно. Гарри поступил в колдовскую школу, где и он сам, и его шрам были знамениты… Но теперь учебный год закончился, и он вернулся на лето к Дёрсли, где с ним снова обращались как с собакой, вывалявшейся в чём-то дурно пахнущем.

Дёрсли даже не вспомнили, что сегодня — его двенадцатый день рождения. Конечно, он на многое и не рассчитывал; они никогда не делали ему настоящих подарков, не говоря уже о торте — но чтобы совсем проигнорировать…

В этот самый момент дядя Вернон важно прокашлялся и сказал:

— Итак, как нам всем известно, сегодня очень важный день.

Гарри поднял глаза, едва осмеливаясь в это

поверить.

— Сегодняшний день может стать днём, когда я заключу величайшую сделку в моей карьере, — сказал дядя Вернон.

Гарри продолжил есть свой тост. «Ну, конечно же, — подумал он с горечью, — дядя Вернон говорит об этом дурацком деловом ужине». Уже две недели он не говорил ни о чём другом. Какой-то богатый строитель с женой собирались прийти на ужин, и дядя Вернон надеялся получить от него большой заказ (компания дяди Вернона выпускала дрели).

— Думаю, стоит повторить план ещё раз, — сказал дядя Вернон. — В восемь вечера все должны быть на своих местах.

Петуния, ты будешь…

— В гостиной, — подхватила тётя Петуния, — ожидая, когда смогу поприветствовать их в нашем доме.

— Хорошо, хорошо. Дадли?

— Я буду ждать, чтобы открыть дверь, — Дадли надел дурацкую, жеманную улыбочку. — Позвольте взять ваши пальто, мистер и миссис Мейсон.

— Он им так понравится! — воскликнула тётя Петуния в порыве чувств.

— Прекрасно, Дадли, — сказал дядя Вернон. Затем он повернулся к Гарри. — А ты?

— Я буду в своей комнате, не буду шуметь и сделаю вид, что меня нет, — без выражения ответил Гарри.

— Именно, — мерзко сказал дядя Вернон. — Я проведу их в гостиную, представлю тебя, Петуния и налью им выпить. В восемь пятнадцать…

— Я приглашу к ужину, — сказала тетя Петуния.

— А ты, Дадли, скажешь…

— Позвольте проводить вас в столовую, миссис Мейсон, — ответил Дадли, протягивая жирную руку невидимой женщине.

— Мой маленький джентльмен! — всхлипнула тетя Петуния.

— А ты? — грозно обратился к Гарри дядя Вернон.

— Я буду в своей комнате, не буду шуметь и сделаю вид, что меня нет, — безразлично сказал Гарри.

— Точно. Итак, мы должны постараться сделать за ужином несколько сильных комплиментов. Есть идеи, Петуния?

— Вернон говорит, что вы замечательно играете в гольф, мистер Мейсон… Расскажите, где вы

купили ваше платье, миссис Мейсон…

— Превосходно… Дадли?

— Как насчет: «Нам в школе задали написать сочинение о нашем герое, мистер Мейсон, и я написал о Вас».

Это было уже чересчур как для тети Петунии, так и для Гарри. Тетя Петуния разрыдалась и обняла сына, а Гарри нырнул под стол, чтобы они не увидели, как он хохочет.

— А ты, парень?

Вылезая из-под стола, Гарри едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— Я буду в своей комнате, не буду шуметь и сделаю вид, что меня нет, — сказал он.

— Именно так и сделаешь, — подчеркнул дядя Вернон. — Мейсоны о тебе не знают, и так оно и будет. Когда ужин закончится, ты отведёшь миссис Мейсон обратно в гостиную выпить чашечку кофе, Петуния, а я заведу речь о дрелях. Если мне повезёт, я подпишу контракт и поставлю печать ещё до десятичасовых новостей. Завтра в это же время мы будем покупать дом на Майорке.

Гарри это волновало мало. Он не думал, что на Майорке Дёрсли станут обращаться с ним лучше, чем на Привит Драйв.

— Отлично… я еду в город, чтобы забрать смо-

кинги для себя и Дадли. А ты, — рявкнул он на Гарри, — не мешай своей тёте, пока она наводит порядок.

Гарри вышел через заднюю дверь. Стоял чудесный, солнечный день. Он пересёк лужайку, плюхнулся на садовую скамейку и стал напевать себе под нос: «С днём рожденья меня… С днём рожденья меня…»

Ни открыток, ни подарков, и вечер ему предстояло провести, притворяясь, будто его нет. Он удручённо посмотрел на изгородь. Ему никогда ещё не было так одиноко. Больше, чем по чему бы то ни было в Хогвартсе, даже больше, чем по игре в Квиддитч, Гарри скучал по своим лучшим друзьям Рону Уизли и Гермионе Грэйнджер. Они же как будто совсем по нему не скучали. Никто из них за всё лето ему так и не написал, хотя Рон и обещал пригласить Гарри в гости.

Бессчётное число раз Гарри почти уже решался открыть с помощью магии клетку Хедвиги и отправить её с письмом к Рону и Гермионе, но это не стоило риска. Несовершеннолетним волшебникам не разрешалось использовать магию за пределами школы. Гарри не сказал об этом Дёрсли; он знал, что только страх перед превращением в навозных жуков мешает им запереть

его в чулане под лестницей вместе с волшебной палочкой и метлой. Первые пару недель Гарри наслаждался тем, что бормотал себе под нос всякую несуразицу и смотрел, как Дадли вылетает из комнаты со всей скоростью, на которую были способны его жирные ноги. Но долгое молчание Рона и Гермионы заставили Гарри почувствовать себя отрезанным от волшебного мира настолько, что даже издевательства над Дадли утратили свою привлекательность… а теперь Рон и Гермиона забыли и о его дне рождения.

Чего бы он только ни отдал за письмо из Хогвартса. За письмо от любого мага или колдуньи. Он был бы почти рад увидеть даже своего злейшего врага Драко Малфоя, только чтобы убедиться, что всё это был не сон…

Не то, чтобы этот год в Хогвартсе был сплошным весельем. В самом конце последнего семестра Гарри встретился лицом к лицу ни с кем иным, как с самим Лордом Волдемортом. Волдеморт, возможно, теперь и был лишь собственной тенью, но он по-прежнему был жутким, хитрым, полным решимости вернуть себе власть. Во второй раз Гарри ускользнул от Волдеморта, но это удалось с большим трудом, и даже теперь, несколько недель спустя, Гарри всё ещё просы-

пался по ночам в холодном поту, думая, где же сейчас находится Волдеморт, вспоминая его мертвенно-бледное лицо и широкие безумные глаза…

Внезапно Гарри выпрямился на садовой скамейке. Он рассеянно глядел на зелёную изгородь… а изгородь глядела на него. Среди листвы появились два огромных зелёных глаза.

Гарри вскочил на ноги как раз в ту секунду, когда через лужайку до него донесся язвительный голос.

— А я знаю, какой сегодня день, — нараспев протянул Дадли, вразвалочку направляясь к нему.

Огромные глаза моргнули и исчезли.

— Что? — переспросил Гарри, не отводя взгляда от того места, где они были.

— А я знаю, какой сегодня день, — повторил Дадли, подходя к нему.

— Здорово, — сказал Гарри. — Значит, ты всё-таки выучил дни недели?

— Сегодня твой день рождения, — ухмыльнулся Дадли. — Почему же тебе не прислали открыток? Разве у тебя нет друзей в этом дурдоме?

— Твоей маме лучше не слышать, что ты говоришь о моей школе, — хладнокровно заметил Гарри.

Дадли подтянул брюки, сползавшие с жирной

задницы.

— Чего это ты уставился на изгородь? — подозрительно спросил он.

— Пытаюсь решить, каким заклинанием её лучше поджечь.

Дадли попятился, с испуганным выражением на жирном лице.

— Ты н-не можешь — папа сказал, чтобы ты н-не использовал м-магию — он сказал, что выкинет тебя из дому — а тебе некуда идти… у тебя нет друзей, которые тебя примут…

— Джиггери-покери! — неистово завопил Гарри. — Фокус-покус… сквигли-вигли…

— МАААААААМ! — взревел Дадли и, спотыкаясь об собственные ноги, побежал к дому. — МАААААМ! Он делает, сама знаешь что!

Гарри дорого заплатил за минутное веселье. Поскольку ни Дадли, ни изгородь никоим образом не пострадали, тетя Петуния поняла, что на самом деле он магию не применял, но, тем не менее, ему пришлось увернуться от её мощного удара по голове намыленной сковородкой. После этого она загрузила его работой, пообещав, что не будет его кормить, пока он не закончит.

Пока Дадли шлялся поблизости, наблюдая и поглощая мороженое, Гарри мыл окна, драил

машину, косил траву на лужайке, поправлял клумбы, подстригал и поливал розы и перекрашивал садовую скамейку. В небе сияло солнце, обжигая ему шею. Гарри понимал, что не следовало поддаваться на уловки Дадли, но Дадли сказал то же самое, что и сам Гарри думал про себя… может, у него действительно не было друзей в Хогвартсе…

«Посмотрели бы они сейчас на знаменитого Гарри Поттера», — в отчаянии подумал он, раскладывая удобрения на клумбы — спина ныла, по лицу катился пот.

Было уже полвосьмого, когда он, полностью выдохшись, услышал, наконец, что его зовёт тетя Петуния.

— Иди сюда! И ступай по газете!

Гарри с радостью шагнул в тень сияющей кухни. На холодильнике стоял десерт, приготовленный на вечер: огромная гора взбитых сливок и сахарных фиалок. В духовке шипели куски свиного филе.

— Ешь скорее! Мейсоны скоро придут! — бросила тётя Петуния, указывая на два куска хлеба и кусочек сыра на столе. Она уже была одета в коктейльное платье цвета лососины.

Гарри помыл руки и принялся за свой жалкий

ужин. Едва он закончил, как тётя Петуния выдернула тарелку прямо у него из-под носа: «Наверх! Поторапливайся!»

Проходя мимо двери в гостиную, Гарри мельком увидел дядю Вернона и Дадли в смокингах и галстуках-бабочках. Едва он дошёл до верхнего этажа, как зазвонили в дверь, и у подножия лестницы появилось яростное лицо дядюшки Вернона.

— Запомни, парень, — лишь один звук…

Гарри направился к своей спальне на цыпочках, проскользнул внутрь, закрыл дверь и повернулся, чтобы рухнуть на кровать.

Но проблема была в том, что на ней уже кто-то сидел.

02. Предупреждение Добби

Гарри едва удалось не закричать. У маленького существа на кровати были большие, как крылья у летучей мыши, уши и выпуклые зелёные глаза размером с теннисные мячики. Гарри сразу же понял, что это именно это существо утром наблюдало за ним из-за изгороди.

Пока они смотрели друг на друга, Гарри услышал голос Дадли из прихожей.

— Позвольте взять ваши пальто, мистер и миссис Мейсон.

Существо соскользнуло с кровати и поклонилось так низко, что коснулось ковра кончиком длинного узкого носа. Гарри заметил, что одето оно в некое подобие старой наволочки с прорезями для рук и ног.

— Э… здравствуйте, — нервно сказал Гарри.

— Гарри Поттер! — сказало существо писклявым голоском, который, наверняка, было бы слышно внизу. — Добби так долго мечтал познакомиться с вами, сэр… Это такая честь…

— С-спасибо, — сказал Гарри, прокравшись по стенке и упав на стул рядом с Хедвигой, ко-

торая спала в своей большой клетке. Он хотел спросить: «Что вы такое?», но решил, что это прозвучит слишком грубо, поэтому спросил: «Кто вы такой?»

— Добби, сэр. Просто Добби. Домашний эльф Добби, — ответило существо.

— А… правда? — сказал Гарри. — Э… Не хочу показаться грубым, но… сейчас мне домашний эльф в комнате совсем не кстати.

Из гостиной донёсся высокий, фальшивый смех тёти Петунии. Эльф свесил голову.

— Не то, чтобы я не рад с вами познакомиться, — быстро добавил Гарри, — но, э, вы здесь с какой-то определённой целью?

— О да, сэр, — настаивал Добби. — Добби пришёл рассказать вам, сэр… это сложно, сэр… Добби не знает, с чего начать…

— Присядьте, — указав на кровать, вежливо сказал Гарри.

К его ужасу, эльф разрыдался… и очень громко.

— П-присесть! — взвыл он. — Никогда… никогда прежде…

Гарри показалось, что голоса внизу затихли.

— Извините, — прошептал он, — я не хотел вас обидеть.

— Обидеть Добби! — поперхнулся эльф. — Ни

один волшебник никогда ещё не предлагал Добби присесть… как равному…

Гарри, предприняв попытку сказать «Шшш!» и при этом утешить Добби, проводил того обратно к кровати, где он уселся, громко икая, похожий на большую и очень некрасивую куклу. Наконец, он смог взять себя в руки и уставился на Гарри глазами, полными обожания.

— Вам, похоже, попадались не слишком любезные волшебники, — сказал Гарри, пытаясь подбодрить его.

Добби покачал головой. Внезапно, без предупреждения, он поднялся и принялся неистово биться головой об окно, вопя: «Плохой Добби! Плохой Добби!»

— Нет… что вы делаете? — прошипел Гарри, вскакивая на ноги и втаскивая Добби обратно на кровать. Хедвига проснулась, издав очень громкий крик, и бешено захлопала крыльями по прутьям клетки.

— Добби должен был наказать себя, сэр, — сказал эльф, у которого слегка начали косить глаза. — Добби почти сказал плохо о своей семье…

— Семье?

— Семье волшебников, которой служит Добби,

сэр… Добби — домашний эльф… обязан служить одному дому и одной семье навеки…

— А они знают, что вы здесь? — поинтересовался Гарри.

Добби содрогнулся.

— О нет, сэр, нет… Добби придётся очень строго наказать себя за то, что я пришёл к вам, сэр. За это Добби придётся прищемить уши дверцей духовки. Если они узнают, сэр…

— Но разве они не заметят, что ты прищемил уши дверцей?

— Добби сомневается в этом, сэр. Добби всё время приходится себя за что-нибудь наказывать, сэр. И они позволяют это Добби, сэр. Иногда они напоминают мне о дополнительных наказаниях…

— Но почему ты не уйдешь от них? Не сбежишь?

— Домашний эльф должен быть освобождён, сэр. А семья никогда не освободит Добби… Добби будет служить семье до самой смерти, сэр…

Гарри уставился на него.

— А я думал, это мне будет тяжело торчать тут ещё четыре недели, — сказал он. — Выходит, Дёрсли обращаются со мной почти по-человечески. И никто не может вам помочь? Может

быть, я…

Почти сразу же Гарри пожалел, что что-то сказал. Добби опять бросился выть, высказывая благодарность.

— Пожалуйста, — бешено прошептал Гарри, — пожалуйста, помолчите. Если Дёрсли что-нибудь услышат, если они узнают, что вы здесь…

— Гарри Поттер предложил Добби помощь… Добби слышал о вашем величии, сэр, но о вашем великодушии Добби не знал…

Гарри почувствовал, что краснеет, и произнёс: «Что бы ты ни слышал о моем величии — это просто чепуха. Я даже не лучший ученик на своём курсе в Хогвартсе, зато Гермиона, вот она…»

Но он остановился, потому что воспоминание о Гермионе причиняло боль.

— Гарри Поттер очень скромен, — с уважением сказал Добби, сверкая огромными глазами. — Гарри Поттер не говорит о своей победе над Тем-Кого-Нельзя-Называть…

— Волдемортом? — сказал Гарри.

Добби зажал уши и простонал: «О, не произносите это имя, сэр! Не произносите имя!»

— Извини, — быстро сказал Гарри. — Я знаю, многие этого не любят. Мой друг Рон…

Он снова остановился. Мысль о Роне тоже при-

чиняла боль.

Добби наклонился к Гарри, выпучив глаза.

— Добби слышал, — прохрипел он, — что Гарри Поттер столкнулся с Тёмным Лордом несколько недель назад во второй раз… что Гарри Поттер опять спасся.

Гарри кивнул, и в глазах Добби внезапно блеснули слезы.

— Ах, сэр, — ахнул он, вытирая лицо уголком грязной наволочки, которая была на нём. — Гарри Поттер храбрый и мужественный! Он смело встречает опасность! Но Добби пришёл защитить Гарри Поттера, предупредить его, пусть даже за это Добби потом придётся прижать уши дверцей духовки… Гарри Поттер не должен возвращаться в Хогвартс.

Воцарившаяся тишина нарушалась только звяканьем ножей и вилок из столовой, да отдалённым громыханием голоса дяди Вернона.

— Ч-что? — запнулся Гарри. — Но мне нужно вернуться… первого сентября начинается семестр. Я держусь только благодаря этому. Вы не знаете, каково мне тут. Мне здесь не место. Моё место в вашем мире — в Хогвартсе.

— Нет, нет, нет, — пропищал Добби, мотая головой так сильно, что у него захлопали уши. —

Гарри Поттер должен оставаться в безопасности. Он слишком великий, слишком хороший, чтобы его потерять. Если Гарри Поттер вернётся в Хогвартс, он будет в смертельной опасности.

— Почему? — удивлённо спросил Гарри.

— Замышляется ужасное, Гарри Поттер. То, из-за чего в этом году в Школе Чародейства и Волшебства Хогвартс должны случиться ужасные вещи, — прошептал Добби, внезапно задрожав. — Добби давно знал об этом, сэр. Гарри Поттер не должен подвергать себя опасности. Он слишком важен, сэр!

— Какие ужасные вещи? — тут же спросил Гарри. — И кто их замышляет?

Из горла Добби вырвался странный звук, будто его душили, и он принялся биться головой о стену.

— Хватит! — закричал Гарри, хватая эльфа за руку, чтобы остановить его. — Понимаю, вы не можете мне рассказать. Но зачем вы предупреждаете меня? — внезапно ему пришла в голову ужасная мысль. — Подождите-ка… это ведь не имеет отношение к Вол… извините, к Сам-Знаешь-Кому? Просто покачайте головой или кивните, — быстро добавил он, заметив, что Добби опять оказался в опасной близости от стены.

Добби медленно покачал головой.

— Нет… это не Тот-Кого-Нельзя-Называть, сэр.

Но при этом Добби так выпучил глаза, как будто пытался дать Гарри подсказку. Но Гарри совершенно ничего не понимал.

— У него ведь нет брата?

Добби покачал головой, раскрывая глаза ещё шире.

— Ну, тогда я просто не знаю, кто ещё может сделать что-нибудь ужасное в Хогвартсе, — сказал Гарри. — То есть, там ведь Дамблдор, это во-первых… вы ведь знаете, кто такой Дамблдор?

Добби кивнул.

— Альбус Дамблдор — величайший директор, который когда-либо был в Хогвартсе. Добби знает это, сэр. Добби слышал, что сила Дамблдора сравнима с силой Того-Кого-Нельзя-Называть. Но, сэр, — голос Добби понизился до шёпота, — есть силы, которые Дамблдор… силы, которые ни один порядочный волшебник…

И, прежде чем Гарри успел его остановить, Добби свалился с кровати, схватил настольную лампу Гарри и с оглушительными воплями стал бить ей себя по голове.

Внизу внезапно наступила тишина. Через пару секунд Гарри, у которого бешено билось сердце,

услышал, как дядя Вернон вышел в коридор и крикнул: «Наверное это Дадли, шалунишка, оставил телевизор включённым!»

— Быстро! В шкаф! — прошипел Гарри, впихивая Добби внутрь, захлопывая дверцу и приземляясь на кровать, как раз когда повернулась дверная ручка.

— Что… чёрт… подери…ты… делаешь? — сказал дядя Вернон сквозь стиснутые зубы, угрожающе приблизив своё лицо к лицу Гарри. — Ты только что испортил самый важный момент в моей шутке про японского гольфиста… ещё один звук — и ты пожалеешь, что родился, парень!

Он вышел из комнаты, громко топая.

Дрожа, Гарри выпустил Добби из шкафа.

— Видите, каково мне здесь? — сказал он. — Видите, почему мне нужно вернуться в Хогвартс? Это — единственное место, где у меня есть… то есть, я думаю, что у меня есть друзья.

— Друзья, которые даже не пишут Гарри Поттеру? — лукаво спросил Добби.

— Наверное, они просто… постойте-ка… — нахмурившись, сказал Гарри. — А откуда это вы знаете, что мои друзья мне не пишут?

Добби засмущался, водя ногой по полу.

— Гарри Поттер не должен сердиться на Доб-

би… Добби хотел, как лучше…

— Вы что, перехватывали мои письма?

— Они у Добби, сэр, — сказал эльф. Проворно отодвинувшись так, чтобы Гарри не смог дотянуться, он вытащил толстую связку конвертов из-под своей наволочки. Гарри успел разглядеть аккуратный почерк Гермионы, каракули Рона и даже закорючки авторства, судя по всему, хогвартского лесничего Хагрида.

Добби заморгал, тревожно уставившись на Гарри.

— Гарри Поттер не должен злиться… Добби надеялся… если Гарри Поттер подумает, что его друзья о нём забыли… возможно, Гарри Поттер не захочет возвращаться в школу, сэр…

Гарри уже не слушал. Он потянулся к письмам, но Добби отпрыгнул от него.

— Гарри Поттер их получит, сэр, если он даст Добби слово, что не вернётся в Хогвартс. О, сэр, это опасность, с которой вы не должны сталкиваться! Скажите, что вы не вернётесь, сэр!

— Нет, — сердито сказал Гарри. — Отдайте мне письма моих друзей!

— Тогда Гарри Поттер не оставляет Добби выбора, — печально сказал эльф.

Не успел Гарри пошевелиться, как Добби устре-

мился к двери, распахнул её… и рванул вниз по ступенькам.

У Гарри пересохло во рту, а живот начало крутить, он бросился за ним, стараясь не шуметь. Прыгнув через последние шесть ступенек, он мягко приземлился на ковёр в коридоре, оглядываясь в поисках Добби. Из столовой долетал голос дяди Вернона: «…расскажите Петунии ту смешную историю о тех американских водопроводчиках. Она так мечтала её услышать…»

Гарри вбежал на кухню и почувствовал себя так, будто у него пропали все внутренности.

Шедевр тети Петунии, великолепнейший десерт, гора из сливок и сахарных фиалок, плавал под потолком. В углу, на самом верху буфета, скрючился Добби.

— Нет, — прохрипел Гарри. — Пожалуйста… они меня убьют…

— Гарри Поттер должен сказать, что не вернётся в школу…

— Добби… пожалуйста…

— Скажите, сэр…

— Не могу!

Добби трагически взглянул на него.

— Тогда Добби придётся сделать это, сэр, ради блага Гарри Поттера.

Десерт с ужасающим грохотом рухнул на пол. Сливки забрызгали окна и стены, а блюдо разбилось вдребезги. Со звуком, похожим на взмах кнутом, Добби испарился.

Из столовой донеслись крики, и в кухню ворвался дядя Вернон, чтобы обнаружить там замершего в ужасе Гарри, с головы до ног в десерте тети Петунии.

Поначалу ещё казалось, что дяде Вернону удастся всё уладить. («Это наш племянник… нездоров на голову… он плохо реагирует на встречи с другими людьми, поэтому мы держим его наверху…»). Он увёл шокированных Мейсонов обратно в столовую, пообещал Гарри, что сдерёт с него шкуру, когда Мейсоны уедут, и дал ему швабру. Тетя Петуния отыскала в морозилке немного мороженого, а Гарри, всё ещё дрожа, начал выскрёбывать кухню.

Быть может, дяде Вернону и удалось бы ещё заключить свою сделку… если бы не сова.

Тетя Петуния только начинала предлагать всем мятные пастилки, когда огромная сипуха влетела в окно гостиной, уронила на голову миссис Мейсон письмо и вылетела на улицу. Миссис Мейсон завизжала как баньши и выскочила из дома, крича что-то про сумасшедших. Мистер Мейсон

задержался ровно настолько, чтобы сообщить, что его жена смертельно боится птиц любых форм и размеров и спросить, считают ли они всё это смешной шуткой.

Гарри всё ещё стоял на кухне, крепко держась за швабру в качестве опоры, когда на него надвинулся дядя Вернон, демонически сверкая маленькими глазками.

— Читай! — зловеще прошипел он, размахивая письмом, которое принесла сова. — Давай… читай!

Гарри взял письмо. Это не было поздравлением с днём рождения.

> ***Уважаемый мистер Поттер!***
>
> Мы располагаем информацией о том, что сегодня вечером в 21:12 в районе Вашего проживания было применено Заклинание Парения.
>
> Как Вам известно, несовершеннолетним волшебникам не разрешается применять заклинания вне школы, и дальнейшее колдовство с Вашей стороны приведет Вас к исключению из вышеозначенной школы (Декрет «О Разумном Ограничении Несовершеннолетнего Кол-

довства» от 1875 года, параграф С).

Мы также напоминаем Вам, что любое волшебство увеличивает риск быть обнаруженным неволшебным сообществом (магглами) и является серьёзным нарушением раздела 13 «Акта о Секретности Международной Конфедерации Колдунов».

Желаем Вам приятных каникул!

Искренне Ваша,

Мафальда Хопкёрк,

Офис Незаконного Применения Магии,

Министерство Магии.

Гарри поднял глаза и сглотнул.

— Ты не говорил нам, что тебе не разрешено использовать магию вне школы, — произнес дядя Вернон с безумным блеском в глазах. — Забыл упомянуть… Я бы сказал, вылетело из головы…

Он навис над Гарри, как огромный бульдог, обнажив все зубы.

— Так вот, парень, у меня для тебя новости… Я тебя запру… Ты никогда не вернёшься в эту школу… никогда… а если только попробуешь выбраться с помощью магии — они тебя исключат!

И, разразившись безумным смехом, он пота-

щил Гарри вверх по лестнице.

Дядя Вернон сдержал своё слово. Следующим утром он заплатил кому-то, чтобы тот приладил на окно спальни Гарри решётку. Он лично пропилил в двери отверстие, чтобы три раза в день внутрь можно было пропихивать немного еды. Гарри выпускали в ванную только утром и вечером. Всё остальное время он был заперт в комнате.

* * *

Три дня спустя, Дёрсли не подали никаких признаков того, что смягчат наказание, и выхода из сложившейся ситуации Гарри не видел. Он лежал на кровати, наблюдая сквозь решетку на окне, как садится солнце, и в отчаянии думал, что же с ним будет.

Какой смысл удирать с помощью магии, если за это его исключат из Хогвартса? Тем не менее, жизнь на Привит Драйв стала хуже некуда. Теперь, когда Дёрсли знали, что могут не бояться однажды проснуться в виде плотоядных летучих мышей, он потерял единственное своё оружие. Может быть, Добби и спас его от ужасных событий в Хогвартсе, но, судя по тому, как шли его дела, вскоре ему всё равно предстояло умереть

с голоду.

В дверном отверстии появилась рука тёти Петунии, которая протолкнула в комнату чашку консервированного супа. Гарри, умиравший от голода, спрыгнул с кровати и схватил её. Суп был ледяным, но он отпил половину одним глотком. Потом он подошел к клетке Хедвиги, выловил со дна чашки несколько кусочков недоваренных овощей и положил в её пустой поднос для корма. Она взъерошила перья и бросила на Гарри взгляд, полный отвращения.

— Нехорошо ворочать клювом — это всё, что у нас есть, — мрачно произнёс Гарри.

Он поставил пустую чашку на пол возле дверного отверстия и снова улегся на кровать, почему-то чувствуя себя ещё более голодным.

Если предположить, что он будет жив через четыре недели, то что произойдет, когда он не явится в Хогвартс? Пришлют ли они кого-нибудь, чтобы выяснить, почему он не приехал? Смогут ли они заставить Дёрсли отпустить его?

В комнате становилось всё темнее. Измученный, голодный, не находящий ответа на одни и те же вопросы, Гарри забылся тревожным сном.

Ему снилось, что он сидит в клетке в зоопарке, с прибитой к клетке табличкой «Несовершен-

нолетний волшебник». Сквозь решётку на него глазели люди, а он, голодный и слабый, лежал на соломе. Он увидел в толпе лицо Добби и завопил, прося помощи, но Добби крикнул: «Гарри Поттер здесь в безопасности, сэр!» — и исчез. Потом появились Дёрсли, и Дадли, насмехаясь над ним, забарабанил по решётке.

— Хватит, — бормотал Гарри, потому что грохот отдавался в больной голове. — Отстаньте от меня… хватит… Я пытаюсь поспать…

Он открыл глаза. Сквозь решётку на окне искрился лунный свет. И кто-то действительно смотрел на него сквозь решётку: кто-то веснушчатый, рыжий и длинноносый.

За окном Гарри был Рон Уизли.

03. Нора

— Рон! — выдохнул Гарри, подкрадываясь к окну и распахивая его, чтобы можно было говорить через решётку. — Рон, как тебе… Что за?..

У Гарри отвисла челюсть, когда он осознал, что происходит у него перед глазами. Рон высовывался из заднего окна старой, бирюзового цвета машины, припаркованной в воздухе. На передних сиденьях, улыбаясь, сидели близнецы Фред и Джордж, старшие братья Рона.

— Как дела, Гарри?

— Что случилось? — сказал Рон. — Почему ты не отвечал на мои письма? Я звал тебя к себе уже двенадцать раз, а потом папа пришёл домой и сказал, что ты получил официальное предупреждение за использование магии в присутствии магглов…

— Это был не я… а как он узнал?

— Он работает в Министерстве, — ответил Рон. — Ты же знаешь, что нам нельзя колдовать за пределами школы…

— Кто бы говорил, — заметил Гарри, рассматривая парящую машину.

— А, это не считается, — сказал Рон. — Мы взяли её на время, она папина, мы её не заколдовывали. Но применять магию в присутствии магглов, с которыми живёшь…

— Я же сказал тебе, это был не я… в общем, долго объяснять. Слушай, а вы не могли бы объяснить в Хогвартсе, что Дёрсли заперли меня и не позволят вернуться, и, разумеется, я не могу выбраться с помощью магии, потому что Министерство подумает, что это второе заклинание за три дня, и…

— Хватит трепаться, — сказал Рон, — мы прилетели, чтобы забрать тебя.

— Но вам ведь тоже не выпустить меня с помощью магии…

— А нам и не нужно, — лукаво улыбнувшись, сказал Рон, кивнув на передние сиденья. — Ты забываешь, с кем я.

— Привяжи к решетке, — сказал Фред, кидая Гарри конец верёвки.

— Если Дёрсли проснутся, я — труп, — сказал Гарри, завязывая на одном из прутьев тугой узел, а Фред, тем временем, завёл машину.

— Не волнуйся, — сказал Фред, — и лучше отойди.

Гарри отошёл в тень к Хедвиге, которая, казалось, понимала, как всё это важно, и вела себя

очень спокойно и тихо. Машина ревела всё громче и громче, и вдруг решётка вылетела с громким хрустом, когда Фред резко рванул вперёд… Гарри подбежал к окну и увидел, что решётка раскачивается в нескольких футах от земли. Пыхтя, Рон втащил её в машину. Гарри тревожно прислушался, но из комнаты Дёрсли звуки не доносились.

Когда решётка, наконец, оказалась на заднем сиденье рядом с Роном, Фред опять подрулил как можно ближе к окну Гарри.

— Запрыгивай, — сказал Рон.

— Но все мои школьные вещи… моя волшебная палочка… моя метла…

— Где они?

— Заперты в чулане под лестницей, а я не могу выбраться из комнаты…

— Нет проблем, — раздался голос Джорджа с переднего пассажирского сидения. — Отойди-ка, Гарри.

Фред и Джордж аккуратно влезли к Гарри в окно. «А им нужно отдать должное», — подумал Гарри, когда Джордж достал из кармана обычную шпильку и начал ковыряться ею в замочной скважине.

— Многие волшебники думают, что знать такие маггловские хитрости — трата времени, — сказал

Фред, — но нам кажется, что такие вещи стоит знать, хоть и получается не так быстро.

С тихим щелчком дверь открылась.

— Значит так… мы притащим твой чемодан… бери всё, что тебе нужно из своей комнаты и передавай Рону, — прошептал Джордж.

— Осторожно на нижней ступеньке — она скрипит, — прошептал в ответ Гарри.

Он носился по комнате, собирая свои вещи и передавая их Рону. Потом он помог Фреду и Джорджу затащить чемодан вверх по лестнице. Гарри услышал кашель дяди Вернона.

Наконец, тяжело дыша, они добрались до лестничного пролёта и дотащили чемодан Гарри до открытого окна. Фред забрался в машину, чтобы помочь Рону втаскивать чемодан, а Гарри и Джордж выталкивали его со стороны спальни. Дюйм за дюймом, чемодан сползал в машину.

Дядя Вернон снова закашлял.

— Ещё капельку, — пыхтел Фред, втягивая чемодан в машину, — как следует подтолкнуть…

Гарри и Джордж навалились на чемодан, и он съехал на заднее сидение машины через окно.

— Отлично, поехали, — прошептал Джордж.

Но едва Гарри начал взбираться на подоконник, как за ним раздался громкий крик, а затем

дядя Вернон прогремел:

— ПРОКЛЯТАЯ СОВА!

— Я забыл Хедвигу!

Гарри рванул через всю комнату, а на лестничном пролёте щёлкнул выключатель. Он схватил клетку с Хедвигой, бросился к окну и передал её Рону. Он уже карабкался на комод, когда дядя Вернон забарабанил в незапертую дверь… и она с треском распахнулась.

На какую-то долю секунды дядя Вернон остолбенел от удивления, остановившись в дверном проёме; затем он взревел, как бешеный бык, и бросился на Гарри, хватая его за ногу.

Рон, Фред и Джордж схватили Гарри за руки и изо всех сил потянули его на себя.

— Петуния! — ревел Дядя Вернон. — Он убегает! ОН УБЕГАЕТ!

Уизли поднажали со всей мочи, и нога Гарри выскользнула из хватки дяди Вернона. Как только Гарри оказался в машине и захлопнул дверь, Рон завопил:

— Жми на газ, Фред!

И машина неожиданно рванула к луне.

Гарри не мог поверить в это… он был свободен. Он высунулся из окна машины — ночной воздух трепал его волосы — и посмотрел на удаляющи-

еся крыши домов Привит Драйв. Дядя Вернон, тётя Петуния и Дадли, онемевшие от потрясения, высовывались из окна спальни Гарри.

— До следующего лета! — прокричал Гарри.

Уизли закатились от хохота, а Гарри уселся обратно, улыбаясь до ушей.

— Выпусти Хедвигу, — сказал он Рону, — она полетит следом. Ей не удавалось расправить крылья уже тысячу лет.

Джордж передал Рону шпильку, и через секунду Хедвига радостно выпорхнула в окно, скользя позади них, словно привидение.

— Итак… что произошло, Гарри? — нетерпеливо сказал Рон. — Что было?

Гарри рассказал им о Добби, о предупреждении, которое он дал Гарри, и о фиаско десерта с фиалками. Когда он закончил, наступило долгое молчание, вызванное сильным удивлением.

— Очень странно, — наконец сказал Фред.

— Определённо подозрительно, — согласился Джордж. — Так он даже не сказал, кто всё это замышляет?

— По-моему, он не мог, — сказал Гарри. — Говорю вам, когда казалось, что он вот-вот проговорится, он тут же начинал биться головой об стену.

Фред и Джордж переглянулись.

— Что, вы думаете, он мне соврал? — сказал Гарри.

— Ну, — сказал Фред, — посуди сам… домашние эльфы обладают своей собственной мощной магией, но обычно они не могут пользоваться ей без разрешения хозяина. Думаю, старого Добби послали, чтобы ты не поехал в Хогвартс. Кто-то решил подшутить. Есть идеи, кто из школы бы мог иметь что-то против тебя?

— Да, — тут же хором ответили Гарри и Рон.

— Драко Малфой, — объяснил Гарри. — Он меня ненавидит.

— Драко Малфой? — обернувшись, сказал Джордж. — Не сын ли это Люциуса Малфоя?

— Наверное, это ведь не распространённая фамилия, — сказал Гарри. — А что?

— Я слышал, как папа говорил о нём, — сказал Джордж. — Он был ярым сторонником Сами-Знаете-Кого.

— А когда Сами-Знаете-Кто исчез, — сказал Фред, перегнувшись через сидение, чтобы быть к Гарри лицом, — Люциус Малфой переметнулся обратно, сказав, что сам он этого не хотел. Лапша на уши… папа считает, что он был в круге приближённых Сами-Знаете-Кого.

Гарри знал об этих слухах о семье Малфоя, и они его не удивляли. На фоне Драко Малфоя Дадли Дёрсли казался добрым, заботливым и чувствительным мальчиком.

— Я не знаю, есть ли у Малфоев домашний эльф… — сказал Гарри.

— Ну, кто бы ни был его хозяином, это старая семья волшебников, к тому же богатая, — сказал Фред.

— Да маме хочется, чтобы у нас был домашний эльф, чтобы он гладил бельё, — сказал Джордж. — Но у нас есть только вшивый старый упырь на чердаке и гномы по всему саду. Домашние эльфы прилагаются к особнякам и замкам и всему такому, так что у нас такого не увидишь…

Гарри молчал. Судя по тому, что у Драко Малфоя было всё самое лучшее, его семья купалась в волшебном золоте; он мог отчётливо представить, как Малфой слоняется по огромному особняку. Послать слугу семьи, чтобы заставить Гарри не поехать в Хогвартс тоже походило на то, что мог сделать Малфой. Неужели Гарри был настолько глуп, чтобы всерьёз поверить Добби?

— В любом случае, я рад, что мы забрали тебя, — сказал Рон. — Я начал сильно волноваться, когда ты не ответил ни на одно из моих писем.

Сначала я подумал, что виноват Эррол…

— Кто такой Эррол?

— Наша сова. Он очень старый. Он уже не раз отключался и падал во время передачи почты. Поэтому я попытался одолжить Гермеса…

— Кого?

— Сову, которую мама и папа купили Перси, когда он стал Префектом, — сказал Фред с переднего сидения.

— Но Перси не разрешил мне его одолжить, — сказал Рон. — Сказал, что он ему нужен.

— Перси всё лето ведёт себя странно, — нахмурившись, сказал Джордж. — И он действительно послал много писем и много времени проводит в комнате взаперти… но сколько можно полировать значок Префекта… Ты слишком далеко забрал на запад, Фред, — добавил он, показывая на компас на приборной панели. Фред повернул руль.

— Так ваш папа знает, что вы взяли машину? — сказал Гарри, догадываясь, каков будет ответ.

— Эм, нет, — сказал Рон, — он сегодня работает. Надеюсь, нам удастся поставить её в гараж так, чтобы мама не заметила, что мы на ней летали.

— А чем занимается ваш папа в Министерстве Магии?

— Он работает в самом скучном отделе, — сказал Рон. — Офис Неправильного Использования Артефактов Магглов.

— Чего?

— Это связано с заколдованными вещами, которые сделаны магглами, знаешь, если они вдруг опять окажутся в маггловском магазине или доме. Например, в прошлом году, умерла одна старая ведьма, и её чайный сервиз продали в магазин антиквариата. Его купила маггловская женщина, принесла домой и попыталась подать в нём чай своим друзьям. Это был кошмар… папа работал сверх смены несколько недель.

— А что случилось?

— Чайник вышел из себя и начал забрызгивать всё вокруг кипящим чаем, а один мужчина оказался в больнице, потому что щипцы для сахара вцепились ему в нос. Папа просто с ума сходил — в офисе только он и старый колдун по имени Перкинс, и им пришлось накладывать Заклинания Памяти и ещё много чего, чтобы замять это дело…

— Но ваш папа… эта машина…

Фред засмеялся.

— Да, папа без ума от всего, что связано с магглами, у нас весь сарай забит маггловским барахлом.

Он это всё разбирает, накладывает заклинания, а потом снова собирает. Если бы он обыскал наш дом, то ему пришлось бы самого себя арестовать. Это бесит маму.

— Вот магистраль, — сказал Джордж, выглядывая вниз сквозь лобовое стекло. — Будем на месте через десять минут… самое время, уже светает…

На востоке уже было видно бледно-розовую линию горизонта.

Фред снизился, и Гарри увидел тёмное полотно полей и кроны деревьев.

— Мы живём недалеко от деревни, — сказал Джордж. — Оттери Сент Кетчпол.

Летающая машина всё снижалась и снижалась. Край алого солнца теперь сверкал сквозь деревья.

— Тачдаун! — сказал Фред, когда они с лёгким толчком сели на землю. Они приземлились рядом с обветшалым гаражом на маленьком дворе, и Гарри впервые увидел дом Рона.

Выглядел он так, будто когда-то был большим каменным свинарником, но тут и там к нему добавляли дополнительные комнаты, пока он не стал высотой в несколько этажей и таким кривым, что казалось, будто держится он только благодаря волшебству (так оно, напомнил

себе Гарри, видимо, и было). Из красной крыши торчало четыре или пять каминных труб. На покосившейся табличке, воткнутой в землю у входа, было написано «Нора». У двери валялась целая куча высоких сапог и лежал очень ржавый котёл. По двору прогуливались несколько толстых коричневых кур.

— Не бог весть что, — сказал Рон.

— Да тут замечательно! — радостно сказал Гарри, вспомнив о Привит Драйв.

Они выбрались из машины.

— Так, мы поднимемся наверх очень тихо, — сказал Фред, — и подождём, пока мама не позовёт нас к завтраку. Затем ты, Рон, спустишься вниз и скажешь «Мама, смотри, кто приехал посреди ночи!», и она очень обрадуется Гарри, и никому и не надо знать, что мы летали на машине.

— Ладно, — сказал Рон. — Пойдём Гарри, я сплю на…

Рон стал мерзкого зелёного цвета и уставился на дом. Остальные обернулись.

Разгоняя кур, по двору шла миссис Уизли, и для низкой, полной и с виду доброй женщины, она была слишком похожа на саблезубого тигра.

— Ой, — сказал Фред.

— О боже, — сказал Джордж.

Миссис Уизли резко остановилась прямо перед ними, уперев руки в бока и переводя взгляд с одного виноватого лица на другое. На ней был фартук в цветочек, а из кармана торчала волшебная палочка.

— Итак, — сказала она.

— Доброе утро, мам, — сказал Джордж голосом, который, судя по всему, казался ему очень весёлым.

— Вы представляете, как я волновалась? — загробным шёпотом сказала миссис Уизли.

— Прости мам, но видишь ли, нам надо было…

Все три сына миссис Уизли были выше её, но они съёжились, когда на них обрушилась её ярость.

— Кровати пустые! Записки нет! Машина пропала… могли разбиться… места не находила от волнения… вам есть дело?… никогда, пока я жива… подождите, пока ваш отец вернётся домой, у нас никогда не было столько неприятностей с Биллом или Чарли или Перси…

— Префектом Перси, — пробормотал Фред.

— ВЫ МОГЛИ БЫ ВЗЯТЬ ПРИМЕР С ПЕРСИ! — закричала миссис Уизли, тыкая пальцем Фреду в грудь. — Вы могли погибнуть, вас могли увидеть, из-за вас ваш отец мог потерять работу…

Казалось, это продолжалось несколько часов. Миссис Уизли кричала до хрипоты, а затем повернулась к Гарри, который тут же попятился.

— Я очень рада видеть тебя, Гарри, дорогой, — сказала она. — Заходи, позавтракай.

Она повернулась и направилась к дому, а Гарри, нервно взглянув на Рона, который ободряюще кивнул ему, отправился за ней.

Кухня была маленькой и довольно тесной. Посередине стояли до блеска начищенные стол и стулья, и Гарри уселся на краешек сидения и стал оглядываться. Он ещё не бывал в доме волшебников.

У часов на стене напротив него была только одна стрелка и не было ни одной цифры. По краю циферблата кругом были надписи вроде «Пора готовить чай», «Пора кормить кур» или «Вы опоздали». Камин в три ряда был заставлен книгами с названиями вроде «Наколдуйте Ваш Собственный Сыр», «Чары Для Выпечки» и «Пир За Минуту — Это Магия!». И если уши не подводили Гарри, старый приёмник рядом с раковиной только что объявил, что на очереди «Ведьмовской Час с популярной певицей-волшебницей Селестиной Уорбек».

Миссис Уизли хлопотала, звеня посудой и слег-

ка рассеянно готовя завтрак, бросая на сыновей злобные взгляды, а сосиски — на сковороду. То и дело она бормотала что-нибудь вроде «не знаю, о чём вы думали» и «никогда бы не поверила».

— Я не виню тебя, дорогой, — заверила она Гарри, накладывая ему на тарелку восемь или девять сосисок. — Мы с Артуром тоже о тебе волновались. Буквально накануне мы говорили о том, чтобы самим приехать и забрать тебя, если ты не ответишь Рону к пятнице. Но в самом деле (теперь она накладывала в его тарелку яичницу из трёх яиц), полететь на нелегальной машине через полстраны… кто угодно мог вас увидеть…

Она небрежно махнула палочкой в сторону грязной посуды в раковине, и та тут же начала мыть сама себя, тихонько позвякивая фоном.

— Было облачно, мам! — сказал Фред.

— Закрой рот, когда ешь! — бросила миссис Уизли.

— Они морили его голодом, мам! — сказал Джордж.

— Ты тоже! — сказала миссис Уизли, чуть с меньшей злобой начав резать хлеб для Гарри и намазывать на него масло.

В этот момент кто-то рыжеволосый в длинной ночной сорочке появился на кухне, издал тихий

вопль и снова убежал.

— Джинни, — тихо сказал Гарри Рон. — Моя сестра. Она говорила о тебе всё лето.

— Да, ей захочется твой автограф, Гарри, — ухмыльнулся Фред, но поймал взгляд матери и снова беззвучно склонился над тарелкой. Больше они не говорили, пока не опустошили все четыре тарелки, что заняло на удивление мало времени.

— Надо же, как я устал, — зевнул Фред, наконец, складывая нож и вилку. — Думаю, пойду я в постельку и…

— Не пойдёшь, — рявкнула миссис Уизли. — Вы сами виноваты, что не спали ночью. Вы займётесь дегномизацией сада, они совсем от рук отбились.

— Ну, мам…

— И вы двое, — сказала она, бросая взгляд на Рона и Джорджа (в издании — опять Фреда). — Ты можешь пойти наверх спать, дорогой, — добавила она, обращаясь к Гарри. — Ты не просил их летать на этой проклятой машине.

Но Гарри, который чувствовал себя бодрее некуда, быстро сказал:

— Я помогу Рону, я никогда не видел дегномизацию…

— Это очень мило с твоей стороны, дорогой, но

это нудная работа, — сказала миссис Уизли. — А теперь посмотрим, что насчёт этого пишет Локхарт.

И из стопки на камине она достала толстую книгу. Джордж застонал.

— Мам, мы знаем, как дегномизировать сад.

Гарри посмотрел на обложку книги миссис Уизли. На ней было написано красивыми золотыми буквами: «Руководство по Домашним Вредителям Гилдероя Локхарта». Спереди была фотография весьма красивого волшебника с вьющимися волосами и ярко-голубыми глазами. Как обычно это было в волшебном мире, фотография двигалась; волшебник, который, как полагал Гарри, и был Гилдероем Локхартом, то и дело кокетливо им всем подмигивал. Миссис Уизли просияла, глядя на него.

— О, он просто великолепен, — сказала она, — он знает всё о вредителях, это точно, это просто потрясающая книга…

— Мама втрескалась в него, — едва слышным шёпотом произнёс Фред.

— Не говори глупостей, Фред, — сказала миссис Уизли, а на щеках у неё появился румянец. — Ладно, если вы думаете, что знаете больше Локхарта, то идите и приступайте к делу, и пеняйте на себя,

если я приду проверять сад, а там окажется хоть один гном.

Зевая и ворча, Уизли, а за ними и Гарри, вышли на улицу. Сад был большим и именно таким, как Гарри представлял себе нормальный сад. Дёрсли бы он совсем не понравился — там было много сорняков, а траву нужно было подстричь, — но по всему периметру росли деревья, из каждой грядки торчали растения, которых Гарри никогда не видел, а ещё был большой зелёный пруд с лягушками.

— У магглов тоже есть садовые гномы, — сказал Гарри Рону, пока они шли по лужайке.

— Ага, видел я то, что они считают гномами, — сказал Рон, согнувшись вдвое, чтобы залезть с головой в куст пионов. — Как толстые Деды Морозы с удочками…

Раздался неистовый скрежет, куст пионов содрогнулся, и Рон выпрямился.

— Вот это — гном, — мрачно сказал он.

— Отстань от меня! Отстань от меня! — пищал гном.

Он вовсе не был похож на Деда Мороза. Он был маленьким и лысым и похожим на картофелину. Рон держал его на вытянутых руках, потому что тот пинался грязными ножками; он схватил его

за щиколотки и перевернул.

— Вот что надо делать, — сказал он. Он поднял гнома над головой («Отстань от меня!») и начал описывать им огромные круги, словно лассо. Увидев удивлённое выражение лица Гарри, Рон добавил: «Им не больно — надо просто, чтобы у них закружилась голова, тогда они не смогут найти дорогу в свои норы».

Он отпустил гнома. Тот подлетел на двадцать футов и с глухим стуком приземлился в поле за оградой.

— Слабенько, — сказал Фред. — Спорим, я перекину своего за тот пень.

Гарри быстро научился не испытывать жалости к гномам. Он решил просто перекинуть первого, которого поймал, за ограду, но гном, почувствовав слабость, вонзил острые зубы в палец Гарри, и его долго не удавалось стряхнуть, пока…

— Ого, Гарри… это, наверное, футов пятьдесят…

Скоро воздух наполнился летающими гномами.

— Видишь, не такие уж они и умные, — сказал Джордж, хватая сразу пять или шесть гномов. — Как только они узнают, что началась дегномизация, они тут же прибегают посмотреть. Казалось бы, им пора понять, что не надо высовываться.

Вскоре гномы, оказавшиеся в поле, сгорбившись, беспорядочной толпой направилась прочь.

— Они вернутся — сказал Рон, пока они смотрели, как гномы исчезают за оградой на другой стороне поля. — Им здесь нравится… папа слишком добр к ним, они кажутся ему забавными…

Как раз в этот момент хлопнула входная дверь.

— Он вернулся! — сказал Джордж. — Папа дома!

Они поторопились обратно в дом.

Мистер Уизли сидел на кухонном стуле, сняв очки и закрыв глаза. Он был худым и лысел, но даже те волосы, которые у него оставались, были такими же рыжими, как и у его детей. На нём была длинная зелёная мантия, пыльная и поношенная.

— Ну и ночка, — пробормотал он, нащупывая чайник, пока они рассаживались вокруг него. — Девять рейдов. Девять! А старик Мунда́нгус Флетчер пытался наложить на меня заклятье, когда я повернулся к нему спиной…

Мистер Уизли сделал большой глоток чая и вздохнул.

— Нашёл что-нибудь, пап? — жадно спросил Фред.

— Только уменьшающиеся ключи и кусающийся чайник, — зевнул мистер Уизли. — Хотя были прочие гадости, которые не относятся к нашему отделу. Мортлэйка увели на допрос по поводу каких-то странных хорьков, но слава богу, это Комитет Экспериментальных Чар…

— Зачем кому-то делать уменьшающиеся ключи? — сказал Джордж.

— Просто чтобы поиздеваться над магглами, — вздохнул мистер Уизли. — Продать им ключ, который уменьшается до предела, чтобы они его не нашли, когда он им нужен… конечно, убедить кого-то в этом очень сложно, потому что ни один маггл не признает, что его ключи уменьшаются… он будет настаивать на том, что просто их теряет. Храни их господь, они пойдут на что угодно, чтобы не замечать магию, даже если она прямо у них перед носом… но что только нам не пришлось заколдовывать…

— МАШИНЫ, НАПРИМЕР?

Пришла миссис Уизли, держа в руках длинную кочергу, похожую на меч. Мистер Уизли резко открыл глаза. Он виновато уставился на жену.

— М-машины, Молли?

— Да, Артур, машины, — сказала миссис Уизли, сверкая глазами. — Представь, что волшебник

купил старую ржавую машину и сказал жене, что он всего лишь хотел разобрать её, чтобы посмотреть, как она работает, хотя на самом деле он заколдовывал её, чтобы она летала.

Мистер Уизли моргнул.

— Ну, дорогая, думаю, ты обнаружишь, что этот волшебник не преступал закон, делая это, даже если, эээ, возможно, ему стоило, эм, сказать своей жене правду… В законе есть лазейка… если он не собирался летать на машине, то факт, что машина может летать, не…

— Артур Уизли, ты сделал так, чтобы в этом законе была лазейка, когда писал его! — закричала миссис Уизли. — Чтобы безнаказанно возиться с маггловским барахлом в нашем сарае! И к твоему сведению, Гарри прибыл сегодня утром на машине, на которой ты не собирался летать!

— Гарри? — безразлично сказал мистер Уизли. — Какой Гарри?

Он обернулся, увидел Гарри и подпрыгнул.

— Господи, неужели, это Гарри Поттер? Очень рад с тобой познакомиться, Рон так много о тебе рассказывал…

— Твои сыновья летали на этой машине домой к Гарри и обратно! — кричала миссис Уизли. — Что ты на это скажешь, а?

— Правда летали? — с энтузиазмом произнёс мистер Уизли. — Всё прошло нормально? Т-то есть, — он запнулся, потому что из глаз миссис Уизли посыпались искры, — это… это очень плохо, мальчики… очень плохо…

— Давай-ка оставим их, — сказал Рон, потому что миссис Уизли надулась как лягушка. — Пойдём, я покажу тебе свою спальню.

Они выскользнули из кухни в узкий коридор и прошли к неровной лестнице, которая извивалась вверх сквозь весь дом. На третьем этаже была приоткрыта одна дверь. Гарри удалось увидеть лишь пару карих глаз, уставившихся на него, прежде чем дверь с шумом захлопнулась.

— Джинни, — сказал Рон. — Ты не представляешь, как это странно, что она ведёт себя так застенчиво, обычно она не затыкается…

Они забрались ещё на два этажа вверх, пока не достигли двери с облупившейся краской и маленькой табличкой, гласившей «Комната Рональда».

Гарри зашёл внутрь, едва не задевая головой потолок, и заморгал. Он словно попал внутрь костра — почти всё в комнате Рона, казалось, было яркого оранжевого цвета: постельное бельё, стены и даже потолок. Затем Гарри понял, что Рон

завешал почти каждый дюйм ветхих обоев постерами с изображением одних и тех же семерых волшебников и волшебниц в ярко-оранжевых мантиях и с мётлами в руках, которые энергично махали.

— Твоя любимая команда по Квиддитчу? — сказал Гарри.

— Chudley Cannons (Пушки Чадли), — сказал Рон, указывая на оранжевое постельное бельё, которое украшали две огромные буквы «С» и летящее ядро. — Девятые в лиге.

Школьные книги Рона беспорядочно лежали в углу рядом со стопкой комиксов, каждые из которых, похоже, были про Приключения Мартина Миггса, Сумасшедшего Маггла. Волшебная палочка Рона лежала на аквариуме, полного лягушачьей икры, который стоял на подоконнике рядом с его крысой Коростой, которая спала под лучиком солнца.

Гарри переступил через пачку Самотасующихся Карт, лежавших на полу, и выглянул в маленькое окошко. Он увидел, как далеко внизу кучка гномов один за другим снова прокрадывались через ограду Уизли. Затем он обернулся к Рону, который, почти нервничая, смотрел на него, будто ожидая вердикта.

— Она немного маленькая, — быстро сказал Рон. — Не как та, в которой ты жил у магглов. И я живу прямо под упырём на чердаке, а он всегда стучит по трубам и стонет…

Но Гарри широко улыбнулся и сказал:

— Это лучший дом, в котором я когда-либо был.

У Рона порозовели уши.

04. У «Флориша и Блоттса»

Жизнь в Норе отличалась от жизни на Привит Драйв настолько, насколько это только было возможно. Дёрсли любили аккуратность и порядок; в доме Уизли странное и неожиданное било ключом. В первый раз Гарри испытал потрясение, когда глянул в зеркало над кухонным камином, а оно крикнуло: «Заправь рубашку, неряха!» — Упырь на чердаке вопил и бросал на пол трубы, когда, по его мнению, становилось слишком спокойно, а тихие взрывы, доносившиеся из спальни Фреда и Джорджа, были и вовсе в порядке вещей. Но самым необычным в жизни Гарри у Рона были вовсе не бренчащий упырь или говорящее зеркало — необычно было то, что здесь, похоже, его все любили.

Миссис Уизли беспокоилась о том, в порядке ли у него носки, и пыталась насильно впихнуть в него четвёртую порцию добавки каждого блюда. Мистер Уизли любил, чтобы за обедом Гарри садился за стол рядом с ним, так, чтобы он мог заваливать его вопросами о жизни маггло в, прося объяснить, как действуют вещи вроде штепселей

и почты.

— Поразительно! — воскликнул он, когда Гарри рассказал ему, как пользоваться телефоном. — Гениально, сколько способов обойтись без магии понапридумывали эти магглы.

Хогвартс напомнил о себе солнечным утром примерно через неделю после того, как Гарри появился в Норе. Когда Рон и Гарри спустились к завтраку, мистер и миссис Уизли вместе с Джинни уже сидели за кухонным столом. Увидев Гарри, Джинни случайно с грохотом уронила на пол миску с овсянкой. У Джинни обнаружилась очевидная склонность ронять всё на пол, лишь только Гарри входил в комнату. Она нырнула под стол, чтобы поднять миску, а когда вынырнула, лицо её раскраснелось, как солнце на закате. Сделав вид, что он ничего не заметил, Гарри уселся и взял тост, предложенный миссис Уизли.

— Письма из школы, — сказал мистер Уизли, передавая Гарри и Рону одинаковые конверты из желтоватого пергамента, на которых зелёными чернилами был написан адрес. — Дамблдор уже знает, что ты здесь, Гарри… этого человека не проведёшь. И вам двоим тоже пришли, — добавил он, когда на кухню неторопливо вошли Фред и Джордж в пижамах.

На несколько минут, пока они читали письма, воцарилась тишина. В письме Гарри содержалось обычное указание первого сентября сесть на Хогвартс-Экспресс с вокзала Кингс Кросс. Также был и список новых книг, необходимых в наступающем году.

Студентам-второкурсникам требуется:

«Стандартная книга заклинаний (2 уровень)» **Миранды Госхок**
«Баклуши с Баньши» **Гилдероя Локхарта**
«Ужин с Упырями» **Гилдероя Локхарта**
«Выходные с Ведьмами» **Гилдероя Локхарта**
«Турне с Троллями» **Гилдероя Локхарта**
«Вояж с Вампирами» **Гилдероя Локхарта**
«Отдых с Оборотнями» **Гилдероя Локхарта**
«Срок со Снежным Человеком» **Гилдероя Локхарта**

Фред, закончив изучать свой список, заглянул

в список Гарри.

— И тебе тоже велено купить все книги Локхарта! — сказал он. — Новый учитель по Защите от Темных Искусств, видимо, его поклонник… готов поспорить, это ведьма.

В этот миг Фред поймал взгляд матери и мгновенно сосредоточился на намазывании мармелада.

— Недешёво это выйдет, — сказал Джордж, быстро глянув на родителей. — У Локхарта дорогие книги …

— Справимся, — ответила миссис Уизли, хотя и выглядела взволнованной. — Думаю, многие вещи для Джинни нам удастся купить в магазине подержанных вещей.

— А, так ты в этом году идешь в Хогвартс? — спросил у Джинни Гарри.

Она кивнула, покраснев до корней огненных волос и угодив локтем в маслёнку. К счастью, этого никто, кроме Гарри, не заметил, поскольку в этот момент вошёл старший брат Рона Перси. Он был уже одет, и значок Префекта был уже приколот к его вязаному жилету.

— Всем доброе утро, — оживленно поздоровался Перси. — Чудесный день.

Он уселся на единственный свободный стул,

но тут же вскочил и выдернул из-под себя серую вылинявшую метёлку из перьев для смахивания пыли… во всяком случае, так показалось Гарри, пока он не разглядел, что метёлка дышит.

— Эррол! — закричал Рон, забирая у Перси хромую сову и извлекая у неё из-под крыла письмо. — Наконец-то… он принёс ответ от Гермионы. Я писал ей, что мы попробуем спасти тебя от Дёрсли.

Он отнёс Эррола к жёрдочке у задней двери и попытался туда его усадить, но Эррол с неё шлёпнулся, поэтому Рон, пробормотав «душераздирающее зрелище», положил его на сушилку для белья. Потом он разорвал конверт с письмом от Гермионы и прочёл вслух:

> **Дорогие Рон и Гарри, если ты там!**
>
> Надеюсь, что всё прошло нормально, и что с Гарри всё в порядке, и что ты, Рон, не совершил ничего противозаконного, чтобы вытащить его, потому что тогда и у Гарри были бы проблемы. Я всерьёз волнуюсь, и если с Гарри всё в порядке, пожалуйста, дай мне знать сразу же, но, очевидно, лучше будет воспользоваться другой совой, поскольку, как я полагаю,

ещё одно письмо эту прикончит.

Я, конечно, очень занята учебой… — Как? — ужаснулся Рон. — Мы же на каникулах! — а на следующей неделе мы собираемся в Лондон, чтобы купить новые книги. Почему бы нам не встретиться на Диагон Аллее?

Дайте мне знать, что происходит, как только сможете.

С любовью, Гермиона.

— Что ж, всё совпадает, можно пойти и тоже всё для вас купить, — сказала миссис Уизли, начиная убирать со стола. — Что вы собираетесь сегодня делать?

Гарри, Рон, Фред и Джордж планировали пойти на холм к небольшому загону, принадлежавшему Уизли. Он был окружён деревьями, закрывавшими его от расположенной внизу деревни, что давало им возможность практиковаться в игре в Квиддитч, если только не залетать слишком высоко. Они не могли использовать настоящие мячи для Квиддитча, появление которых над деревней, если бы те разлетелись, было бы сложно объяснить; вместо них они бросали друг другу яблоки. Они решили по очереди летать на

«Нимбусе-2000» Гарри, который, бесспорно, был лучшей метлой; старый «Метеор» Рона зачастую обгоняли пролетавшие мимо бабочки.

Через пять минут они уже шагали вверх по холму с мётлами на плечах. Они спросили у Перси, не желает ли и он присоединиться к ним, но тот ответил, что занят. За всё время Гарри видел Перси только за едой; в остальное время тот запирался у себя в комнате.

— Хотел бы я знать, что он замышляет, — нахмурился Фред. — Он сам не свой. За день до твоего появления прислали результаты его экзаменов. Двенадцать С.О.В. — а он едва порадовался.

— Стандартизированных Оценок Волшебника, — пояснил Джордж, заметив удивление на лице Гарри. — У Билла тоже было двенадцать. Если не принять мер, то у нас в семье появится ещё один Староста. Не думаю, что мы перенёсем такой позор.

Билл был старшим из братьев Уизли. Он и второй брат Чарли уже закончили Хогвартс. Гарри ни одного из них не встречал, но знал, что Чарли изучает драконов в Румынии, а Билл работает в колдовском банке Гринготтс в Египте.

— Не представляю, как мама с папой вытянут все наши школьные принадлежности в этом

году, — сказал Джордж спустя некоторое время. — Пять комплектов книг Локхарта! А Джинни нужны ещё мантии, палочка и всё такое…

Гарри ничего не сказал. Он чувствовал себя немного неловко. В подземном хранилище в Гринготтсе в Лондоне лежало целое состояние, оставленное ему его родителями. Конечно, деньги были у него только в волшебном мире; в магазинах магглов нельзя было расплатиться галлеонами, сиклями и кнатами. Он никогда не говорил Дёрсли о своем счёте в Гринготтсе, поскольку не думал, что их ужас от всего, связанного с магией, распространится и на большую кучу золота.

* * *

В следующую среду миссис Уизли разбудила их пораньше. Быстро проглотив по полудюжине сэндвичей с беконом, они надели куртки, а миссис Уизли сняла с полки над камином цветочный горшок и заглянула внутрь.

— Кончается, Артур, — вздохнула она. — Сегодня придётся докупить… что ж, сначала гости! Только после тебя, Гарри, дорогой!

И она протянула ему горшок.

Гарри увидел, что все смотрят на него.

— Ч-что мне нужно сделать? — запнулся он.

— Он же никогда не путешествовал с помощью Каминного Порошка, — неожиданно сказал Рон. — Прости, Гарри, я забыл.

— Никогда? — удивился мистер Уизли. — Но как же ты попал на Диагон Аллею в прошлом году, чтобы купить школьные принадлежности?

— Я доехал на метро.

— Правда? — заинтересовался мистер Уизли. — А там были эскапаторы? А как именно…

— Не сейчас, Артур, — сказала миссис Уизли. — С Каминным Порошком путешествовать намного быстрее, но если ты никогда раньше его не использовал…

— С ним будет всё в порядке, мам, — сказал Фред. — Гляди на нас, Гарри.

Он взял из горшка щепотку блестящего порошка, подошёл к камину и бросил порошок в огонь.

Огонь взревел, стал изумрудно-зёленым и взметнулся выше Фреда, который ступил прямо в него, крикнув: «Диагон Аллея!» — и исчез.

— Ты должен говорить отчётливо, дорогой, — сказала Гарри миссис Уизли, в то время как Джордж запустил руку в горшок. — И убедись, что вывалишься из нужного дымохода…

— Из нужного чего? — нервно спросил Гарри,

когда огонь взревел и так же поглотил Джорджа.

— Ну, есть огромное количество волшебных каминов, но если произнести отчётливо…

— Не суетись, Молли, с ним будет всё в порядке, — сказал мистер Уизли, набирая Каминного Порошка и себе.

— Но, милый, если он потеряется, как мы сможем объяснить это его тёте и дяде?

— Они не станут возражать, — заверил её Гарри. — Если я потеряюсь в дымоходе, Дадли сочтёт это отличной шуткой, так что об этом не беспокойтесь.

— Ну… хорошо… иди вслед за Артуром, — сказала миссис Уизли. — Когда войдешь в пламя, скажи, куда направляешься…

— И прижми локти, — посоветовал Рон.

— И закрой глаза, — сказала миссис Уизли. — Сажа…

— И не дергайся, — сказал Рон. — А то можешь запросто вывалиться не из того камина…

— И не паникуй, и не выходи слишком рано; подожди, пока не увидишь Фреда и Джорджа.

Изо всех сил пытаясь удержать всё это в голове, Гарри взял щепотку Каминного Порошка и подошел к краю камина. Он глубоко вздохнул, рассыпал порошок в камин и шагнул вперёд; пла-

мя овевало его, как тёплый бриз; он открыл рот и тут проглотил изрядную порцию горячего пепла.

— Д-диа-гон Аллея, — закашлялся он.

По ощущениям было похоже, словно его затянуло в гигантскую трубу. Похоже, он очень быстро вращался… рёв в ушах был оглушительным… он попытался держать глаза открытыми, но от круговорота зелёных огоньков ему стало не по себе… что-то твёрдое ударилось о локоть, и он прижал его плотнее, всё вращаясь и вращаясь… теперь у него было ощущение, что холодные руки шлёпают его по лицу… прищурив глаза за очками, он увидел смазанный хоровод каминов и мелькающие за ними комнаты… сэндвичи с беконом скакали у него в желудке… Он снова закрыл глаза, желая, чтобы всё это остановилось, а затем… он упал лицом на холодный камень и почувствовал, как у него треснули очки.

С гудящей головой, весь израненный и покрытый сажей, он осторожно поднялся на ноги, придерживая сломанные очки. Он был один, но где именно, не имел понятия. Всё, что он мог сказать, так это то, что он стоял в каменном камине в помещении, напоминавшем большую, слабо освещённую лавку колдовских принадлежностей… но что-либо из её товаров вряд ли могло

оказаться в хогвартском списке.

В стеклянном футляре лежали сморщенная рука на подушке, испачканная кровью колода карт и зоркий стеклянный глаз. Со стен смотрели злобные маски, на прилавке был выложен полный набор человеческих костей, а с потолка свисали ржавые зазубренные инструменты. И что ещё хуже, так это то, что узенькая тёмная улочка, которую Гарри мог рассмотреть сквозь запылённое окошко, определённо не была Диагон Аллеей.

Чем скорее он отсюда выберется, тем лучше. Хотя нос всё ещё болел в том месте, где стукнулся о камин, Гарри быстро и бесшумно направился к двери, однако не прошел он и половины пути, как по другую сторону стекла показались два человека… и один из них был последним, кого Гарри хотел бы увидеть, потерявшись, вымазавшись в саже и сломав очки — Драко Малфой.

Гарри быстро осмотрелся и заметил слева от себя большой чёрный шкаф; он проскользнул внутрь и закрыл за собой дверцы, оставив лишь маленькую щёлочку, сквозь которую мог смотреть наружу. Через несколько мгновений звякнул колокольчик, и Малфой вошёл в лавку.

Мужчина, вошедший за ним, мог быть только отцом Драко. У него было точно такое же бледное

вытянутое лицо и те же холодные серые глаза. Мистер Малфой прошёл через лавку, лениво поглядывая на вещи на витринах и позвонил в звонок на прилавке, после чего обернулся к сыну и произнёс:

— Ничего не трогай, Драко.

Малфой, который потянулся к стеклянному глазу, сказал:

— Я думал, ты собираешься купить мне подарок.

— Я сказал, что куплю тебе гоночную метлу, — сказал его отец, постукивая пальцами по прилавку.

— Какой с этого толк, если я не в команде? — сказал помрачневший и надувшийся Малфой. — В прошлом году Гарри Поттер получил «Нимбус-2000». Специальное разрешение от Дамблдора, чтобы играть за Гриффиндор. Он даже не так хорошо играет, это всё только потому что он знаменит… знаменит тем, что у него дурацкий шрам на лбу…

Малфой наклонился, чтобы посмотреть на полку, заставленную черепами.

— …и всем кажется, что он такой замечательный, этот чудесный Поттер, со своим шрамом и своей метлой…

— Ты говорил мне об этом уже тысячу раз, — сказал мистер Малфой, уничижающе глянув на сына, — и я напоминаю тебе, что это… неразумно… выказывать что-либо, кроме любви к Гарри Поттеру, раз уж большинство из нас считают его героем, заставившим исчезнуть Тёмного Лорда… а, мистер Боргин!

За прилавком появился сутулый мужчина, убирая с лица засаленные волосы.

— Мистер Малфой, какое удовольствием снова вас видеть, — сказал мистер Боргин голосом таким же лоснящимся, как и его волосы. — Очень рад… и юный мистер Малфой… очарован. Чем могу вам помочь? Я должен вам показать, только сегодня завезли, и цена приемлемая…

— Я не покупаю сегодня, мистер Боргин, а продаю, — сказал мистер Малфой.

— Продаёте? — улыбка слегка спала с лица мистера Боргина.

— Конечно, вы слышали, что Министерство проводит всё больше рейдов, — сказал мистер Малфой, вытаскивая из внутреннего кармана свиток пергамента и разворачивая, чтобы мистер Боргин смог его прочесть. — У меня осталось несколько… мм… вещей дома, которые могут весьма смутить меня, если Министерство вдруг

решит наведаться…

Мистер Боргин нацепил на нос пенсне и заглянул в список.

— Но ведь наверняка Министерство не осмелится побеспокоить вас?

Губа мистера Малфоя скривилась.

— Ко мне ещё не приходили. Фамилия Малфой всё ещё вызывает определённое уважение, но Министерство становится всё надоедливее. Ходят слухи о новом Акте о Защите Магглов… даже не сомневаюсь, что за всем этим стоит вшивый магглолюб Артур Уизли…

Гарри почувствовал, как в нём вскипает ярость.

— …и, как видите, некоторые из этих зелий могут ему показаться…

— Понимаю, сэр, разумеется, — сказал мистер Боргин. — Позвольте взглянуть…

— Можно мне это? — прервал их Драко, указывая на сморщенную руку на подушечке.

— О, Рука Славы! — сказал мистер Боргин, бросив список мистера Малфоя и поспешив к Драко. — Вставьте свечу, и она будет светить лишь для того, кто её держит! Лучший друг воров и взломщиков! У вашего сына отменный вкус, сэр.

— Я надеюсь, мой сын станет кем-то большим,

чем вором или взломщиком, Боргин, — холодно ответил мистер Малфой, и мистер Боргин быстро добавил:

— Без обид, сэр, без обид…

— Хотя, если его школьные отметки не улучшатся, — ещё холоднее сказал мистер Малфой, — может оказаться, что это действительно всё, на что он способен.

— Я не виноват, — возразил Драко. — У всех учителей есть любимчики, эта Гермиона Грэйнджер…

— А я думал, ты постыдишься того, что девчонка из неволшебной семьи обходит тебя на каждом экзамене, — бросил мистер Малфой.

— Ха! — пробормотал себе под нос Гарри, довольный тем, что Драко выглядел сконфуженным и злым.

— Всё то же, — сказал мистер Боргин своим сальным голосом. — Волшебная кровь уже почти везде ни во что не ставится…

— Не в моём случае, — сказал мистер Малфой, раздувая длинные ноздри.

— Нет, сэр, и не в моём, сэр, — низко кланяясь, сказал мистер Боргин.

— В таком случае, может быть, мы вернёмся в моему списку, — отрезал мистер Малфой. — Я

тороплюсь, Боргин, у меня важное дело в другом месте.

Они принялись торговаться. Гарри нервно наблюдал за тем, как Драко всё ближе и ближе подходил к его укрытию, рассматривая вещи на продажу. Он остановился, чтобы рассмотреть длинный моток верёвки висельника и, ухмыльнувшись, прочесть карточку на восхитительном опаловом ожерелье: Внимание: не трогать. Проклято — На данный момент отняло жизни девятнадцати владельцев-магглов.

Драко обернулся и прямо перед собой увидел шкаф. Он направился к нему… протянул руку к ручке…

— Всё, — сказал у стойки мистер Малфой. — Пойдём, Драко!

Гарри вытер лоб рукавом, когда Драко отвернулся.

— Хорошего вам дня, мистер Боргин, жду вас завтра в поместье, чтобы вы забрали вещи.

В тот самый момент, когда дверь закрылась, мистер Боргин тут же перестал пресмыкаться.

— И вам хорошего дня, Мистер Малфой, а если верить слухам, вы не продали мне и половины того, что спрятано в вашем поместье…

Ворча под нос, мистер Боргин скрылся в под-

собке. Гарри подождал минуту на случай, если он вернётся, а затем так тихо, как только мог, вылез из шкафа, пробрался мимо стеклянных витрин и вышел на улицу.

Держа сломанные очки у лица, он оглянулся. Он очутился в мрачном переулке, который, похоже, состоял сплошь из магазинов, посвящённых Тёмным Искусствам. Тот, из которого он только что вышел, «Боргин и Бёркс», выглядел самым большим, но напротив на витрине были мерзкие сморщенные головы, а через два магазина — большая клетка с огромными чёрными живыми пауками. Два волшебника в потрёпанной одежде, тихо переговариваясь, смотрели на него из тени дверного проёма. Сильно волнуясь, Гарри побежал прочь, стараясь удержать очки на носу, надеясь, что сможет найти отсюда выход.

Старая деревянная вывеска над магазином, продающим ядовитые свечи, гласила, что он находится на Ноктюрн Аллее. Это ничем ему не помогло, так как он никогда не слышал о таком месте. Он подумал, что, видимо, говорил недостаточно чётко с полным ртом пепла в камине у Уизли. Стараясь не нервничать, он подумал о том, что ему делать.

— Не потерялся ли ты, мой милый? — произнёс

кто-то у его уха, отчего он подпрыгнул.

Перед ним стояла старая ведьма, в руках у которой был поднос с чем-то до ужаса похожим на человеческие ногти. Она скалилась, демонстрируя гнилые зубы. Гарри попятился.

— Всё в порядке, спасибо, — сказал он. — Я просто…

— ГАРРИ! Ты чего тут делаешь?

У Гарри подпрыгнуло сердце. Подпрыгнула и ведьма; куча ногтей упала в её ногам, и она ругалась, пока к ним направлялся огромный егерь Хогвартса Хагрид, у которого над огромной бородой сверкали глаза-жуки.

— Хагрид! — с облегчение проскрипел Гарри. — Я потерялся… Каминный Порошок…

Хагрид схватил Гарри за шиворот и утащил его от ведьмы, по пути выбив у неё из рук поднос. Вдогонку им летели её вопли, пока они шли по извивающемуся переулку к яркому солнечному свету. Вдалеке Гарри увидел знакомое белоснежное мраморное здание — банк Гринготтс. Хагрид приволок его прямо на Диагон Аллею.

— Ужасно выглядишь! — пробубнил Хагрид, отряхивая с Гарри сажу с такой силой, что чуть не толкнул его в бочку с драконьим помётом, стоявшим у аптеки. — Шляешься по Ноктюрн

Аллее, я аж не знаю… странное место, Гарри… не хотелось бы, чтоб кто-нибудь тебя там видел…

— Я уже понял, — сказал Гарри, пригибаясь, потому что Хагрид снова попытался смахнуть с него сажу. — Я же сказал, что потерялся… а что это ты там делал?

— Я искал средство от плотоядных слизней, — буркнул Хагрид. — Они поели всю школьную капусту. Ты же тут не один?

— Я с Уизли, но мы разминулись, — объяснил Гарри. — Мне нужно найти их…

Они вместе пошли по улице

— А почему ты не отвечал на мои письма? — сказал Хагрид, в то время как Гарри вприпрыжку шёл рядом с ним (ему приходилось делать три шага, чтобы поспеть за размахом огромных сапог Хагрида). Гарри рассказал всё о Добби и Дёрсли.

— Проклятые магглы, — прорычал Хагрид. — Если бы я знал…

— Гарри! Гарри! Я здесь!

Гарри поднял глаза и увидел Гермиону Грэйнджер, которая стояла наверху белой лестницы, ведущей к Гринготтсу. Она побежала к ним, а её пышные волосы развевались позади.

— Что у тебя с очками? Привет, Хагрид… Ой, так здорово снова увидеть вас… Ты идёшь в Грин-

готтс, Гарри?

— Как только найду Уизли, — сказал Гарри.

— Долго ждать не придётся, — улыбнулся Хагрид.

Гарри и Гермиона огляделись; по улице сквозь толпу бежали Рон, Фред, Джордж, Перси и мистер Уизли.

— Гарри, — тяжело дышал мистер Уизли. — Мы надеялись, ты промахнёшься лишь на один камин… — Он промокнул блестящую лысину. — Молли с ума сходит… она сейчас придёт.

— Где ты вылез? — спросил Рон.

— На Ноктюрн Аллее, — мрачно сказал Хагрид.

— Классно! — хором сказали Фред и Джордж.

— А нам туда нельзя, — с завистью сказал Рон.

— И это, чёрт возьми, правильно, — прорычал Хагрид.

К ним уже бежала миссис Уизли, сумочка болталась у неё на одной руке, а Джинни — на другой.

— О, Гарри… дорогой… ты мог быть где угодно…

Еле дыша, она достала большую одёжную щётку из сумочки и принялась смахивать сажу, которую не удалось выбить Хагриду. Мистер Уизли взял очки Гарри, постучал по ним палочкой и вернул как новенькие.

— Что ж, мне пора, — сказал Хагрид, в руку которому вцепилась миссис Уизли («Ноктюрн Аллея! Если бы ты не нашёл его, Хагрид!»). — Увидимся в Хогвартсе.

И он пошёл прочь, на целую голову и плечи возвышаясь над забитой улицей.

— Угадайте, кого я видел в «Боргине и Бёркс-се»? — сказал Гарри Рону и Гермионе, пока они поднимались по ступенькам Гринготтса. — Малфоя с отцом.

— Люциус Малфой что-нибудь купил? — отрезал позади них мистер Уизли.

— Нет, он что-то продавал.

— Значит, он заволновался, — с мрачным удовлетворением сказал мистер Уизли. — Ух, хотел бы я на чём-нибудь подловить Люциуса Малфоя…

— Ты поосторожнее, Артур, — отрезала миссис Уизли, когда их пригласил в банк кланяющийся гоблин у двери. — От этой семьи одни неприятности, по одёждке протягивай ножки.

— Так, по-твоему, я не ровня Люциусу Малфою? — возмутился мистер Уизли, но его почти тут же отвлёк вид родителей Гермионы, которые нервничали рядом со стойкой, которая тянулась вдоль мраморного холла, в ожидании, когда Гер-

миона их представит.

— Да вы же магглы! — восхищённо сказал мистер Уизли. — Мы должны выпить! Что это у вас? Ах, вы меняете маггловские деньги. Молли, посмотри-ка! — Он радостно показал на десятифунтовые банкноты в руках у мистера Грэйнджера.

— Встретимся тут, — сказал Рон Гермионе, когда Уизли с Гарри повёл к их подземным хранилищам ещё один гоблин Гринготтса.

К хранилищам нужно было попасть с помощью маленьких тележек, управляемых гоблинами, которые мчались по миниатюрным рельсам по подземным туннелям банка. Гарри понравилось головокружительное путешествие к хранилищу Уизли, но он почувствовал себя отвратительно, гораздо хуже, чем на Ноктюрн Аллее, когда его открыли. Внутри оказалась маленькая горстка серебряных сиклей и всего один золотой галлеон. Миссис Уизли пощупала по углам, прежде чем одним движением смести всю горстку к себе в сумку. Гарри стало ещё хуже, когда они добрались до его хранилища. Он старался закрыть от других содержимое, при этом поспешно сгребая пригоршни монеток в кожаную сумку.

Снаружи, на мраморной лестнице, все разбре-

лись. Перси что-то пробормотал о том, что ему нужно новое перо. Фред и Джордж увидели своего приятеля из Хогвартса, Ли Джордана. Миссис Уизли и Джинни отправились в магазин подержанных мантий. Мистер Уизли настаивал на том, чтобы отвести Грэйнджеров в Дырявый Котёл и пропустить по стаканчику.

— Встретимся у «Флориша и Блоттса» через час, чтобы купить ваши учебники, — сказала миссис Уизли, уходя вместе с Джинни. — И ни шагу на Ноктюрн Аллею! — прокричала она вслед близнецам.

Гарри, Рон и Гермиона пошли по извилистой мощёной улочке. Мешочек золота, серебра и бронзы весело позвякивал в кармане у Гарри, умоляя, чтобы его потратили, поэтому он купил три больших клубничных мороженых с арахисовым маслом, которые они с удовольствием уплетали, прогуливаясь по аллее и рассматривая удивительные витрины магазинов. Рон с вожделением глазел на полный комплект мантий Пушек Чадли на витрине «Качественных Товаров для Квиддитча», пока Гермиона не потащила их покупать чернила и пергамент в соседний магазин. В «Магазине Волшебных Приколов Гэмбола и Джейпса» они встретили Фреда, Джорджа и Ли

Джордана, которые запасались «Восхитительными Непромокающими Холодными Фейерверками Доктора Флибустьера», а в магазинчике всяких безделушек, полном сломанных палочек, кривых медных весов и мантий с пятнами от зелий, они обнаружили Перси, который углубился в изучение маленькой и очень скучной книги под названием Префекты, Которые Добились Власти.

— Изучение Префектов Хогвартса и их последующих карьер, — вслух прочитал Рон надпись сзади. — Звучит увлекательно…

— Пошёл отсюда, — рявкнул Перси.

— Конечно, у него большие амбиции, у этого Перси, у него всё спланировано… он хочет стать Министром Магии… — тихо сказал Рон Гарри и Гермионе, когда они оставили Перси.

Час спустя, они направились к «Флоришу и Блоттсу». Они были не единственными, кто хотел попасть к магазину. Когда они подошли к нему, то, к своему удивлению, увидели огромную толпу у дверей, которая пыталась попасть внутрь. О причине возвещал большой баннер, растянутый через все верхние окна:

ГИЛДЕРОЙ ЛОКХАРТ

будет раздавать подписанные копии своей автобиографии
ВОЛШЕБНЫЙ Я
сегодня 12.30–16.30

— Мы сможем с ним встретиться! — запищала Гермиона. — Он же написал почти весь список книг для школы!

Казалось, толпа состояла в основном из ведьм примерно одного возраста с миссис Уизли. У двери стоял изнурённый волшебник, который говорил: «Спокойнее, прошу вас, дамы… не толкайтесь… осторожно, книги…»

Гарри, Рон и Гермиона протиснулись внутрь. Длинная очередь уходила в самую глубь магазина, где Гилдерой Локхарт подписывал свои книги. Каждый из них взял по изданию Баклуш с Баньши, и они пролезли вперёд очереди, где стояли остальные Уизли, а также мистер и миссис Грэйнджер.

— А вот и вы, отлично, — сказала миссис Уизли. Казалось, ей было трудно дышать, и она всё время поправляла причёску. — Мы сможем увидеть его через минутку…

Через некоторое время они увидели Гилдероя Локхарта, который сидел на столе в окружении собственных больших портретов, которые подмигивали толпе и сверкали ослепительно белыми зубами. На настоящем Локхарте была мантия цвета незабудки, которая идеально подходила к его глазам; его заострённая волшебная шляпа сидела слегка неровно на его волнистых волосах.

Маленький беспокойный человечек плясал вокруг и делал фотоснимки огромным чёрным фотоаппаратом, который извергал клубы сиреневого дыма при каждой ослепляющей вспышке.

— Ну-ка, с дороги, — заворчал он на Рона, отходя назад, чтобы сделать снимок получше. — Это для Ежедневного Пророка.

— Эка важность, — сказал Рон, потирая ступню в том месте, куда на неё наступил фотограф.

Гилдерой Локхарт услышал его. Он поднял глаза. Он увидел Рона… а потом он увидел Гарри. Он уставился на него. Затем он подскочил на ноги и радостно закричал: «Неужели это Гарри Поттер?»

Толпа расступилась, оживлённо перешёптываясь. Локхарт сделал рывок, схватил Гарри за руку и вытащил его вперёд. Толпа разразилась аплодисментами. У Гарри пылало лицо, пока Локхарт

жал ему руку, позируя фотографу, который бешено щёлкал фотоаппаратом, обволакивая Уизли густым дымом.

— Хорошая и широкая улыбочка, Гарри, — сказал Локхарт сквозь собственные сияющие зубы. — Вместе, ты и я достойны передовицы.

Когда он, наконец, отпустил руку Гарри, тот едва чувствовал свои пальцы. Он пытался вернуться к Уизли, но Локхарт положил руку ему на плечи и крепко прижал к себе сбоку.

— Дамы и господа, — громко сказал он, махая рукой, чтобы добиться тишины. — Какой же это необыкновенный момент! Идеальный момент, чтобы я сделал небольшое объявление, которого я так долго ждал!

Когда юный Гарри зашёл сегодня к «Флоришу и Блоттсу», он лишь хотел купить мою автобиографию — которую я сейчас с радостью презентую ему, абсолютно бесплатно… — толпа снова захлопала, — он и не представлял, — продолжил Локхарт, слегка тряхнув Гарри так, что у того очки съехали на кончик носа, — что вскоре он получит гораздо больше, чем просто мою книгу Волшебный Я. Он и его школьные товарищи, на самом деле, получат настоящего, волшебного меня. Да, дамы и господа, я имею удовольствие и

гордость сообщить, что в этом сентябре я займу должность преподавателя Защиты от Тёмных Искусств в Школе Чародейства и Волшебства Хогвартс!

Толпа зашумела и зааплодировала, а Гарри понял, что ему вручают полное собрание сочинений Гилдероя Локхарта. Слегка пошатываясь под его тяжестью, он сумел добраться к краю комнаты, где стояла Джинни со своим котлом.

— Возьми, — пробормотал Гарри, сваливая книги в котёл. — Я куплю себе сам…

— Держу пари, тебе это понравилось, да, Поттер? — произнёс голос, который Гарри без труда узнал. Он выпрямился и оказался лицо к лицу с Драко Малфоем, на лице у которого была его фирменная мина.

— Знаменитый Гарри Поттер, — сказал Малфой. — Не можешь даже в книжный сходить без того, чтобы попасть на первую полосу.

— Отстань от него, он этого не хотел! — сказала Джинни. Она впервые заговорила в присутствии Гарри. Она злобно смотрела на Малфоя.

— Поттер, да ты нашёл себе подружку! — протянул Малфой. Джинни покраснела, а Рон и Гермиона, тем временем, пробились сквозь толпу, у обоих в руках была целая куча книг

Локхарта.

— Ах, это ты, — сказал Рон, глядя на Малфоя как на какую-то гадость, прилипшую к подошве. — Наверное, удивлён увидеть здесь Гарри?

— Не так сильно, как удивлён увидеть тебя в магазине, Уизли, — ответил Малфой. — Полагаю, твоим родителям придётся поголодать месяц, чтобы заплатить за всё это.

Рон покраснел так же, как и Джинни. Он тоже бросил книги в котёл и двинулся на Малфоя, но Гарри и Гермиона схватили его за куртку.

— Рон! — сказал мистер Уизли, пробираясь сквозь толпу вместе с Фредом и Джорджем. — Что ты делаешь? Тут такая суматоха, пойдёмте на улицу.

— Так, так, так… Артур Уизли.

Это был мистер Малфой. Он положил руку на плечо Драко точно с таким же выражением лица.

— Люциус, — сдержанно кивнув, сказал мистер Уизли.

— Я слышал, в Министерстве аврал, — сказал мистер Малфой. — Все эти рейды… надеюсь, они платят тебе сверхурочные.

Он полез в котёл Джинни и среди всех блестящих книг Локхарта достал очень старое и очень

потрёпанное Руководство по Трансфигурации для Начинающих.

— Видимо, нет, — сказал он. — Боже мой, в чём же смысл так позорить звание волшебника, если тебе даже хорошо за это не платят?

Мистер Уизли побагровел ещё сильнее, чем Рон и Джинни.

— У нас очень разные понятия о том, что позорит звание волшебника, Малфой, — сказал он.

— Естественно, — сказал мистер Малфой, переводя взгляд на мистера и миссис Грэйнджер, которые растерянно наблюдали за происходящим. — Какая же у тебя компания, Уизли… а я-то думал, твоей семье уже некуда опускаться…

Раздался металлический стук — котёл Джинни отлетел в сторону; мистер Уизли бросился на мистера Малфоя, и толкнул его назад, на книжный стеллаж. Десятки тяжёлых книг повалились на них; Фред и Джордж закричали «Врежь ему, пап!»; миссис Уизли визжала: «Нет, Артур, нет!»; толпа отпрянула назад, сбив ещё больше стеллажей; «Джентльмены, прошу… прошу!» — кричал продавец, а затем, поверх всех их голосов раздалось: «А ну-ка разошлись, парни, разошлись…»

Через море книг к ним пробирался Хагрид. В мгновение ока он растащил мистера Уизли и

мистера Малфоя. У мистера Уизли была ссадина на губе, а мистер Малфой получил в глаз Энциклопедией Поганок. В руках у него всё ещё был старый учебник Джинни по Трансфигурации. Он всучил его ей, его глаза злобно блестели.

— Держи, девчонка… вот твоя книга… это лучшее, что может тебе дать твой отец…

Вырвавшись из хватки Хагрида, он подозвал Драко и вышел из магазина.

— Не надо было обращать на него внимание, Артур, — сказал Хагрид, почти оторвав мистера Уизли от пола, пытаясь поправить его мантию. — Вся семейка у них гнилая, все это знают. Никаких Малфоев слушать не стоит. Плохая кровь, вот что. Давайте… пойдём отсюда.

Продавец явно хотел их остановить, но он едва доставал Хагриду до пояса, поэтому передумал. Они поспешили выйти на улицу, Грэйнджеры тряслись от страха, а рядом с ними миссис Уизли — от ярости.

— Отличный пример ты подаёшь своим детям… драться на людях… что же подумал Гилдерой Локхарт…

— Он был доволен, — сказал Фред. — Ты что, не слышала, что он говорил, когда мы уходили? Он спрашивал того мужика из Ежедневного Проро-

ка, нельзя ли вписать драку в репортаж… сказал, что это хороший пиар.

Но к камину в Дырявом Котле, откуда Гарри, Уизли и все их покупки должны были вернуться в Нору с помощью Каминного Порошка, все отправились в подавленном настроении. Они попрощались с Грэйнджерами, которые должны были выйти из паба на маггловскую улицу с другой стороны. Мистер Уизли начал было спрашивать у них, как устроены автобусные остановки, но быстро остановился при виде выражения лица миссис Уизли.

Гарри снял очки и для безопасности сложил их в карман, прежде чем набрать Каминного Порошка. Это определённо был не самый его любимый способ путешествовать.

05. Дракучая Ива

Для Гарри каникулы закончились слишком быстро. Он ждал возвращения в Хогвартс, но месяц, проведённый в Норе, был самым счастливым в его жизни. Было сложно не завидовать Рону, когда он вспоминал о Дёрсли и том «приёме», который ожидал его, когда он появится на Привит Драйв в следующий раз.

В последний вечер миссис Уизли сотворила восхитительный ужин, во время которого были поданы все самые любимые блюда Гарри, а в конце — десерт с патокой, при виде которого текли слюнки. Фред и Джордж завершили вечер демонстрацией фейерверков Флибустьера; вся кухня наполнилась красными и синими звёздочками, которые прыгали по потолку и стенам, по крайней мере, полчаса. Затем пришло время пить последнюю кружку горячего шоколада и отправляться в постель.

Сборы следующим утром заняли много времени. Они проснулись с рассветом, но почему-то оказалось, что у них очень много дел. Миссис Уизли носилась по дому с плохим настроением в

поисках запасных носков и перьев, все то и дело сталкивались на лестнице в полуодетом состоянии и с кусочками тостов в руках, а мистер Уизли чуть не сломал шею, запнувшись об отбившуюся курицу, пока шёл по двору к машине с чемоданом Джинни.

Гарри не представлял, как восемь человек, шесть больших чемоданов, две совы и крыса поместятся в маленьком Форде Англия. Конечно, он не знал об особых свойствах, которые добавил мистер Уизли.

— Ни слова Молли, — прошептал он Гарри, открывая багажник и демонстрируя, как он увеличил его с помощью магии, чтобы все чемоданы поместились с лёгкостью.

Когда, наконец, они все уселись в машину, миссис Уизли посмотрела на заднее сидение, где с комфортом расположились Гарри, Рон, Фред, Джордж и Перси, и сказала: «А ведь магглы знают больше, чем мы привыкли думать, да?» Они с Джинни уселись на переднее сидение, которое было настолько растянуто, что напоминало скамейку в парке. «Ведь снаружи и не скажешь, что здесь так просторно».

Мистер Уизли завёл мотор, и они поехали со двора, а Гарри обернулся, чтобы последний

раз взглянуть на дом. Не успел он подумать о том, когда увидит его снова, как они вернулись: Джордж забыл свою коробку с флибустьерскими фейерверками. Через пять минут они снова остановились посреди двора, чтобы Фред вернулся за своей метлой. Они уже почти выехали на шоссе, как вдруг Джинни завопила, что оставила свой дневник. Когда она забралась в машину, они уже сильно опаздывали и начинали выходить из себя.

Мистер Уизли взглянул на часы, а затем на жену.

— Молли, дорогая…

— Нет, Артур.

— Никто не увидит. Вот эта маленькая кнопочка — это Акселератор Невидимости, который я установил… вот эта поднимет нас в воздух… а потом мы полетим над облаками. Будем на месте через десять минут, и никто и не догадается…

— Я сказала, нет, Артур, не среди бела дня же.

Они добрались до вокзала Кингс Кросс без четверти одиннадцать. Мистер Уизли перебежал через дорогу, чтобы взять тележки для чемоданов, а затем они поспешили на вокзал.

Гарри уже ездил на Хогвартс-Экспрессе в прошлом году. Хитрость заключалась в том, чтобы

попасть на платформу девять и три четверти, которую не видели магглы. Нужно было пройти сквозь барьер, разделяющий платформы девять и десять. Было не больно, но нужно было действовать осторожно, чтобы ни один маггл не заметил, как ты исчезаешь.

— Сначала Перси, — сказала миссис Уизли, нервно поглядывая на часы над головой, которые сообщали, что на то, чтобы, как ни в чём не бывало, исчезнуть за барьером, у них оставалось лишь пять минут.

Перси быстро побежал вперёд и исчез. Затем прошёл мистер Уизли, а за ним Фред и Джордж.

— Я проведу Джинни, а вы идите следом за нами, — сказала миссис Уизли Гарри и Рону, хватая Джинни за руку и направляясь к барьеру. В мгновение ока они исчезли.

— Пойдём вместе, осталась минута, — сказал Гарри Рон.

Гарри убедился, что клетка с Хедвигой надёжно закреплена наверху его чемодана, и развернул тележку к барьеру. Он чувствовал себя совершенно уверенно, по комфорту это и рядом не стояло с Каминным Порошком. Они оба налегли на ручки тележек и целенаправленно двинулись к барьеру, набирая скорость. За пару метров до него они

перешли на бег, и…

БУМ!

Обе тележки врезались в барьер и отскочили от него. Чемодан Рона упал с громким стуком, Гарри сбило с ног, а клетка с Хедвигой упала на блестящий пол и сова покатилась прочь, недовольно визжа. Люди вокруг уставились на них, а стоявший неподалёку охранник закричал: «Что, чёрт побери, вы делаете?»

— Не справился с тележкой, — ахнул Гарри, поднимаясь и хватаясь за рёбра. Рон побежал поднять Хедвигу, которая закатила такую истерику, что люди вокруг перешёптывались о жестоком обращении с животными.

— Почему мы не можем пройти? — зашипел на Рона Гарри.

— Не знаю…

Рон дико оглянулся. Несколько любопытных зевак всё ещё смотрели на них.

— Мы опоздаем на поезд, — прошептал Рон. — Не понимаю, почему проход запечатался…

Гарри взглянул на огромные часы, и ему стало не по себе. Десять секунд… девять секунд…

Он аккуратно покатил тележку вперёд, пока она не упёрлась в барьер, и навалился на неё изо всех сил. Металл оставался твёрдым.

— Три секунды… две секунды… одна секунда…

— Он ушёл, — словно в ступоре, сказал Рон. — Поезд ушёл. А что, если мама и папа не смогут попасть обратно? У тебя есть маггловские деньги?

Гарри издал мрачный смешок.

— Дёрсли не давали мне карманных денег лет шесть.

Рон прижался ухом к холодному барьеру.

— Ничего не слышу, — нервно сказал он. — Что же нам делать? Я не знаю, когда вернутся мама с папой.

Они осмотрелись. Люди всё ещё смотрели на них, в основном из-за того, что Хедвига продолжала визжать.

— Думаю, нам лучше пойти и подождать их у машины, — сказал Гарри. — Мы привлекаем слишком много внима…

— Гарри! — сказал Рон, глаза его засверкали. — Машина!

— А что машина?

— Мы можем полететь на машине в Хогвартс!

— Но я думал…

— Мы застряли, так? И нам надо попасть в школу, так? А даже несовершеннолетним волшебникам можно использовать магию в случае

крайней необходимости, раздел девятнадцать или чего-то там Запрета чего-то там…

Паника Гарри постепенно превращалась в радостное возбуждение.

— Ты сможешь ей управлять?

— Без проблем, — сказал Рон, разворачивая тележку к выходу. — Пойдём, если поторопимся, то сможем следовать прямо за хогвартским экспрессом.

И они зашагали с вокзала через толпу любопытных магглов, а затем обратно к тому месту, где был припаркован старый Форд Англия.

Рон открыл багажник, постучав по нему своей палочкой. Они загрузили чемоданы, поставили Хедвигу на заднее сидение и уселись спереди.

— Проверь, чтобы никто не смотрел, — сказал Рон, заводя машину, снова постучав палочкой. Гарри высунулся из окна: на шоссе впереди было активное движение, но улица, на которой стояли они, была безлюдна.

— Всё в порядке, — сказал он.

Рон нажал маленькую серебряную кнопочку на приборной панели. Машина вокруг них исчезла… и они тоже. Гарри чувствовал, как под ним трясётся сидение, слышал мотор, чувствовал руки на коленках и очки на носу, но учитывая, сколько

он видел в данный момент, он стал лишь парой глаз, парящих в нескольких футах над землёй на тёмной улице, полной припаркованных машин.

— Поехали, — сказал голос Рона справа от него.

Земля и грязные здания с обеих сторон исчезли из виду, когда машина поднялась в воздух; через несколько секунд под ними лежал весь Лондон, сияющий и окутанный смогом.

Затем раздался хлопок, и машину, Гарри и Рона, снова стало видно.

— Ой, — сказал Рон, долбя по Акселератору Невидимости. — Барахлит…

Они вдвоём забарабанили по нему. Машина исчезла. Затем возникла вновь.

— Держись! — закричал Рон и надавил на газ; они устремились прямо к низким, словно шерстяным, облакам, и всё стало серым и туманным.

— А теперь что? — сказал Гарри, моргая из-за плотной массы облаков, которая прижимала их со всех сторон.

— Нам нужно увидеть поезд, чтобы понять, куда лететь, — сказал Рон.

— Опустись… скорее…

Они нырнули под облака и повернулись, щурясь и пытаясь разглядеть землю…

— Я его вижу! — закричал Гарри. — Прямо пе-

ред нами… вон там!

Хогвартс-Экспресс извивался под ними словно алая змея.

— На север, — сказал Рон, сверяясь с компасом на приборной панели. — Ладно, теперь нам нужно только следить за ним примерно каждые полчаса. Держись…

И они ворвались в облака. Минуту спустя, они оказались в море солнечного света.

Это был другой мир. Колеса машины бороздили море пушистых облаков в бесконечно голубом и светлом небе под ослепительно белым солнцем.

— Теперь всё, о чём нам нужно волноваться — это самолёты, — сказал Рон.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались; долго они не могли остановиться.

Они словно попали в великолепный сон. Это, как подумал Гарри, точно было лучшим способом путешествовать: мимо вихрей снежных облаков, в машине, залитой тёплым и ярким солнечным светом, с большой упаковкой ирисок в бардачке и перспективой увидеть завистливые лица Фреда и Джорджа, когда они мягко и зрелищно приземлятся на лужайке перед замком Хогвартса.

Они постоянно следили за поездом, улетая всё дальше и дальше на север, каждый раз наблю-

дая за новыми видами, когда снижались под облака. Вскоре Лондон остался далеко позади, вместо него появились ухоженные зелёные поля, которые сменили широкие равнины, деревни с маленькими игрушечными церквями и большой город с машинами, похожими на разноцветных муравьёв.

Тем не менее, несколько часов спустя, когда совершенно ничего не произошло, Гарри пришлось признать, что веселье начало улетучиваться. Из-за ирисок им сильно захотелось пить, а пить было нечего. Они с Роном сняли свитера, но футболка Гарри прилипала к спинке сидения, а очки постоянно сползали на кончик потного носа. Он перестал обращать внимание на удивительные формы облаков и с вожделением думал о поезде, который был под ними, где можно было купить ледяной тыквенный сок с тележки, которую везла полная ведьма. Почему они не смогли попасть на платформу девять и три четверти?

— Ведь уже недалеко, правда? — прохрипел Рон, спустя ещё несколько часов, когда солнце уже начало спускаться под их пол из облаков, окрасив его ярко розовым цветом. — Готов ещё раз проверить поезд?

Он всё ещё был прямо под ними, проносясь

мимо покрытых снегом гор. Под куполом облаков было гораздо темнее.

Рон нажал на педаль газа и снова увёл машину наверх, но как только он это сделал, двигатель начал шуметь.

Гарри и Рон нервно переглянулись.

— Наверное, она просто устала, — сказал Рон. — На ней так далеко раньше не летали…

И они оба делали вид, что не замечают, как шум становился всё громче, в то время как небо становилось всё темнее. В темноте сияли звёзды. Гарри снова надел свой свитер, стараясь не обращать внимания на дворники, которые мотались из стороны в сторону, словно выказывая протест.

— Уже недалеко, — сказал Рон скорее машине, чем Гарри, — уже недалеко, — и нервно погладил приборную панель.

Когда они ещё немного пролетели под облаками, им пришлось прищуриться, чтобы разглядеть знакомые пейзажи.

— Вот он! — закричал Гарри, отчего Рон и Хедвига подпрыгнули. — Впереди!

На тёмном горизонте, высоко на скале у озера, со множеством башен, виднелся силуэт замка Хогвартса.

Но машина начала дёргаться и терять ско-

рость.

— Давай же, — умолял Рон, слегка тряхнув руль, — почти добрались, давай же…

Мотор заревел. Из-под капота вырывались узкие струйки пара. Гарри понял, что очень сильно вцепился в края сидения, а они, тем временем, летели к озеру.

Машина неприятно содрогнулась. Выглянув из окна, Гарри увидел под ними гладкую чёрную блестящую поверхность воды. Костяшки пальцев у Рона побелели. Машина снова дёрнулась.

— Давай, — бормотал Рон.

Они пролетели над озером… замок был прямо перед ними… Рон нажал на педаль.

Раздался звон, треск, и двигатель окончательно заглох.

— Ой, — в тишине сказал Рон.

Машина наклонилась вперёд. Они падали, набирая скорость и направляясь прямо к твёрдой стене замка.

— Нееееееет! — завопил Рон и выкрутил руль; они не долетели до тёмной каменной стены каких-то несколько дюймов, описав огромный крюк, пролетев над тёмными парниками, затем огородом, а затем над чёрными лужайками, постоянно теряя скорость.

Рон отпустил руль и достал палочку из заднего кармана.

— СТОЙ! СТОЙ! — кричал он, барабаня по приборной панели и лобовому стеклу, но они падали, приближаясь к земле…

— ОСТОРОЖНО, ДЕРЕВО! — закричал Гарри, цепляясь за руль, но было поздно…

ХРЯСЬ!

С оглушительным звуком удара металла об дерево они врезались в толстый ствол и приземлились, хорошенько встряхнувшись. Из-под мятого капота шёл пар; Хедвига визжала от ужаса, на голове у Гарри, в том месте, где он стукнулся о лобовое стекло, пульсировала шишка размером с мяч для гольфа, а справа от него Рон издал низкий стон отчаяния.

— С тобой всё в порядке? — быстро сказал Гарри.

— Моя палочка, — дрожащим голосом сказал Рон. — Посмотри на мою палочку.

Она треснула почти напополам; кончик болтался, держась лишь на нескольких щепках.

Гарри открыл рот, чтобы сказать, что он уверен, что они смогут её починить в школе, но ему не удалось начать. В этот самый момент, что-то ударило по его стороне машины с силой разъ-

ярённого быка, отчего ему пришлось увернуться в сторону Рона, как вдруг удар такой же силы пришёлся на крышу.

— Что проис…

Рон ахнул, уставившись в лобовое стекло, и Гарри обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как в стекло врезается ветка толщиной с питона. Дерево, в которое они врезались, напало на них. Его ствол согнулся почти вдвое, а изогнутые ветки избивали каждый сантиметр машины, до которого могли дотянуться.

— Ооооой! — сказал Рон, когда ещё один извивающийся сучок сделал в двери с его стороны огромную вмятину; лобовое стекло дрожало под градом ударов узловатых сучков, а ветка толщиной с таран яростно била по крыше, которая, похоже, начинала сдаваться…

— Бежим! — закричал Рон, всем весом налегая на дверь, но его тут же отбросило обратно на колени Гарри мощным апперкотом ещё одной ветки.

— Нам крышка! — застонал он, когда прогнулась крыша, но неожиданно пол затрясся — мотор снова завёлся.

— Задний ход! — закричал Гарри, и машина резко поехала назад. Дерево всё ещё пыталось их ударить; они слышали треск корней, дерево чуть

ли не выпрыгивало, бросаясь на них, пока они отъезжали подальше.

— Было, — задыхался Рон, — опасно. Молодец, машина.

Однако у машины лопнуло терпение. Раздались два хлопка, двери раскрылись, и Гарри почувствовал, как его сидение повернулось на девяносто градусов наружу, а в следующую секунду он распластался на сырой земле. Громкий стук дал ему понять, что машина выбрасывает их багаж из багажника. Клетка с Хедвигой подлетела в воздух и открылась; сова вылетела с громким недовольным криком и, не оглядываясь, поспешила к замку. Затем, мятая, поцарапанная и дымящаяся машина укатилась в темноту, злобно сверкая задними фарами.

— Вернись! — кричал ей вслед Рон, размахивая своей сломанной палочкой. — Папа убьёт меня!

Но машина исчезла из виду, последний раз фыркнув выхлопной трубой.

— Представляешь, как нам повезло? — в отчаянии сказал Рон, наклонившись, чтобы поднять крысу Коросту. — Из всех деревьев нам нужно было врезаться именно в то, которое может дать сдачи.

Он обернулся через плечо, чтобы взглянуть

на старое дерево, которое всё ещё угрожающе размахивало ветками.

— Пойдём, — устало сказал Гарри, — нам лучше зайти в школу…

Это было вовсе не то триумфальное появление, которое они себе представляли. Дрожащие, замёрзшие и раненые, они схватили чемоданы за ручки и потащили их по мокрой траве к дубовым парадным дверям.

— По-моему, пир уже начался, — сказал Рон, бросая чемодан у подножия лестницы и тихонько подкрадываясь к яркому окну, чтобы заглянуть внутрь. — Эй, Гарри, подойди-ка, глянь… это же Распределение!

Гарри быстро подошёл к Рону, и вместе они заглянули в Большой Зал.

Бесчисленное количество свечей висело в воздухе над четырьмя длинными столами, отчего золотые тарелки и кубки сверкали. Над ними сверкал звездами волшебный потолок, который всегда показывал такое же небо как и снаружи.

Сквозь лес остроконечных школьных шляп Гарри увидел длинную очередь из напуганных первогодок, которые заходили в Зал. Среди них была и Джинни, которую легко было заметить благодаря её ярким волосам семейства Уизли.

Тем временем, профессор МакГонагалл, ведьма в очках и с волосами, собранными в тугой пучок, положила знаменитую Распределяющую Шляпу Хогвартса на табурет перед новичками.

Каждый год эта старая, вся в заплатках, потрёпанная и грязная шляпа распределяла учеников в четыре Дома Хогвартса (Гриффиндор, Хаффлпафф, Рэйвенкло и Слизерин). Гарри отлично помнил, как сам надел её ровно год назад и, замерев, ждал её решения, пока она вслух бормотала ему в ухо. Несколько ужасных секунд он боялся, что шляпа отправит его в Слизерин, Дом, который выпустил больше тёмных волшебников и ведьм, чем любой другой… но он оказался в Гриффиндоре вместе с Роном, Гермионой и всеми остальными Уизли. В прошлом году Гарри и Рон помогли Гриффиндору выиграть Кубок Школы, одержав победу над Слизерином впервые за семь лет.

Очень маленького мальчика с серыми волосами вызвали, чтобы надеть ему на голову шляпу. Гарри перевёл взгляд с него на профессора Дамблдора, директора школы, который наблюдал за Распределением с преподавательского стола, а его серебристая борода и очки-полумесяцы сияли в свете свечей. Через несколько мест Гарри увидел Гилдероя Локхарта, одетого в аквамариновую

мантию. В конце стола сидел большой и волосатый Хагрид, который опустошал свой кубок.

— Подожди-ка… — пробормотал Гарри Рону. — За преподавательским столом есть пустое место… Где Снейп?

Профессор Северус Снейп был самым нелюбимым учителем Гарри. А Гарри был самым нелюбимым учеником Снейпа. Он был жестоким, циничным, и его не любил никто, кроме учеников его собственного Дома (Слизерина), он преподавал Зельеварение.

— Может быть, он заболел? — с надеждой сказал Рон.

— Может быть, он уволился, — сказал Гарри, — потому что ему снова не досталась должность учителя Защиты от Тёмных Искусств?

— А может, его уволили! — с энтузиазмом сказал Рон. — Все ведь его ненавидят…

— А может, — раздался ледяной голос прямо позади них, — он ждёт объяснений, почему вы двое прибыли не на школьном поезде.

Гарри обернулся. В чёрной мантии, развевающейся от холодного ветерка, перед ними стоял Северус Снейп. Он был худым мужчиной с нездоровой кожей, крючковатым носом и сальными чёрными волосами до плеч, и в данный момент

он улыбался так, что Гарри понял, что у них с Роном были серьёзные неприятности.

— За мной, — сказал Снейп.

Не осмеливаясь даже посмотреть друг на друга, Гарри и Рон последовали за Снейпом вверх по ступенькам в пустой вестибюль, который освещался факелами. Из Большого Зала доносился вкусный запах еды, но Снейп увёл их прочь от тепла и света вниз по узкой каменной лестнице, которая вела в подземелья.

— Входите! — сказал он, открывая дверь на полпути по холодному коридору и указывая внутрь.

Дрожа, они зашли в кабинет Снейпа. Вдоль тёмных стен стояли целые шкафы больших стеклянных банок, в которых плавали всякие мерзкие вещи, названия которых в данный момент Гарри вовсе не хотелось знать. Камин был тёмным и пустым. Снейп закрыл дверь и повернулся к ним.

— Итак, — мягко сказал он, — поезд не подходит для знаменитого Гарри Поттера и его верного прихвостня Уизли. Хотели появиться с шумом, да, ребятки?

— Нет, сэр, это всё барьер на вокзале Кингс Кросс, он…

— Молчать! — холодно сказал Снейп. — Что вы сделали с машиной?

Рон сглотнул. Уже не в первый раз у Гарри возникало чувство, что Снейп умеет читать мысли. Однако он всё понял секундой позже, когда Снейп развернул сегодняшнее издание Вечернего Пророка.

— Вас видели, — зашипел он, показывая им заголовок: «Летающий Форд Англия озадачивает магглов». Он принялся читать вслух.

— «Двое магглов в Лондоне уверены, что они видели, как старая машина пролетала на почтовой башней… в полдень в Норфолке миссис Хэтти Бэйлисс, развешивая бельё… мистер Ангус Флит из Пеблза сообщил полиции»… всего шесть или семь магглов. Полагаю, это ваш отец работает в Офисе Неправильного Использования Артефактов Магглов? — сказал он, взглянув на Рона и улыбнувшись ещё более мерзко. — Боже, боже… его собственный сын…

Гарри почувствовал себя так, будто только что получил в живот одной из самых больших веток сумасшедшего дерева. Если кто-нибудь узнал, что мистер Уизли заколдовал машину… об этом он не подумал…

— Осмотрев парк, я заметил, что был нанесён сильный ущерб весьма ценной Дракучей Иве, — продолжил Снейп.

— Это дерево нанесло больше ущерба нам, чем мы… — выпалили Рон.

— Молчать! — снова рявкнул Снейп. — К великому сожалению, вы учитесь не в моём Доме, и решение о вашем исключении я принять не могу. Я пойду и приведу людей, которые имеют счастье обладать такой властью. Ждите здесь.

Гарри и Рон уставились друг на друга, у обоих побелели лица. Гарри больше не чувствовал голода. Теперь ему было очень плохо. Он старался не смотреть на большое и склизкое нечто, законсервированное в зелёной жидкости, и стоящее в шкафу за столом Снейпа. Если Снейп пошёл за профессором МакГонагалл, главой Дома Гриффиндор, то лучше им от этого не будет. Она, возможно, была справедливее Снейпа, но она была гораздо строже.

Десять минут спустя, вернулся Снейп, и с ним вне сомнений была профессор МакГонагалл. Гарри видел профессора МакГонагалл злой лишь несколько раз, но либо он забыл, в какую тонкую линию может сжаться её рот, либо он никогда не видел её такой разозлённой. Едва она зашла в кабинет, как тут же подняла палочку. Гарри с Роном оба зажмурились, но она всего лишь указала на пустой камин, в котором неожиданно

заиграло пламя.

— Садитесь, — сказала она, и они оба попятились к стульям у огня.

— Объяснитесь, — сказала она, зловеще сверкая стёклами очков.

Рон начал рассказ с того момента, когда барьер на вокзале не хотел пропускать их.

— …так что у нас не было выбора, профессор, мы не смогли попасть на поезд.

— Почему же вы не послали сову с письмом? Полагаю, у вас есть сова? — холодно обратилась профессор МакГонагалл к Гарри.

Гарри уставился на неё. Теперь, когда она об этом сказала, стало очевидно, что именно это и нужно было сделать.

— Я… я не думал…

— Это, — сказала профессор МакГонагалл, — очевидно.

В дверь кабинета постучали, и Снейп, который выглядел счастливее некуда, открыл её. На пороге стоял директор, профессор Дамблдор.

Гарри полностью онемел. Дамблдор выглядел необыкновенно печальным. Он смотрел на них, и Гарри вдруг сильно захотелось, чтобы их до сих пор избивала Дракучая Ива.

Повисла долгая тишина. Затем Дамблдор ска-

зал:

— Пожалуйста, объясните, зачем вы это сделали.

Было бы лучше, если бы он кричал. Гарри не понравилось разочарование в его голосе. Почему-то он не мог посмотреть Дамблдору в глаза и разговаривал со своими коленями. Он рассказал Дамблдору всё, кроме того, что заколдованная машина принадлежала мистеру Уизли, из-за чего всё звучало так, будто они с Роном случайно наткнулись на летающую машину, припаркованную у вокзала. Он знал, что Дамблдор сразу всё раскусит, но Дамблдор ничего не спросил о машине. Когда Гарри закончил, он лишь продолжал смотреть на них сквозь свои очки.

— Мы пойдём, заберём вещи, — безнадёжным голосом сказал Рон.

— О чём вы говорите, Уизли? — рявкнула профессор МакГонагалл.

— Ну, вы же нас исключаете? — сказал Рон.

Гарри быстро взглянул на профессора Дамблдора.

— Не сегодня, мистер Уизли, — сказал Дамблдор. — Но я должен подчеркнуть, насколько серьёзно то, что вы сделали. Сегодня же я напишу вашим семьям. Также я должен предупредить

вас, что если вы снова совершите что-нибудь подобное, у меня не будет другого выбора, кроме как исключить вас.

Снейп выглядел так, будто отменили Рождество. Он прокашлялся и сказал:

— Профессор Дамблдор, эти мальчишки нарушили Декрет о Запрете Колдовства Несовершеннолетними, причинили серьёзный ущерб старому и ценному дереву… разумеется, подобное поведение…

— Решение о наказании этих мальчиков примет профессор МакГонагалл, Северус, — спокойно сказал Дамблдор. — Они принадлежат её Дому, а, значит, находятся под её ответственностью. — Он повернулся к профессору МакГонагалл. — Я должен вернуться на праздник, Минерва, мне нужно дать некоторые указания. Пойдёмте, Северус, я ещё хочу попробовать с виду весьма вкусный молочный пирог.

Снейп одарил Гарри и Рона взглядом, полным яда, когда позволил увести себя из собственного кабинета, оставляя их наедине с профессором МакГонагалл, которая всё ещё смотрела на них, словно рассерженный орёл.

— Лучше бы вам пойти в больничное крыло, Уизли, у вас идёт кровь.

— Не сильно, — сказал Рон, поспешно вытирая рукавом ссадину над глазом. — Профессор, я хотел посмотреть распределение сестры…

— Церемония Распределения окончена, — сказала профессор МакГонагалл. — Ваша сестра также попала в Гриффиндор.

— А, хорошо, — сказал Рон.

— И, кстати, говоря о Гриффиндоре… — отрезала профессор МакГонагалл, но Гарри быстро вмешался:

— Профессор, когда мы взяли машину, семестр ведь ещё не начался, так что… так что с Гриффиндора ведь не обязательно снимать очки? — закончил он, с тревогой глядя на неё.

Профессор МакГонагалл пронзила его взглядом, но он был уверен, что она едва не улыбалась. По крайней мере, губы у неё выглядели уже не такими тонкими.

— Я не сниму очков с Гриффиндора, — сказала она, и у Гарри камень с души свалился. — Но вы оба получаете по наказанию.

Всё вышло лучше, чем ожидал Гарри. А то, что Дамблдор собирался написать Дёрсли, это были вовсе пустяки. Гарри прекрасно знал, что они будут разочарованы тем, что Дракучая Ива не расплющила его.

Профессор МакГонагалл снова подняла палочку и указала ею на стол Снейпа. С хлопком на нём появились тарелка с бутербродами, два серебряных кубка и кувшин ледяного тыквенного сока.

— Поешьте здесь, а затем отправляйтесь прямо в спальню, — сказала она. — Я тоже должна вернуться на праздник.

Когда дверь за ней закрылась, Рон испустил долгий низкий свист.

— Я думал, мы получим по полной, — сказал он, хватая бутерброд.

— Я тоже, — сказал Гарри, также хватая бутерброд.

— А ведь представляешь, как нам повезло? — промямлил Рон сквозь полный рот курицы и ветчины. — Фред и Джордж летали на этой машине, наверное, пять или шесть раз, и их ни один маггл не видел. — Он проглотил один кусок и тут же откусил ещё один огромный. — Почему мы не смогли пройти сквозь барьер?

Гарри пожал плечами.

— Теперь нам придётся быть осторожнее, — сказал он, делая большой глоток тыквенного сока. — Вот бы нам можно было пойти на пиршество…

— Она не хотела, чтобы мы выпендривались, —

мудро заметил Рон. — Чтобы никто не подумал, что это круто — прибыть на летающей машине.

Когда они наелись бутербродами до отвала (тарелка всё время наполнялась заново), то встали и вышли из кабинета, направляясь по знакомому пути к гриффиндорской башне. В замке было тихо; видимо, пир уже закончился. Они прошли мимо бормочущих портретов и забирались вверх по узкой каменной лестнице, пока не достигли коридора, где за картиной, на которой маслом был нарисован портрет очень толстой дамы в шёлковом розовом платье был спрятан тайный вход в Башню Гриффиндора.

— Пароль? — сказал она, едва они приблизились.

— Э… — сказал Гарри.

Они не знали пароль на новый учебный год, так как ещё не встречались с Префектом Гриффиндора, но помощь не замедлила появиться; они услышали быстрый топот позади и, обернувшись, увидели, что к ним бежит Гермиона.

— Вот вы где! Где вы были? Это самые дурацкие слухи… кто-то сказал, что вас отчислили за то, что вы разбили летающую машину.

— Ну, нас не отчислили, — заверил её Гарри.

— Вы же не хотите сказать, что вы сюда приле-

тели? — сказала Гермиона, строгостью в голосе сильно напомнив профессора МакГонагалл.

— Завязывай с лекцией, — нетерпеливо сказал Рон, — и давай, говори новый пароль.

— «Медоедка», — нетерпеливо сказала Гермиона, — но речь не об этом…

Однако её речь прервалась, когда портрет толстой дамы открылся, и неожиданно послышались громкие аплодисменты. Казалось, весь Гриффиндор всё ещё был на ногах и собрался в круглой гостиной, стоя на покосившихся столах и мягких креслах, ожидая только их. Сквозь портретную дыру высунулись руки и втащили Гарри и Рона внутрь, так что Гермионе оставалось лишь вскарабкаться следом.

— Великолепно! — кричал Ли Джордан. — Гениально! Ну и появление! На летающей машине прямо в Дракучую Иву! Люди будут говорить об этом ещё много лет!

— Молодцы, — сказал пятикурсник, с которым Гарри никогда не разговаривал; кто-то хлопал его по спине, как будто он выиграл марафон. Фред и Джордж пробрались сквозь толпу и хором сказали: «Почему вы нас не позвали, а?» Рон весь зарделся, смущённо улыбаясь, но Гарри увидел одного человека, который вовсе не радовался. Над

головами радостных первогодок нависал Перси, и, похоже, он пытался пробраться к ним, чтобы начать отчитывать. Гарри толкнул Рона в рёбра и кивнул в сторону Перси. Рон сразу всё понял.

— Пойдём-ка мы наверх… что-то подустали, — сказал он, и они вдвоём стали пробираться к двери на противоположной стороне гостиной, которая вела к винтовой лестнице в спальни.

— Спокойной ночи, — крикнул Гарри Гермионе, у которой на лице была такая же мина, как и у Перси.

Они умудрились пробраться на другую сторону гостиной, пока их продолжали хлопать по спине, а затем очутились в тишине на лестнице. Они поспешили на самый верх и, наконец, добрались до двери своей старой спальни, на которой теперь висела табличка «Второкурсники». Они зашли в знакомую круглую комнату, где было пять кроватей с четырьмя столбиками по углам, каждая из которых была завешена красным бархатным балдахином, и высокие узкие окна. Их чемоданы уже принесли и поставили у подножий кроватей.

Рон виновато улыбнулся, посмотрев на Гарри.

— Знаю, что я не должен был этим наслаждаться, но…

Дверь спальни распахнулась, и вошли другие

мальчики-второкурсники Гриффиндора — Шеймус Финниган, Дин Томас и Невилл Лонгботтом.

— Невероятно! — просиял Шеймус.

— Круто, — сказал Дин.

— Великолепно, — в изумлении сказал Невилл.

Гарри не смог сдержаться. Он тоже улыбнулся.

06. Гилдерой Локхарт

Однако на следующий день Гарри было вовсе не до улыбки. Всё покатилось кубарем с самого завтрака в Большом Зале. Под заколдованным потолком (сегодня он был затянут мрачными серыми облаками) четыре длинных стола Домов были заставлены мисками с овсянкой, тарелками с копчёной рыбой, горами тостов и блюдами с яйцами и беконом. Гарри и Рон уселись за столом Гриффиндора рядом с Гермионой, которая прислонила к кувшину с молоком открытую книгу «Вояж с Вампирами». В её голосе чувствовалось некоторое напряжение, когда она пожелала им доброго утра, из-за чего Гарри понял, что она всё ещё не одобряла способ, которым они прибыли в школу. С другой стороны, Невилл Лонгботтом радостно их поприветствовал. Невилл был круглолицым мальчиком, с которым постоянно что-то случалось, и у которого была самая худшая память из всех, кого когда-либо встречал Гарри.

— Почта прибудет с минуты на минуту… наверное, бабуля пришлёт мне кое-что из того, что я забыл.

Гарри едва приступил к своей овсянке, как вдруг над головой началась возня, и около сотни сов залетели внутрь и начали описывать круги по Большому Залу, бросая письма и посылки в оживлённую толпу учеников. Мятый увесистый свёрток отскочил от головы Невилла, а секунду спустя что-то большое и серое свалилось в кувшин Гермионы, обрызгав их всех молоком с перьями.

— Эррол! — воскликнул Рон, вытаскивая промокшую сову за лапы. Эррол, который был без сознания, плюхнулся на стол лапками кверху, держа в клюве мокрый красный конверт.

— О, нет… — ахнул Рон.

— Всё в порядке, он жив, — сказала Гермиона, аккуратно тыкая Эррола кончиком пальца.

— Я не об этом… я об этом.

Рон показывал на красный конверт. Гарри он показался вполне обычным, но Рон и Невилл смотрели на него с таким видом, будто он вот-вот взорвётся.

— В чём дело? — сказал Гарри.

— Она… она послала мне Вопилку, — промямлил Рон.

— Лучше открой её, Рон, — еле прошептал Невилл. — Будет хуже, если не откроешь. Однажды

бабуля мне послала такую, я её проигнорировал и… — он сглотнул, — это было ужасно.

Гарри перевёл взгляд с их застывших лиц на красный конверт.

— А что такое Вопилка? — спросил он.

Но всё внимание Рона было приковано к письму, которое начинало дымиться по углам.

— Открой, — подначивал Невилл. — Всё закончится через несколько минут…

Рон протянул дрожащую руку, вытащил конверт из клюва Эррола и вскрыл его. Невилл заткнул пальцами уши. Мгновение спустя, Гарри понял, зачем. На секунду ему показалось, что конверт действительно взорвался; поднимая пыль, на весь огромный зал раздался невероятный рёв.

— …УКРАЛ МАШИНУ, Я БЫ НЕ УДИВИЛАСЬ, ЕСЛИ БЫ ОНИ ТЕБЯ ИСКЛЮЧИЛИ, ПОДОЖДИ, ПОКА Я ДО ТЕБЯ ДОБЕРУСЬ, ПОЛАГАЮ, ТЫ НЕ ПЕРЕСТАЛ ДУМАТЬ О ТОМ, ЧЕРЕЗ ЧТО МЫ ПРОШЛИ С ТВОИМ ОТЦОМ, КОГДА УВИДЕЛИ, ЧТО ОНА ИСЧЕЗЛА…

От криков миссис Уизли, которые были в сотни раз громче, чем обычно, и оглушительным эхом отражались от стен, на столах дребезжали тарелки и ложки. По всему залу оглядывались люди, пытаясь увидеть, кто получил Вопилку, а Рон съехал со стула так низко, что видно было лишь

его багровый лоб.

— …ВЧЕРА ПИСЬМО ОТ ДАМБЛДОРА, Я ДУМАЛА, ТВОЙ ОТЕЦ ПОМРЁТ СО СТЫДА, МЫ ТЕБЯ НЕ ДЛЯ ЭТОГО РАСТИЛИ, ВЫ С ГАРРИ МОГЛИ ПОГИБНУТЬ…

Гарри уже думал, когда же всплывёт его имя. Он изо всех сил делал вид, будто не слышит голоса, от которого у него дребезжали барабанные перепонки.

— …ПОЛНОЕ ОТВРАЩЕНИЕ, ПО ПОВОДУ ТВОЕГО ОТЦА НА РАБОТЕ ВЕДЁТСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ, ЭТО ПОЛНОСТЬЮ ТВОЯ ВИНА, И ЕСЛИ ТЫ СОВЕРШИШЬ ХОТЬ ОДИН ПРОСТУПОЧЕК, МЫ ТУТ ЖЕ ЗАБЕРЁМ ТЕБЯ ДОМОЙ.

Наступила звенящая тишина. Красный конверт, выпавший из руки Рона, вспыхнул и превратился в кучку пепла. Гарри и Рон сидели в оцепенении, как будто по ним прошлось цунами. Несколько человек засмеялись, а затем снова воцарился гул, и начались разговоры.

Гермиона закрыла «Вояж с Вампирами» и посмотрела на макушку головы Рона.

— Не знаю, чего ты ожидал, Рон, но ты…

— Не говори, что я это заслужил, — огрызнулся Рон.

Гарри отодвинул овсянку. Всё внутри у него

сгорало от стыда. По поводу мистера Уизли велось расследование. И это после всего, что мистер и миссис Уизли сделали для него этим летом…

Но времени горевать совсем не было; профессор МакГонагалл шла вдоль стола Гриффиндора, раздавая расписания. Гарри взял своё и увидел, что первым уроком у них была сдвоенная Гербология вместе с Хаффлпаффом.

Гарри, Рон и Гермиона вместе вышли из замка, прошли через огород и направились к парникам, где держали волшебные растения. Вопилка, по крайней мере, сделала одно доброе дело: теперь Гермиона считала, что они были достаточно наказаны, и снова стала дружелюбной.

Когда они приблизились к парникам, то увидели, что остальные ученики стоят снаружи и ждут профессора Спраут. Едва Гарри, Рон и Гермиона присоединились к ним, как она показалась на лужайке в компании Гилдероя Локхарта. У профессора Спраут в руках было полно повязок, и с очередным уколом совести Гарри заметил, что неподалёку несколько веток Дракучей Ивы были перевязаны.

Профессор Спраут была коренастой маленькой ведьмой, которая на своих пушистых волосах носила шляпу в заплатках; обычно на её одежде

было много земли, а от вида её ногтей тётя Петуния потеряла бы сознание. Однако Гилдерой Локхарт выглядел безупречно в развевающейся бирюзовой мантии, а его золотистые волосы сияли под идеально сидящей бирюзовой шляпой, расшитой золотом.

— А, приветик! — крикнул Локхарт, рассыпая улыбки ученикам. — Я просто показывал профессору Спраут, как правильно лечить Дракучую Иву! Но я не хочу, чтобы вы думали, будто я разбираюсь в Гербологии лучше неё! Просто мне доводилось сталкиваться с некоторыми экзотическими растениями во время моих путешествий…

— Сегодня третий парник, ребятки! — сказала профессор Спраут, которая выглядела не весёлой, как это было обычно, а весьма раздражённой.

В толпе пробежал заинтересованный шёпот. Раньше они работали только в парнике номер один — в третьем парнике обитали растения гораздо интереснее и опаснее. Профессор Спраут взяла один из больших ключей, висящий у неё на поясе, и открыла дверь. Гарри почуял запах сырой земли и удобрений, смешанный с ароматом каких-то огромных, размером с зонт, цветков, свисавших с потолка. Он собирался войти внутрь вслед за Роном и Гермионой, как вдруг высуну-

лась рука Локхарта.

— Гарри! Я хотел перекинуться парой словечек… вы ведь не возражаете, если он опоздает на пару минуток, профессор Спраут?

Судя по злобному выражению лица профессора Спраут, она возражала, но Локхарт сказал: «Вот и славненько», и закрыл дверь парника прямо у неё перед носом.

— Гарри, — сказал Локхарт, качая головой, а его большие белые зубы сверкали в солнечном свете. — Гарри, Гарри, Гарри.

Совершенно не понимая, что происходит, Гарри ничего не ответил.

— Когда я узнал… ну конечно, это всё моя вина. Чуть было сам себя не ударил.

Гарри понятия не имел, о чём он говорил. Он чуть было не сказал об этом, но Локхарт продолжил:

— Не знаю, когда я испытывал больший шок. Прилететь в Хогвартс на машине! Ну конечно, я сразу понял, почему ты это сделал. Превзошёл всех. Гарри, Гарри, Гарри.

Было удивительно, как он умудрялся выставлять напоказ абсолютно все свои блестящие зубы, даже когда не говорил.

— Я ведь дал тебе почувствовать, что такое сла-

ва, — сказал Локхарт. — Заразил тебя. Ты оказался со мной на первой полосе, и тебе не терпелось сделать это снова.

— А… нет, профессор, понимаете…

— Гарри, Гарри, Гарри, — сказал Локхарт, протягивая руку и хватая его за плечо. — Я понимаю. Это естественно — хотеть ещё немного, когда ты что-то распробовал… и я корю себя за то, что дал тебе такую возможность, ведь это просто не могло не засесть у тебя в голове… но, видите ли, юноша, нельзя летать на машине, чтобы тебя заметили. Просто успокойся, ладно? У тебя будет на это время, когда ты повзрослеешь. Да, да, я знаю, о чём ты думаешь! «Для него это нормально, он уже всемирно известный волшебник!» Но когда мне было двенадцать, я был даже больше, чем просто никем! Ведь несколько людей уже о тебе слышали, верно? То, что касается Того-Кого-Нельзя-Называть! — он взглянул на шрам в форме молнии у Гарри на лбу. — Знаю, знаю, это даже приблизительно не так здорово, как пять раз подряд выиграть Награду за Самую Очаровательную Улыбку журнала «Еженедельник для Ведьм», как это сделал я… но это уже что-то, Гарри, уже что-то.

Он смачно подмигнул Гарри и пошёл прочь.

Несколько секунд Гарри стоял, словно окаменевший, а затем, вспомнив, что он должен быть в парнике, открыл дверь и проскользнул внутрь.

Профессор Спраут стояла за козлами в центре парника. На них лежало около двадцати пар разноцветных наушников. Когда Гарри занял место между Роном и Гермионой, она сказала:

— Сегодня мы будем пересаживать Мандрагоры. Итак, кто расскажет мне о свойствах Мандрагоры?

Никто не удивился, когда первой поднялась рука Гермионы.

— Мандрагора — это мощное восстанавливающее средство, — сказала Гермиона в своей обычной манере, будто проглотила учебник. — Её используют, чтобы вернуть людей, которых во что-то превратили или прокляли, в их первоначальное состояние.

— Превосходно. Десять очков Гриффиндору, — сказала профессор Спраут. — Мандрагора является основной частью большинства противоядий. Однако она и опасна. Кто скажет, почему?

Рука Гермионы едва не съездила Гарри по очкам, вновь устремившись вверх.

— Крик Мандрагоры смертелен для любого, кто его услышит, — быстро ответила она.

— Именно. Ещё десять очков, — сказала профессор Спраут. — Сегодня у нас здесь очень молодые Мандрагоры.

Она указала на ряд глубоких лотков, и все подошли вперёд, чтобы получше их разглядеть. Около сотни маленьких зеленовато-сиреневых растений с хохолками росли в них в несколько рядов. Гарри, который не имел ни малейшего представления о том, что Гермиона подразумевала под «криком» Мандрагоры, они показались весьма неприметными.

— Все возьмите по паре наушников, — сказала профессор Спраут.

Началась возня, потому что все старались не остаться с розовыми и пушистыми наушниками.

— Когда я скажу надеть их, убедитесь, что ваши уши полностью закрыты, — сказала профессор Спраут. — Когда станет безопасно, чтобы их снять, я покажу большие пальцы. Итак… наушники надеть.

Гарри прижал наушниками уши. Они полностью блокировали звуки. Профессор Спраут надела розовые пушистые наушники, закатала рукава мантии, крепко схватила одно из растений с хохолком и сильно потянула.

Гарри ахнул от удивления, чего всё равно никто

бы не услышал.

Вместо корней из земли вылез маленький, грязный и ужасно уродливый младенец. Листья росли прямо у него из головы. У него была бледно-зелёная пятнистая кожа, и, судя по всему, он душераздирающе вопил.

Профессор Спраут достала из-под стола большой горшок и засунула туда Мандрагору, засыпая её тёмным влажным компостом, пока не остались лишь хохлатые листья. Профессор Спраут отряхнула руки, показала им большие пальцы и сама сняла наушники.

— Поскольку у нас тут всего лишь рассада Мандрагоры, её крики пока не убивают, — спокойно сказала она, будто только что всего лишь полила бегонию. — Однако они вырубят вас на несколько часов, а я уверена, что никому не захочется пропускать первый день после отдыха, так что убедитесь, что наушники надёжно закреплены во время работы. Я привлеку ваше внимание, когда придёт время собираться. По четыре на поддон… вот здесь большой запас горшков… компост в тех мешках… и поосторожнее с Ядовитыми Щупальцами, у них режутся зубки.

С этими словами она резко шлёпнула по тёмно-красному колючему растению, и то тут же

втянуло длинные щупальца, которые крались к ней через плечо.

К Гарри, Рону и Гермионе присоединился кудрявый мальчик из Хаффлпаффа, которого Гарри видел, но с которым никогда не разговаривал.

— Джастин Финч-Флетчли, — весело сказал он, пожимая Гарри руку. — Разумеется, я знаю, кто ты, знаменитый Гарри Поттер… а ты — Гермиона Грэйнджер — всех обходишь в учёбе… (Гермиона просияла, когда ей тоже пожали руку) и Рон Уизли. Это ведь твоя летающая машина?

Рон не улыбнулся. Вопилка явно до сих пор не выходила у него из головы.

— Этот Локхарт — нечто, — радостно сказал Джастин, когда они начали заполнять горшки компостом из драконьего помёта. — Удивительно смелый парень. Вы читали его книги? Я бы умер от страха, если бы оборотень загнал меня в телефонную будку, но он не растерялся и — бац — просто восхитительно. Знаете, меня собирались отправлять в Итон, я даже не могу описать, как я рад, что попал сюда, а не туда. Конечно, мама слегка расстроилась, но с тех пор, как я дал ей почитать книги Локхарта, думаю, она начала понимать, как это будет полезно, чтобы в семье был натренированный волшебник…

Потом у них не было возможности поговорить. Они снова надели наушники, и им предстояло сосредоточиться на Мандрагорах. Когда это делала профессор Спраут, всё казалось лёгким, но таким оно на самом деле не было. Мандрагорам не нравилось вылезать из земли, но и обратно им, похоже, тоже не особо хотелось. Они извивались, пинались, размахивали маленькими кулачками и скалили маленькие зубки; Гарри целых десять минут пытался запихать одну весьма толстую Мандрагору в горшок.

К концу урока Гарри, как и все остальные, вспотел, у него болело всё тело, и он был весь в земле. Все потащились в замок, что бы быстро помыться, а затем гриффиндорцы поспешили на урок Трансфигурации.

На уроках профессора МакГонагалл всегда было тяжело, но сегодня было особенно трудно. Всё, что Гарри выучил за прошлый год, казалось, за лето вылетело у него из головы. Ему нужно было превратить жука в пуговицу, но удалось лишь устроить жуку разминку, пока тот носился по парте, спасаясь от его волшебной палочки.

У Рона дела были ещё хуже. Он склеил свою палочку кусочком одолженного Волшескотча, но она, похоже, восстановлению не подлежала.

Она трещала и пускала искры в самый неподходящий момент, а каждый раз, когда Рон пытался превратить своего жука, она обволакивала его облаком густого серого дыма, который вонял тухлыми яйцами. Совершенно не видя, что делает, Рон раздавил жука локтём, и ему пришлось попросить ещё одного. Профессор МакГонагалл была недовольна.

Гарри почувствовал облегчение, когда прозвонил колокол на обед. Его мозг был похож на выжатую губку. Все вышли из кабинета, кроме него и Рона, который неистово лупил своей палочкой по парте.

— Идиотская… бесполезная… штуковина…

— Напиши домой, чтобы тебе прислали другую, — предложил Гарри, когда из палочки вылетел целый залп взрывов, как из петарды.

— Ага, чтобы получить ещё одну Вопилку, — сказал Рон, запихивая в сумку палочку, которая теперь шипела. — Сам виноват, что твоя палочка сломалась…

Они спустились на обед, где Рону вовсе не полегчало, когда Гермиона показала целую пригоршню идеальных пуговиц от пальто, которые она сделала на Трансфигурации.

— Что у нас после обеда? — сказал Гарри, по-

спешно меняя тему.

— Защита от Тёмных Искусств, — тут же ответила Гермиона.

— А почему это, — спросил Рон, схватив её расписание, — у тебя все уроки Локхарта обведены сердечками?

Гермиона отобрала у него расписание и залилась краской.

Они закончили обедать, и вышли во двор, затянутый туманом. Гермиона села на каменную ступеньку и снова уткнулась в «Вояж с Вампирами». Гарри и Рон стояли и несколько минут разговаривали о Квиддитче, пока Гарри не осознал, что за ним наблюдают. Он поднял глаза и увидел того самого маленького мальчика с серыми волосами, который вчера надевал Распределяющую Шляпу, и который сейчас смотрел на Гарри как заворожённый. В руках он держал нечто похожее на обычный маггловский фотоаппарат, и когда Гарри посмотрел на него, он тут же покраснел.

— Как дела, Гарри? Я… я Колин Криви, — сказал он так, словно ему было тяжело дышать, и сделал робкий шаг вперёд. — Я тоже учусь в Гриффиндоре. Как думаешь… можно я… можно мне сфотографировать? — сказал он, в надежде

поднимая камеру.

— Сфотографировать? — без выражения повторил Гарри.

— Чтобы доказать, что я с тобой встречался, — с энтузиазмом сказал Колин Криви, продвигаясь вперёд. — Я всё о тебе знаю. Все мне рассказывали. О том, как ты выжил, когда Сам-Знаешь-Кто пытался тебя убить, и как он исчез и всё такое, и о том, что у тебя до сих пор остался шрам на лбу (он пробежал глазами по лбу Гарри), и один мальчик из моей спальни сказал, что если проявлять плёнку в правильном зелье, что фотографии будут двигаться. — Колин глубоко и отрывисто вдохнул. — Здесь здорово, правда? Я не знал, что те странности, которые я делал, были магией, пока мне не пришло письмо из Хогвартса. Мой папа — молочник, он тоже не мог в это поверить. Так что я делаю очень много снимков, чтобы отправить их ему. И было бы очень здорово, если бы у меня был один с тобой… — он умоляюще посмотрел на Гарри, — …может быть, твой друг мог бы сфотографировать, а я бы встал рядом с тобой? И не подпишешь ли ты её?

— Фото с автографом? Ты раздаёшь фото с автографом, Поттер?

Громкий издевательский голос Драко Малфоя

эхом отозвался по всему двору. Он встал прямо за Колином, как всегда, в сопровождении своих дружков-верзил Крэбба и Гойла.

— Все в очередь! — закричал Малфой толпе. — Гарри Поттер раздаёт фотографии с автографом!

— Не раздаю, — со злостью сказал Гарри, сжимая кулаки. — Заткнись, Малфой.

— Тебе просто завидно, — запищал Колин, у которого всё тело в обхвате было как шея Крэбба.

— Завидно? — сказал Малфой, которому больше не нужно было кричать, так как сцену слушала половина двора. — Чему? Спасибо, мне не надо идиотского шрама на голове. Лично мне не кажется, что, вскрыв скальп, становишься особенным.

Крэбб и Гойл тупо хихикали.

— Жри слизней, Малфой, — со злостью сказал Рон. Крэбб перестал смеяться и принялся угрожающе потирать огромные костяшки пальцев.

— Осторожнее, Уизли, — скривился Малфой. — Лучше тебе не ввязываться в неприятности, а то твоя мамочка приедет и заберёт тебя из школы. — Он заговорил высоким тоненьким голоском. — Если ты совершишь хоть один проступочек…

Несколько слизеринцев-пятикурсников неподалёку громко засмеялись.

— Уизли пригодится фото с автографом, Поттер, — ухмыльнулся Малфой. — Оно будет стоить больше чем весь дом его семейки.

Рон достал склеенную палочку, но Гермиона захлопнула «Вояж с Вампирами» и прошептала: «Берегись!»

— В чём же, в чём же дело? — к ним направлялся Гилдерой Локхарт, а за ним развевалась его бирюзовая мантия. — Кто раздаёт фотографии с автографами?

Гарри открыл рот, но Локхарт прервал его, положив ему руку на плечи, и жизнерадостно прогремел. — Не стоило и спрашивать! Вот мы и встретились снова, Гарри!

Прижатый к Локхарту, сгорая от стыда, Гарри увидел, как Малфой, ухмыляясь, растворяется в толпе.

— Давайте же, мистер Криви, — сказал Локхарт, улыбаясь Колину. — Двойная фотография, лучше и не скажешь, и мы оба её подпишем.

Колин нащупал фотоаппарат и сделал снимок, как раз когда за ними зазвонил колокол, оповещая о начале послеобеденных уроков.

— Вперёд, двигаемся же, — закричал Локхарт толпе и пошёл к замку, всё ещё прижимая к себе Гарри, который мечтал о том, чтобы знать какое-

нибудь действенное заклинание исчезновения.

— Ты, конечно, понял, Гарри, — по-отечески сказал Локхарт, когда они вошли в замок через чёрный ход. — Я прикрыл тебя в ситуации с юным Криви… если он сфотографировал и меня тоже, твои товарищи не подумают, будто ты сильно задираешься…

Словно не слыша лепета Гарри, Локхарт провёл его по коридору, где толпились уставившиеся на них ученики, а затем вверх по лестнице.

— Позволь лишь сказать, что раздавать фотографии с автографом на этой стадии твоей карьеры — неразумно… честно говоря, Гарри, это выглядит так, будто ты много о себе возомнил. Возможно, придёт время, когда тебе, как и мне, придётся носить с собой стопку листов, куда бы ты ни пошёл… — он тихо усмехнулся. — Я думаю, ты пока ещё до этого не дошёл.

Они добрались до классной комнаты Локхарта, и он, наконец, отпустил Гарри. Гарри одернул мантию и направился искать место прямо в конец класса, где начал отгораживаться, складывая перед собой стопкой все семь книг Локхарта.

В кабинет зашли остальные ученики, и Рон с Гермионой уселись по обе стороны от Гарри.

— У тебя на лице яичницу можно жарить, —

сказал Рон. — Лучше надейся, что Криви не познакомится с Джинни, а то они организуют Фан-клуб Гарри Поттера.

— Заткнись, — огрызнулся Гарри. Меньше всего ему хотелось, чтобы Локхарт услышал фразу «Фан-клуб Гарри Поттера».

Когда все расселись, Локхарт громко прокашлялся, и наступила тишина. Он протянул руку, взял у Невилла Лонгботтома книгу «Турне с Троллями» и поднял её, чтобы показать своё подмигивающее изображение на обложке.

— Я, — сказал он, указывая на него и также подмигивая, — Гилдерой Локхарт, Орден Мерлина третьей степени, Почётный Член Лиги Защиты от Тёмных Сил и пятикратный обладатель Награды за Самую Очаровательную Улыбку журнала «Еженедельник для Ведьм»… но я об этом не говорю. Я не избавился от бандонской баньши, улыбнувшись ей.

Он подождал, когда они засмеются. Несколько человек слабо улыбнулись.

— Вижу, вы все купили полное моё собрание сочинений… отлично. Думаю, сегодня мы начнём с небольшого теста. Не волнуйтесь — это просто чтобы проверить, насколько хорошо вы их читали, сколько вы усвоили…

Когда он раздал тестовые бланки, то вернулся на место и сказал:

— У вас тридцать минут. Начинайте прямо… сейчас!

Гарри посмотрел в свой листок и прочёл:

1. Какой у Гилдероя Локхарта любимый цвет?
2. Какая у Гилдероя Локхарта тайная амбиция?
3. Что, по вашему мнению, на данный момент является самым большим достижением Гилдероя Локхарта?

И список продолжался на трёх листах, вплоть до:

54. Когда день рождения у Гилдероя Локхарта, и какой подарок будет для него идеальным?

Полчаса спустя, Локхарт собрал листы и пробежался по ним прямо перед всем классом.

— Ай-яй-яй… едва ли кто-то из вас вспомнил, что мой любимый цвет — лиловый. Я пишу об этом в книге «Срок со Снежным Человеком». И некоторым стоило бы почитать «Отдых с Обо-

ротнем» повнимательнее — я ясно даю понять в двенадцатой главе, что идеальным подарком на день рождения для меня будет гармония между всеми волшебными и неволшебными людьми… хотя я бы не отказался от большой бутылочки Старого Огденского Огневиски.

Он ещё раз подмигнул им. Рон смотрел на Локхарта с выражением неверия; Шеймус Финниган и Дин Томас, сидевшие на первой парте, тряслись от беззвучного смеха. Гермиона же, с другой стороны, слушала Локхарта очень внимательно и вздрогнула, когда он назвал её имя.

— …но мисс Гермиона Грэйнджер знала, что моя тайная амбиция — избавить мир от зла и запустить собственную линию средств по уходу за волосами… молодец! И вообще-то… — он перевернул её листок, — высший балл! Где мисс Гермиона Грэйнджер?

Гермиона подняла дрожащую руку.

— Превосходно! — просиял Локхарт. — Замечательно! Десять очков Гриффиндору! А теперь перейдём к делу…

Он нырнул за свой стол и достал большую клетку, накрытую сверху.

— Итак… берегитесь! Моя задача состоит в том, чтобы вооружить вас против самых мерзких

созданий, известных волшебному сообществу! Возможно, в этом кабинете вы встретитесь с самыми своими жуткими страхами. Но знайте, что вы невредимы, пока я здесь. Всё, что я прошу, — это спокойствие.

Против своей воли, Гарри наклонился, чтобы из-за стопки книг получше разглядеть клетку. Локхарт положил руку на покрывало. Дин и Шеймус перестали смеяться. Невилл съёжился за первой партой.

— Я должен попросить вас не кричать, — понизив голос, сказал Локхарт. — Это может их спровоцировать.

Как только весь класс затаил дыхание, Локхарт сорвал покрывало.

— Да, — театрально произнёс он. — Свежепойманные корнуоллские феи.

Шеймус Финниган не смог удержаться. Он прыснул так, что даже Локхарт не смог принять бы это за вопль ужаса.

— Да? — улыбнулся он Шеймусу.

— Ну, они… они же не очень… опасные? — давился Шеймус.

— Не будьте так уверены! — сказал Локхарт, недовольно пригрозив пальцем Шеймусу. — Они могут быть дьявольски хитрыми, эти маленькие

вредители!

Феи были ядовито-синего цвета, ростом примерно восемь дюймов, с заострёнными лицами и такими звенящими голосами, что казалось, будто слушаешь, как спорит стая попугайчиков. Как только сняли покрывало, они начали стучаться и метаться, громыхать прутьями и корчить рожи тем, кто сидел неподалёку.

— Итак, — громко сказал Локхарт. — Посмотрим, что вы с ними сделаете! — И он открыл клетку.

Начался беспредел. Феи разлетелись во всех направлениях, словно ракеты. Двое схватили Невилла за уши и подняли в воздух. Некоторые вылетели прямо в окно, окатив задний ряд душем из битого стекла. Остальные принялись разносить классную комнату куда лучше, чем разъярённый носорог. Они хватали чернильницы и поливали учеников содержимым, рвали на мелкие кусочки книги и бумаги, срывали со стен картины, перевернули мусорку, хватали сумки и книги и выбрасывали их в разбитое окно; через пару минут половина учеников пряталась под партами, а Невилл раскачивался на канделябре под потолком.

— Давайте же, окружайте их, окружайте, это

всего лишь феи… — кричал Локхарт.

Он закатал рукава, взмахнул палочкой и закричал:

— Пескипикси Пестерноми!

Абсолютно ничего не произошло; одна из фей схватила палочку Локхарта и тоже выкинула её в окно. Локхарт сглотнул и сам нырнул под стол, едва избежав того, чтобы быть раздавленным Невиллом, который упал секундой позже, когда не выдержал канделябр.

Зазвенел звонок, и у выхода образовала сумасшедшая давка. Когда наступила относительная тишина, Локхарт выпрямился, увидел Гарри, Рона и Гермиону, которые почти добрались до двери, и сказал:

— Что ж, я попрошу вас троих просто собрать остальных в клетку.

Он пронёсся мимо них и быстро захлопнул за собой дверь.

— Да неужели? — взревел Рон, когда одна из оставшихся фей больно укусила его за ухо.

— Он просто хочет, чтобы мы немного попрактиковались, — сказала Гермиона, обездвижив двух фей сразу Замораживающим Заклинанием и засовывая их в клетку.

— Попрактиковались? — сказал Гарри, пытаясь

поймать фею, которая утанцовывала от него, высунув язык. — Гермиона, он понятия не имел о том, что делал.

— Чепуха, — сказала Гермиона. — Вы читали его книги — вспомните обо всех удивительных вещах, которые он сделал…

— Говорит, что сделал, — пробормотал Рон.

07. Грязнокровки и шёпот

В последующие дни Гарри пришлось часто прятаться, когда в коридоре показывался Гилдерой Локхарт. Куда сложнее было избегать Колина Криви, который, похоже, выучил наизусть расписание Гарри. Казалось, ничто не приводило его в больший восторг, чем говорить «Как дела, Гарри?» шесть или семь раз на дню, а в ответ услышать «Привет, Колин», каким бы раздражённым тоном ни произносил это Гарри.

Хедвига всё ещё злилась на Гарри за неудачное путешествие на машине, а палочка Рона всё ещё барахлила, превзойдя саму себя в пятницу: на уроке Заклинаний она вылетела у Рона из рук и угодила маленькому старому профессору Флитвику прямо между глаз, отчего на этом месте у того вырос огромный пульсирующий зелёный волдырь. Учитывая всё это, Гарри очень обрадовался наступлению выходных. Он с Роном и Гермионой планировал навестить Хагрида субботним утром. Однако на несколько часов раньше, чем ему бы хотелось, Гарри разбудил Оливер Вуд, капитан команды Гриффиндора по Квиддитчу.

— Что такое? — буркнул Гарри.

— Тренировка по Квиддитчу! — сказал Вуд. — Пойдём!

Гарри прищурился, глядя в окно. Вдоль розового и золотистого неба протянулась тонкая полоска тумана. Теперь, когда он проснулся, то не понимал, как вообще мог спать при том рокоте, который устроили птицы.

— Оливер, — прохрипел Гарри, — ещё даже не рассвело.

— Вот именно, — сказал Вуд. Он был высоким и крупным шестикурсником, и в данный момент глаза его блестели от сумасшедшего энтузиазма. — Это часть нашей новой тренировочной программы. Давай, хватай метлу, и пойдём, — возвестил Вуд. — Другие команды ещё не начали тренировок, мы будем первыми в этом году…

Зевнув и слегка вздрогнув, Гарри вылез из кровати и начал искать свою форму для Квиддитча.

— Молодец, — сказал Вуд. — Встретимся на поле через пятнадцать минут.

Когда Гарри нашёл свою алую форму и надел плащ, чтобы согреться, он написал Рону записку с объяснением, куда он ушёл, а затем спустился по винтовой лестнице в гостиную со своим «Нимбусом-2000» на плече. Он едва дошёл до дыры

за портретом, как вдруг услышал звон позади, и по винтовой лестнице спустился Колин Криви с фотоаппаратом, который болтался у него на шее, и чем-то ещё в руке.

— Я слышал, как кто-то произнёс твоё имя на лестнице, Гарри! Смотри, что у меня есть! Я проявил её и хотел тебе показать…

Гарри смущённо взглянул на фотографию, которой Колин размахивал у него перед носом.

Движущийся чёрно-белый Локхарт сильно тянул чью-то руку, в которой Гарри узнал свою собственную. Он с радостью увидел, что его изображение хорошенько сопротивлялось и отказывалось показывать в кадре. Пока Гарри наблюдал за ними, Локхарт сдался и, тяжело дыша, опёрся на белый край фотографии.

— Ты её подпишешь? — жадно спросил Колин.

— Нет, — просто ответил Гарри, оглядываясь, чтобы убедиться, что в комнате никого не было. — Прости, Колин, я спешу… тренировка по Квиддитчу.

Он вылез из дыры за портретом.

— Ух ты! Подожди! Я никогда раньше не видел игры в Квиддитч!

Колин выкарабкался вслед за ним.

— Она будет очень скучной, — быстро сказал

Гарри, но Колин, который сиял от радости, не обратил на него внимания.

— Ты ведь самый молодой игрок Дома за сто лет, правда, Гарри? Правда? — сказал Колин, семеня рядом с ним. — Ты, наверное, здорово играешь. Я никогда не летал. А это легко? А это твоя метла? Она же самая лучшая?

Гарри не знал, как от него избавиться. Это было всё равно, что ходить с очень разговорчивой тенью.

— Я не очень разбираюсь в Квиддитче, — еле дыша, сказал Колин. — А правда, что там четыре мяча? А два из них летают и пытаются сбить всех с мётел?

— Да, — тяжко ответил Гарри, вынужденный объяснять запутанные правила Квиддитча. — Они называются Бладжерами. В каждой команде по два Вышибалы, в руках у которых по бите, чтобы отбивать Бладжеры от игроков их команды. Фред и Джордж Уизли — Вышибалы Гриффиндора.

— А для чего нужны остальные мячи? — спросил Колин, споткнувшись и пролетев пару ступенек, потому что смотрел на Гарри с открытым ртом.

— Ну, Кваффлом — тем, что большой и крас-

ный — забивают голы. Три Охотника из каждой команды перекидывают Кваффл друг другу и стараются бросить его сквозь ворота в конце поля — вон те три длинных шеста с кольцами.

— А четвёртый мяч…

— …это Золотой Снитч, — сказал Гарри, — и он очень маленький, очень быстрый, и его очень трудно поймать. Но это то, чем занимается Ловец, потому что игра в Квиддитч не заканчивается, пока не пойман Снитч. И тот Ловец, который ловит Снитч, приносит своей команде дополнительные сто пятьдесят очков.

— А ты — Ловец Гриффиндора? — с благоговением спросил Колин.

— Да, — сказал Гарри, когда ни вышли из замка и пошли по покрытой росой траве. — И ещё есть Вратарь. Он защищает ворота. Вот и всё, правда.

Но Колин не перестал задавать Гарри вопросы, пока они шли по мокрым газонам к полю для Квиддитча, и Гарри удалось избавиться от него, лишь когда он дошёл до раздевалок. Колин запищал ему вслед:

— Я пойду найду место получше, Гарри! — и поспешил к трибунам.

Остальная часть команды Гриффиндора уже была в раздевалке. С виду только Вуд проснулся

полностью. Фред и Джордж Уизли сидели с опухшими глазами и растрёпанными волосами рядом с четверокурсницей Алишей Спиннет, которая опёрлась на стену позади себя и, казалось, вот-вот заснёт. Остальные Охотники, Кэти Бэлл и Анджелина Джонсон, зевая, сидели напротив них.

— А вот и ты, Гарри, почему ты задержался? — воскликнул Вуд. — Итак, я хотел быстренько переговорить с вами, прежде чем выйти на поле, потому что всё лето я разрабатывал совершенно новую программу тренировок, которая, как мне кажется, кардинально всё изменит…

В руках у Вуда была большая схема поля для Квиддитча, на которой было нарисовано много разноцветных линий, стрелочек и крестиков. Он взял свою палочку, постучал по схеме, и стрелочки начали извиваться, словно гусеницы. Как только Вуд погрузился в свой доклад о его новой тактике, голова Фреда Уизли упала на плечо Алиши Спиннет, и он захрапел.

На объяснение первой схемы ушло почти двадцать минут, но под ней оказалась вторая, а под второй и третья. Пока Вуд продолжал жужжать, Гарри впал в глубокое оцепенение.

— Итак, — наконец-то, произнёс Вуд, отвлекая Гарри от тоскливых фантазий о том, что он мог бы

есть на завтрак в замке в этот самый момент, — всё ясно? Вопросы?

— У меня вопрос, Оливер, — сказал внезапно проснувшийся Джордж. — Почему нельзя было рассказать нам это всё вчера, когда мы не спали?

Вуду это не понравилось.

— Значит так, послушайте меня, — сказал он, окидывая их недовольным взглядом, — мы должны были выиграть Кубок по Квиддитчу в прошлом году. Мы — лучшая команда, без всяких сомнений. Но, к сожалению, по неподвластным нам обстоятельствам…

Гарри виновато заёрзал на месте. В прошлом году во время финального матча по Квиддитчу он лежал без сознания в больничном крыле, а это означало, что у Гриффиндора было на одного игрока меньше, и они потерпели своё худшее поражение за триста лет.

Вуд сделал паузу, чтобы взять себя в руки. Их последний проигрыш явно мучил его.

— Так что в этом году мы будем тренироваться сильнее, чем прежде… Ладно, пойдёмте, воплотим нашу новую теорию в практику! — закричал Вуд, хватая свою метлу и выводя всех из раздевалки. Зевая, команда последовала за ним на ватных ногах.

Они просидели в раздевалке так долго, что солнце уже полностью встало, хотя над травой стадиона всё ещё висели остатки тумана. Выйдя на поле, Гарри увидел на трибунах Рона и Гермиону.

— Ещё не закончили? — удивлённо крикнул Рон.

— Ещё и не начинали, — сказал Гарри, с завистью глядя на тосты с джемом, которые Рон с Гермионой принесли из Большого Зала. — Вуд учил нас новой тактике.

Он оседлал метлу и, оттолкнувшись от земли, взмыл в небо. Прохладный утренний ветерок хлестал его по лицу, отчего он проснулся гораздо скорее, чем от длинных речей Вуда. Это было удивительно — вернуться на поле. Он пролетел наперегонки с Фредом и Джорджем по всему стадиону на полной скорости.

— А что это так странно щёлкает? — спросил Фред, когда они обогнули угол.

Гарри посмотрел на трибуны. На одном из самых высоких мест сидел Колин с поднятой камерой и делал снимок за снимком, в то время как звук фотоаппарата странным образом усиливался в несколько раз на пустом стадионе.

— Посмотри сюда, Гарри! Сюда! — верещал он.

— Кто это? — сказал Фред.

— Понятия не имею, — соврал Гарри, набирая скорость, чтобы как можно дальше улететь от Колина.

— Что такое? — нахмурился Вуд, подлетев к ним. — Почему этот первогодка нас фотографирует? Мне это не нравится. Он может быть шпионом Слизерина и пытаться разузнать о нашей новой программе тренировок.

— Он из Гриффиндора, — быстро сказал Гарри.

— И Слизеринцам не нужен шпион, Оливер, — сказал Джордж.

— Это почему ещё? — заинтересовался Вуд.

— Потому что они тут собственной персоной, — указывая на что-то, сказал Джордж.

На поле выходили несколько человек в зелёных мантиях и с мётлами в руках.

— Глазам не верю! — от ярости зашипел Вуд. — Я забронировал поле на сегодня! Это мы ещё посмотрим!

Вуд устремился к земле, от злости приземлившись чуть жёстче, чем хотелось бы, и, прихрамывая, слез с метлы. Гарри, Фред и Джордж полетели за ним.

— Флинт! — закричал Вуд капитану Слизеринцев. — Сейчас тренируемся мы! Мы специально

проснулись пораньше! Можете выметаться отсюда!

Маркус Флинт был даже больше, чем Вуд. На лице у него появилось коварное выражение, когда он ответил:

— Места хватит всем, Вуд.

Анджелина, Алиша и Кэти тоже подошли к ним. В команде Слизерина, которые все до одного стояли плечом к плечу и злобно смотрели на гриффиндорцев, девушек не было.

— Но я занял поле! — возмутился Вуд, плюнув от ярости. — Я его занял!

— Да, — сказал Флинт, — но у меня есть специально подписанная записка от профессора Снейпа. «Я, профессор С. Снейп даю команде Слизерина разрешение на тренировку на поле сегодня, в связи с необходимостью натренировать их нового Ловца».

— У вас новый Ловец? — растерянно сказал Вуд. — Где?

И из-за шести огромных человек вышел седьмой, куда меньший мальчик с ухмылкой во всё его бледное заострённое лицо. Это был Драко Малфой.

— А ты не сын Люциуса Малфоя? — спросил Фред, глядя на Малфоя с неприязнью.

— Забавно, что ты упомянул отца Драко, — сказал Флинт, в то время как слизеринцы улыбнулись ещё шире. — Позвольте показать вам тот щедрый подарок, который он сделал команде Слизерина.

Все семеро показали мётлы. Семь отполированных совершенно новых рукояток и семь золотых надписей «Нимбус-2001» сияли в лучах раннего солнца у гриффиндорцев перед носом.

— Самая последняя модель. Вышла только в прошлом месяце, — беззаботно сказал Флинт, сдувая пыль с кончика своей метлы. — Думаю, она сильно обходит старую серию. А что касается Чистомётов, — он мерзко улыбнулся Фреду и Джорджу, в руках у которых было по Чистомёту-5, - ими полы метите.

Никому из команды в Гриффиндора ничего не приходило в голову. Малфой ухмылялся так широко, что глаза его превратились в узкие щелки.

— Ой, смотрите-ка, — сказал Флинт. — Помеха на поле.

К месту действия по газону шли Рон с Гермионой.

— Что происходит? — спросил Рон у Гарри. — Почему вы не играете? И что он тут делает?

Он смотрел на Малфоя, разглядывая его слизе-

ринскую мантию для Квиддитча.

— Я — новый Ловец Слизерина, Уизли, — самодовольно заявил Малфой. — Все как раз восхищались мётлами, которые мой отец купил для нашей команды.

Рон, открыв рот, уставился на семь первоклассных мётел.

— Хороши, правда? — вкрадчиво произнёс Малфой. — Но, возможно, команде Гриффиндора удастся собрать немного денег и тоже купить новые мётлы. Можно было бы пустить Чистомёты с молотка, думаю, музей за них поторговался бы.

Слизеринцы завыли от смеха.

— По крайней мере, никому из Гриффиндора не нужно было покупать себе место в команде, — отрезала Гермиона. — Все попали сюда исключительно благодаря таланту.

Довольный вид Малфоя слегка поугас.

— А твоего мнения никто не спрашивал, маленькая грязнокровка, — бросил он.

Гарри сразу понял, что Малфой сказал что-то очень плохое, потому что за его словами тут же последовал всплеск негодования. Флинту пришлось выпрыгнуть перед Малфоем, чтобы на него не бросились Фред и Джордж, Алиша взвизгнула «Да как ты смеешь!», а Рон запустил

руку в мантию, достал палочку и, с криком «Ты за это заплатишь, Малфой!», направил её под руку Флинта, прямо в лицо Малфою.

Оглушительный грохот прокатился эхом по стадиону, а из противоположного конца палочки Рона вырвалась вспышка зелёного света, выстрелив ему в живот, и он кубарем покатился по траве.

— Рон! Рон! Ты в порядке? — завизжала Гермиона.

Рон открыл рот, чтобы что-то сказать, но слов из него не вылетело. Вместо этого он смачно рыгнул, и изо рта на колени ему вывалилось несколько слизней.

Слизеринцев парализовало от хохота. Флинт согнулся пополам, опираясь на свою метлу. Малфой стоял на четвереньках, стуча кулаком по земле. Гриффиндорцы собрались вокруг Рона, который продолжал отрыгивать больших блестящих слизней. Похоже, никому не хотелось его трогать.

— Нам лучше отвести его к Хагриду, туда ближе всего, — сказал Гарри Гермионе, которая храбро кивнула, и они подхватили Рона под руки и подняли его.

— Что случилось, Гарри? Что случилось? Он болен? Ты ведь сможешь его вылечить? — Колин

спустился со своего места и теперь приплясывал рядом с ними, пока они уходили с поля. С Роном случился ещё один приступ, и по его груди потекло несколько слизней.

— Уууууу, — удивлённо произнёс Колин, поднимая камеру. — Можешь подержать его ровно, Гарри?

— Уйди с дороги, Колин! — со злостью сказал Гарри. Они с Гермионой вытащили Рона со стадиона и понесли его через территорию к опушке Леса.

— Ещё чуть-чуть, Рон, — сказала Гермиона, когда показалась хижина лесничего. — С тобой всё будет в порядке через минуту… почти добрались…

Они были в нескольких метрах от хижины Хагрида, когда открылась входная дверь, но из неё вышел не Хагрид. Оттуда появился Гилдерой Локхарт, сегодня облачённый в розовато-лиловую мантию.

— Скорее, сюда, — зашипел Гарри, уволакивая Рона за ближайший куст. Гермиона нехотя отправилась за ними.

— Всё очень просто, когда знаешь, что делаешь! — громко говорил Хагриду Локхарт. — Если вам понадобится помощь, вы знаете, где я! Я по-

дарю вам одну из своих книг… удивительно, что у вас ещё нет ни одной. Я подпишу одну из них и вышлю вам сегодня же. Что ж, прощайте!

И он направился в сторону замка.

Гарри подождал, пока Локхарт не скрылся из виду, а затем вытащил Рона из куста и поволок его к двери Хагрида. Они забарабанили в дверь.

Хагрид появился сразу же, он явно был раздражённым, но просиял, как только увидел, кто к нему пришёл.

— А я всё думал, когда вы придёте меня попроведать… заходите, заходите… думал, это профессор Локхарт вернулся.

Гарри и Гермиона помогли Рону пройти через порог в однокомнатный домик, в одном углу которого была гигантская кровать, а в другом весело потрескивал огонь. Похоже, Хагрид не сильно беспокоился по поводу Рона, о проблеме которого Гарри рассказал наспех, усаживая его на стул.

— Лучше наружу, чем внутрь, — весело сказал он, с грохотом поставив перед Роном большой медный таз. — Пускай все выходят, Рон.

— Думаю, можно лишь ждать, пока оно само не пройдёт, — взволнованно сказала Гермиона, наблюдая, как Рон склонился над тазом. — И при лучших условиях такое заклятие сложно сотво-

рить, а уж со сломанной палочкой…

Хагрид хлопотал, готовя им чай. Его охотничий пёс Клык пускал на Гарри слюни.

— Чего от тебя хотел Локхарт? — спросил Гарри, почёсывая Клыку уши.

— Давал советы, как вывести водяных из колодца, — буркнул Хагрид, убирая с поцарапанного стола полуощипанного петуха и ставя на него чайник. — Как будто я и сам не знаю. И трепется про какую-то кикимору, от которой он избавился. Если хоть слово из всего этого — правда, то я съем свой чайник.

Было необычным, что Хагрид критиковал учителя из Хогвартса, и Гарри с удивлением посмотрел на него. Однако Гермиона, голосом чуть более высоким, чем обычно, сказала:

— Думаю, ты немного несправедлив. Очевидно, что профессор Дамблдор посчитал, что он был лучшим кандидатом на эту должность…

— Единственным он был на эту должность, — сказал Хагрид, предлагая им паточной помадки, пока Рон звучно кашлял в свой таз. — И я серьёзно говорю — единственным. Очень сложно найти кого-то на работу с Тёмными Искусствами. Никому особо не хочется их преподавать. Все начинают думать, что она проклята. Никто не

продержался долго, — сказал Хагрид, кивая в сторону Рона, — кого он пытался заколдовать?

— Малфой как-то обозвал Гермиону. Наверное, это было что-то плохое, потому что все с ума посходили.

— Это и было что-то плохое, — прохрипел бледный и мокрый Рон, появляясь над столом. — Малфой назвал её «грязнокровкой», Хагрид…

Рон снова исчез из виду, когда подкатила свежая волна слизней. Хагрид явно возмутился.

— Он этого не сделал! — зарычал он на Гермиону.

— Сделал, — сказала она. — Но я не знаю, что это означает. Конечно, я догадалась, что это было что-то обидное…

— Это чуть ли не самая оскорбительная вещь, которую он мог придумать, — задыхался Рон, снова появляясь из-под стола. — Грязнокровка — это очень мерзкое прозвище для магглорожденного… ну, у кого родители — не волшебники. Есть такие волшебники — как семья Малфоя — которые думают, что они лучше всех, потому что они, что называется, чистокровные. — Он срыгнул, и в руку ему упал всего один слизень. Он кинул его в таз и продолжил. — Остальные ведь знают, что это не играет никакой роли. Взгляните на

Невилла Лонгботтома — он чистокровный, а едва может различить, где у котла верх, а где низ.

— И ещё не изобрели такого заклинания, которое не повторит наша Гермиона, — гордо сказал Хагрид, отчего Гермиона стала пунцовой.

— Это очень мерзко — называть так кого-то, — сказал Рон, вытирая потную бровь дрожащей рукой. — Грязная кровь, видите ли. Обычная кровь. Безумие. Большинство волшебников в наши дни — полукровки. Если бы мы не женились на магглах, то вымерли бы.

Он снова закашлял и скрылся из виду.

— Что ж, я не виню тебя за то, что ты пытался заколдовать его, Рон, — прогремел Хагрид поверх звуков плюхающихся в таз слизней. — Но, может, это правильно, что твоя палочка сработала не в ту сторону. Жди, что Люциус Малфой прибежит в школу, если проклял его сына. Хоть неприятностей не огребли.

Гарри рад бы был уточнить, что худшей проблемой было то, что изо рта сыпались слизни, но не смог: паточная ириска Хагрида склеила его челюсти словно цемент.

— Гарри, — внезапно сказал Хагрид, будто его посетила внезапная мысль, — есть одно дельце. Слыхал я, ты раздаёшь фотографии с автографом.

А почему у меня до сих пор такой нет?

От ярости Гарри расцепил зубы.

— Да не раздавал я фотографий с автографом, — с жаром сказал он. — Если Локхарт всё ещё несёт эту чушь…

Но потом он увидел, что Хагрид смеётся.

— Да я шучу, — сказал он, добродушно хлопая Гарри по спине, отчего тот уткнулся лицом в стол. — Я знаю, что ты этого не делал. Я сказал Локхарту, что тебе это не нужно. Ты и так знаменитее его без каких-то там усилий.

— Держу пари, ему это не понравилось, — сказал Гарри, выпрямляясь и потирая подбородок.

— Думаю, да, — сказал Хагрид, хитро щурясь. — А потом я сказал ему, что не читал ни одной его книги, и он решил уйти. Ириску, Рон? — добавил он, когда вновь возник Рон.

— Нет, спасибо, — слабо ответил Рон. — Лучше не рисковать.

— Пойдёмте, я вам покажу, что я выращиваю, — сказал Хагрид, когда Гарри и Гермиона допили чай.

На маленькой грядке за домом Хагрида было двенадцать самых больших тыкв, которые Гарри когда-либо видел в своей жизни. Каждая была размером с приличный валун.

— Хорошо растут, да? — радостно сказал Хагрид. — Для Хэллоуина… к тому времени будут достаточно большими.

— Чем ты их подкармливаешь? — спросил Гарри.

Хагрид обернулся через плечо, чтобы проверить, что они были в одиночестве.

— Ну, я им… это… немного помог.

Гарри заметил, что у стены хижины стоял розовый в цветочек зонтик Хагрида. У Гарри и до этого были причины полагать, что этот зонтик был вовсе не таким, каким казался. Вообще-то, у него сложилось сильное впечатление, что внутри была спрятана старая школьная палочка Хагрида. Хагриду нельзя было колдовать. Его исключили из Хогвартса на третьем году учёбы, но Гарри так и не узнал, почему — при любом упоминании данной темы Хагрид громко прокашливался и оставался загадочно глухим, пока не меняли тему.

— Увеличивающее Заклинание, я полагаю? — сказала Гермиона, разрываясь между осуждением и восхищением. — Что ж, ты хорошо над ними потрудился.

— То же сказала и твоя младшая сестрёнка, — сказал Хагрид, кивая Рону. — Только вчера

виделись. — Хагрид искоса посмотрел на Гарри, а борода его дёрнулась. — Сказала, что просто гуляла по территории, но, думаю, она надеялась столкнуться кое с кем ещё в моём доме. — Он подмигнул Гарри. — По мне, так она не отказалась бы от фото с ав…

— Ой, замолчи, — сказал Гарри. Рон прыснул от смеха и покрыл землю слизнями.

— Аккуратнее! — взревел Хагрид, уволакивая Рона от своих драгоценных тыковок.

Уже приближалось время обеда, а поскольку с рассвета у Гарри во рту была лишь ириска, ему не терпелось вернуться в школу, чтобы поесть. Они попрощались с Хагридом и направились к замку. Рон время от времени икал, выдавая теперь лишь одного-двух очень маленьких слизней.

Они едва ступили в прохладный вестибюль, как раздался голос:

— Вот вы где, Поттер, Уизли, — к ним шла профессор МакГонагалл и выглядела она строго. — Сегодня вечером вы будете отрабатывать своё наказание.

— Что нам предстоит, профессор? — спросил Рон, нервно сдерживая отрыжку.

— Вы будете полировать серебро в трофейной с мистером Филчем, — сказала профессор МакГона-

галл. — И никакой магии, Уизли… потрудитесь.

Рон сглотнул. Смотрителя Аргуса Филча ненавидели все ученики школы.

— А вы, Поттер, поможете профессору Локхарту отвечать на письма его поклонников, — сказала профессор МакГонагалл.

— О нет… можно мне тоже пойти в трофейную? — в отчаянии спросил Гарри.

— Разумеется, нет, — сказала профессор МакГонагалл, поднимая брови. — Профессор Локхарт попросил именно вас. Оба ровно в восемь.

Гарри и Рон побрели в Большой Зал в состоянии глубочайшего отчаяния, а Гермиона шла за ними с выражением лица «ну-вы-же-нарушили-школьные-правила». Гарри обрадовался картофельной запеканке с мясом, не так сильно, как надеялся. Каждому казалось, что именно ему достался худший вариант.

— Филч продержит меня там весь вечер, — грустно произнёс Рон. — Никакой магии! Там же, наверное, сто кубков. Я ничего не понимаю в маггловской уборке.

— Поменяюсь в любое время, — мрачно заметил Гарри. — Я у Дёрсли много тренировался. Отвечать на письма поклонников Локхарта… это же будет кошмар…

Послеобеденное воскресенье пролетело как одна секунда, и вдруг неожиданно наступило без пяти восемь. Гарри тащился по коридору второго этажа к кабинету Локхарта. Он сжал зубы и постучал.

Дверь тут же распахнулась. Локхарт широко ему улыбнулся.

— А вот и наш шалопай! — сказал он. — Заходи, Гарри, заходи.

Сверкая в свете множества свечей, на стенах висели бесчисленные фотографии Локхарта в рамках. На некоторых из них он даже расписался. Ещё одна большая стопка лежала на столе.

— Ты можешь писать адреса на конвертах! — сказал Локхарт Гарри таким тоном, будто это была огромная честь. — Первое — для Глэдис Гаджон, храни её господь… большая моя поклонница.

Минуты ползли на улиточном ходу. Гарри пропускал голос Локхарта мимо ушей, лишь то и дело говоря «Ммм», «Точно» и «Ага». Время от времени он обращал внимание на фразы «Слава — изменчивый друг, Гарри» или «Знаменитость — это её поступки, помни это».

Свечи постепенно сгорали, отчего огоньки танцевали на множестве лиц Локхарта, которые

наблюдали за ним. Гарри водил ноющей рукой по тому, что по ощущениям, было тысячным конвертом, подписывая адрес Вероники Сметли. Уже должно подойти время, чтобы уйти, думал Гарри, пожалуйста, пусть подойдёт время…

А затем он что-то услышал… что-то отличное от шипения догорающих свечей и верещания Локхарта по поводу его фанатов.

Это был голос, голос, который пробирал до мозга костей, от которого захватывало дух, словно от ледяного яда.

— Иди… или ко мне… позволь мне разорвать тебя… позволь мне разодрать тебя на куски… позволь мне убить тебя…

Гарри подскочил, и на адресе Вероники Сметли появилась большая лиловая клякса.

— Что? — громко сказал он.

— Сам знаю! — сказал Локхарт. — Шесть месяцев на вершине списка бестселлеров! Побила все рекорды!

— Нет, — бешено сказал Гарри. — Это голос!

— Прости, — растерянно сказал Локхарт. — Какой голос?

— Этот… этот голос, который сказал… разве вы его не слышали?

Локхарт удивлённо взглянул на Гарри.

— О чём ты говоришь, Гарри? Возможно, ты слегка подустал? Боже мой… только посмотри на время! Мы просидели тут почти четыре часа! Никогда бы не подумал… время быстро пролетело, правда?

Гарри ничего не ответил. Он напряг слух, чтобы снова услышать тот голос, но теперь ничего не было слышно, кроме речи Локхарта о том, что больше он не должен рассчитывать на такие почести, если снова заработает наказание. Гарри ушёл с гудящей головой.

Было уже так поздно, что в гостиной Гриффиндора почти никого не было. Гарри отправился прямо в спальню. Рон ещё не вернулся. Гарри надел пижаму и стал ждать. Через полчаса в тёмной комнате, поглаживая правую руку, объявился сильно пахнущий полиролью Рон.

— У меня все мышцы свело, — простонал он, плюхаясь на кровать. — Он заставлял меня натирать кубок по Квиддитчу четырнадцать раз, пока не остался доволен. А потом у меня случился ещё один слизневый приступ прямо на Награду за Особые Заслуги перед Школой. Кучу времени потратил на слизь… А как дела у Локхарта?

Стараясь говорить тихо, чтобы не разбудить Невилла, Дина и Шеймуса, Гарри рассказал о том,

что он слышал.

— И Локхарт сказал, что не слышал этого? — сказал Рон. В лунном свете Гарри увидел, как он нахмурился. — Думаешь, он соврал? Но я не понимаю… даже кому-то невидимому пришлось бы открыть дверь.

— Сам знаю, — сказал Гарри, ложась в кровать и смотря на драпировку. — Я тоже этого не понимаю.

08. Годовщина Смерти

Наступил октябрь, покрыв замок и его территории морозной сыростью. У медсестры мадам Помфри было много работы из-за внезапной вспышки простуды среди персонала и учеников. Её Перечное Зелье срабатывало немедленно, хотя у того, кто его выпил, потом несколько часов из ушей шёл пар. Джинни Уизли, которая выглядела бледноватой, его насильно заставил выпить Перси. Из-за пара, который выходил из под её огненных волос, казалось, что у неё пылала голова.

Целыми днями в окна замка стучали капли дождя размером с пулю; озеро поднялось, клумбы превратились в грязные ручейки, а тыквы Хагрида распухли до размера садового сарая. Однако, дождь не подмочил энтузиазма Оливера Вуда по поводу постоянных тренировок, поэтому одним дождливым воскресным вечером, за несколько дней до Хэллоуина, Гарри можно было увидеть промокшим до нитки и забрызганным грязью, очень поздно возвращающимся в гриффиндорскую башню.

Даже если бы не было дождя и ветра, это была

не самая лучшая тренировка. Фред и Джордж, которые следили за командой Слизерина, воочию убедились, насколько быстры «Нимбусы-2001». Они доложили, что слизеринцы были похожи, скорее, на семь зелёных клякс, когда носились по воздуху словно ракеты.

Когда Гарри хлюпал по пустынному коридору, он наткнулся на кого-то, кто был так же чем-то озадачен, как и он. Почти Безголовый Ник, привидение башни Гриффиндора, грустно выглядывал в окно, бормоча под нос: «…не удовлетворяю их требованиям… полдюйма, если уж на то пошло…»

— Привет, Ник, — сказал Гарри.

— Привет, привет, — сказал Почти Безголовый Ник, вздрогнув и обернувшись. На нем была изысканная шляпа с плюмажем, из-под которой спускались длинные вьющиеся волосы, и туника с жёстким воротником, скрывавшим почти разрубленную шею. Он был бледен, как дым, и Гарри видел сквозь него тёмное небо и ливень за окном.

— Ты выглядишь обеспокоенным, юный Поттер, — сказал Ник, складывая прозрачное письмо и засовывая его в свой камзол.

— И ты тоже, — сказал Гарри.

— А, — Почти Безголовый Ник помахал изящной ручкой, — это неважно… хотя это не значит, что я не хотел бы вступить… думал отправить заявку, но, судя по всему, я «не удовлетворяю требованиям».

Несмотря на его легкомысленный тон, на лице у него была написана сильная горечь.

— Но ты ведь сам бы подумал, — внезапно взорвался он, вытаскивая письма из кармана, — что когда тебя ударили по шее тупым топором сорок пять раз, то можно и принять тебя в Безголовую Охоту.

— А… да, — сказал Гарри, которому явно следовало согласиться.

— Ведь никому не хотелось бы больше меня, чтобы всё прошло быстро и гладко, и моя голова слетела, как подобает, ведь это сильно избавило бы меня от боли и унижения. Однако… — Почти Безголовый Ник потряс письмо, чтобы оно открылось, и со злостью прочёл.

— «Мы можем принять лишь охотников, у голов которых дорожки с их телами разбежались. Вы поймёте, что в противном случае для членов будет невозможно принимать участие в таких мероприятиях как Жонглирование Головой на Скаку и Головное Поло. К моему глубочайше-

му сожалению, я должен сообщить вам, что вы не удовлетворяете нашим требованиям. С наилучшими пожеланиями, сэр Патрик Делэйни-Подмор.»

Сильно злясь, Почти Безголовый Ник снова спрятал письмо.

— Полдюйма кожи и сухожилий держат мою шею, Гарри! Большинству бы показалось, что всё в порядке, и голова отрублена, но нет, этого не достаточно для сэра Как Следует Обезглавленного-Подмора.

Почти Безголовый Ник сделал несколько глубоких вдохов, а потом произнёс куда более спокойным тоном:

— Итак… что тебя беспокоит? Могу ли я чем-то помочь?

— Нет, — сказал Гарри. — Только если не знаешь, где нам достать семь бесплатных «Нимбусов-2001» для нашего матча против Сли…

Оставшаяся часть предложения Гарри потонула в пронзительном мяуканье, донёсшемся откуда-то из области лодыжек. Он глянул вниз и увидел пару фонарно-жёлтых глаз. Это была Миссис Норрис, скелетоподобная серая кошка, которую смотритель Аргус Филч использовал как своего заместителя в бесконечной битве с

учениками.

— Тебе лучше уйти отсюда, Гарри, — быстро сказал Ник. — Филч не в духе. Он подхватил грипп, а какие-то третьекурсники случайно размазали лягушачьи мозги по всему потолку в пятом подземелье; он всё утро наводил порядок, и если увидит, что с тебя повсюду накапала грязь…

— Ладно, — сказал Гарри, попятившись от обвиняющего взгляда Миссис Норрис, но всё же недостаточно быстро. Словно притянутый некоей таинственной силой, связывавшей его с глупой кошкой, справа от Гарри из-за полотна внезапно возник Аргус Филч, тяжело дыша и дико озираясь в поисках нарушителя. Вокруг его головы был обмотан толстый шерстяной шарф, а нос был необыкновенно сиреневым.

— Грязь! — завопил он, двигая челюстями, и, выкатив глаза, указал на грязную лужу, натёкшую с одежды Гарри. — Повсюду дерьмо и беспорядок! С меня хватит, говорю вам! Поттер, за мной!

Гарри мрачно помахал рукой Почти Безголовому Нику и последовал за Филчем обратно вниз по лестнице, удваивая число грязных следов на полу.

Гарри никогда ещё не был в кабинете у Филча;

это было место, которого избегало большинство учеников. Комната была грязной, без окон и освещалась единственной масляной лампой, свисавшей с низкого потолка. В воздухе витал слабый запах жареной рыбы. Вдоль стен стояли деревянные шкафы с выдвигающимися ящиками; по ярлыкам на них Гарри понял, что в них содержались подробности про каждого из учеников, когда-либо наказанных Филчем. Для Фреда и Джорджа Уизли был выделен особый ящик.

Позади стола Филча на стене висела коллекция до блеска начищенных цепей и кандалов. Все знали, что он постоянно упрашивал Дамблдора позволить ему подвешивать учеников за ноги к потолку.

Филч схватил из горшочка на столе перо и начал рыться в поисках пергамента.

— Помёт, — бормотал он со злостью, — драконьи сопли… лягушачьи мозги… крысиные кишки… с меня хватит… покажу пример… да где же протокол… ага…

Он достал из ящика стола большой свиток пергамента и, развернув его перед собой, обмакнул в чернильницу длинное черное перо.

— Имя… Гарри Поттер. Преступление…

— Но это же всего лишь немного грязи! — ска-

зал Гарри.

— Это для тебя немного грязи, мальчишка, а для меня это лишний час уборки! — заорал Филч, на конце распухшего носа которого качалась противная капля. — Преступление… загрязнение замка… предлагаемый приговор…

Утирая текущий нос, Филч недобро прищурился, глядя на Гарри, который, затаив дыхание, ждал вынесения приговора.

Но стоило Филчу опустить перо, как с потолка его кабинета донеслось оглушительное БА-БАХ! отчего задребезжала масляная лампа.

— ПИВЗ! — взревел Филч, бросая перо в порыве гнева. — На этот раз ты от меня не уйдешь, я до тебя доберусь!

И, даже не взглянув на Гарри, Филч бок о бок с Миссис Норрис вылетел из комнаты.

Пивз был школьным полтергейстом, вечно ухмыляющимся и очень опасным созданием, который жил лишь для того, чтобы сеять хаос и смятение. Пивз не очень нравился Гарри, но он не мог не почувствовать благодарности за эту отсрочку. Он надеялся, что то, что сотворил Пивз (а звук был такой, как будто на этот раз он сломал что-то действительно очень большое), сможет отвлечь Филча от Гарри.

Полагая, что ему, видимо, следует дождаться Филча, Гарри плюхнулся в изъеденное молью кресло возле стола. Кроме полузаполненного протокола, на столе была только одна вещь: большой глянцевый сиреневый конверт с серебристой надписью. Быстро взглянув на дверь, чтобы убедиться, что Филч ещё не возвращается, Гарри взял конверт и прочёл:

БЫСТРОМАГ
Заочное Обучение
Основам Магии

Заинтригованный Гарри раскрыл конверт и вытащил пачку листов пергамента. На первой странице серебряными чернилами с завитками было выведено:

Чувствуете, что отстали от мира современной магии? Ищите оправдания, чтобы не пользоваться простыми заклинаниями? Ваши неуклюжие действия с палочкой вызывают смех?

Выход есть!

Быстромаг — это совершенно новый, безотказный, быстрый и лёгкий курс обучения. Сотни волшебниц и волшебников

уже воспользовались методом Быстромаг!

Мадам З.Неттлс из Топшема пишет:

«Я не могла запомнить ни одного заклинания, а мои зелья были семейным посмешищем! Теперь же, когда я прошла курс Быстромаг, я стала центром внимания всех вечеринок, а мои подруги просят у меня рецепт моего Чарующего Зелья!»

Колдун Д.Дж. Прод из Дидсбери говорит:

«Раньше моя жена издевалась над моими бессильными заклятьями, но всего один месяц обучения по вашему сказочному методу Быстромаг — и я смог превратить её в яка! Спасибо тебе, «Быстромаг»!»

В изумлении Гарри пролистал остальное содержимое конверта. Зачем Филчу понадобился курс Быстромаг? Выходит, он плохой колдун? Гарри как раз читал «Урок Первый. Как держать палочку (несколько полезных советов)», когда шаркающие шаги снаружи оповестили его, что Филч возвращается. Он засунул пергамент обратно в конверт и бросил его на стол как раз в тот

момент, когда открылась дверь.

У Филча был вид победителя.

— Этому исчезающему шкафу цены нет! — радостно говорил он Миссис Норрис. — Уж на этот-то раз мы выставим Пивза отсюда, моя милочка.

В этот момент его взгляд упал на Гарри, а затем перескочил на конверт с Быстромагом, который, как Гарри слишком поздно понял, лежал на два фута в стороне от прежнего места.

Бледное лицо Филча стало кирпично-красным. Гарри приготовился к буре гнева. Филч нетвердой походкой подошёл к столу, схватил конверт и бросил его в ящик.

— Ты… ты это читал?.. — пробормотал он.

— Нет, — быстро соврал Гарри.

Филч обвил одну узловатую руку вокруг другой.

— Если бы я думал, что ты прочёл мою личную… ну, не то чтобы мою… для друга… пусть будет, как будет… хотя…

Гарри с тревогой смотрел на него; Филч никогда ещё не выглядел таким безумным. Его глаза чуть не вылезали из орбит, мешковатые щеки подёргивались в нервной дрожи, и даже шерстяной шарф не мог этого скрыть.

— Ну, хорошо… ступай… и чтоб ни слова… не то, чтобы… хотя, если ты не читал… ну же, ступай, мне нужно писать протокол на Пивза… иди…

Удивляясь своей удаче, Гарри вылетел из кабинета, пробежал по коридору и взлетел вверх по лестнице. Уйти из кабинета Филча, не будучи наказанным, пожалуй, тянуло на школьный рекорд.

— Гарри! Гарри! Сработало?

Почти Безголовый Ник выскользнул из класса. Позади него Гарри заметил обломки чёрного с золотом шкафа, который, по-видимому, упал с большой высоты.

— Я убедил Пивза грохнуть его прямо над кабинетом Филча, — с энтузиазмом сказал Ник. — Подумал, что это его отвлечет…

— Так это был ты? — благодарно сказал Гарри. — Да, сработало, я даже не получил наказания. Спасибо, Ник!

И они вместе пошли по коридору. Почти Безголовый Ник, как заметил Гарри, всё ещё держал письмо с отказом от сэра Патрика.

— Хотел бы я сделать что-нибудь, чтобы помочь тебе с Безголовой Охотой, — сказал Гарри.

Почти Безголовый Ник остановился, и Гарри пролетел прямо сквозь него. Он пожалел, что это

случилось — это было всё равно, что пройтись под ледяным душем.

— Но кое-что для меня ты сделать можешь, — возбужденно сказал Ник. — Гарри… не попрошу ли я о многом, если… но нет, ты не захочешь…

— Что такое? — сказал Гарри.

— Ну, на этот Хэллоуин приходится пятисотый день мой смерти, — начал Почти Безголовый Ник, подтягиваясь и принимая торжественный вид.

— О, — сказал Гарри, не будучи уверенным, должен он печалиться или радоваться по этому поводу. — Ладно.

— Я устраиваю вечеринку в одном из подземелий попросторнее. Ко мне слетятся друзья со всей страны. Для меня было бы очень большой честью, если бы и ты зашёл. Мистеру Уизли и мисс Грэйнджер я тоже буду рад, конечно… или вы с большим удовольствием отправитесь на школьный праздник? — он выжидающе посмотрел на Гарри.

— Нет, — быстро ответил Гарри. — Я приду…

— Ах, мой мальчик! Гарри Поттер на Годовщине Моей Смерти! И ещё, — он немного поколебался, волнуясь, — не мог бы ты поделиться с сэром Патриком тем, насколько пугающим и впечатляющим я тебе кажусь?

— Ко… конечно, — сказал Гарри.

Почти Безголовый Ник расплылся в улыбке.

* * *

— Вечеринка по случаю дня смерти? — с интересом переспросила Гермиона, когда Гарри, наконец, переоделся и присоединился к ней и Рону в гостиной. — Готова поспорить, не много найдется живых, кто сможет сказать, что побывал на таком празднике — это будет замечательно!

— Зачем отмечать день, в который умер? — заметил Рон, который наполовину выполнил домашнее задание по Зельеварению и явно был не в духе. — По мне, так это смертельно мрачно…

Дождь всё ещё хлестал по окнам, ставшим чернильно-чёрными, но внутри было ярко и радостно. Огонь в камине отбрасывал блики на бесчисленные мягкие кресла, в которых ученики читали, беседовали, делали домашние задания или, как в данный момент Фред и Джордж Уизли, пытались выяснить, что получится, если скормить саламандре фейерверк Флибустьера. Фред «спас» оранжевую, живущую в огне ящерицу с урока по Уходу за Волшебными Созданиями, и теперь она мягко тлела на столе, окружённая любопытной толпой.

Гарри как раз собирался рассказать Рону и Гермионе о Филче и курсе Быстромаг, когда саламандра со свистом внезапно взлетела в воздух и, исторгая искры и громкие хлопки, заметалась по комнате. Образ Перси, до хрипоты орущего на Фреда и Джорджа, зрелищный сноп оранжевых искр, рассыпающийся у саламандры изо рта, её побег в камин с последовавшей оттуда серией взрывов, выбили у Гарри из головы и Филча, и конверт от Быстромага.

* * *

К моменту наступления Хэллоуина Гарри уже пожалел о своём поспешном обещании пойти на Годовщину Смерти. Все остальные в школе с удовольствием предвкушали пир по случаю Хэллоуина; Большой Зал был, как всегда, украшен живыми летучими мышами, из здоровенных тыкв Хагрида вырезали фонари такого размера, что в каждом могли уместиться трое мужчин, а ещё ходили слухи, что в качестве культурной программы Дамблдор пригласил труппу танцующих скелетов.

— Обещание есть обещание, — напомнила Гермиона начальственным тоном. — Ты же сказал, что пойдёшь на вечеринку.

Итак, в семь часов вечера Гарри, Рон и Гермиона прошли мимо дверей в Большой Зал, который был полон народа и завлекающе поблёскивал золотыми блюдами и свечами, и вместо него направились к подземельям.

Проход, ведущий на вечеринку Почти Безголового Ника, тоже был украшен свечами, но впечатление он производил далеко не радостное: это были длинные, тонкие, абсолютно чёрные свечки, горевшие ярко-синим пламенем, отбрасывая туманный, призрачный отблеск даже на их живые лица. Температура падала с каждым шагом. Гарри поёжился, плотнее запахнул мантию, и в тот же момент услышал звук, похожий на то, как если бы тысяча ногтей скребла по огромной классной доске.

— Это музыка, что ли? — прошептал Рон. Они зашли за угол и увидели Почти Безголового Ника, стоявшего в двери, занавешенной чёрными бархатными портьерами.

— Дорогие мои друзья, — скорбно произнес он, — добро пожаловать, добро пожаловать… так рад, что вы смогли прийти…

Он сорвал шляпу с плюмажем и с поклоном пригласил их войти.

Это было невероятное зрелище. Подземелье

было заполнено сотнями жемчужно-белых прозрачных людей, в основном кружащихся над заполненной танцплощадкой, вальсируя под ужасный дребезжащий звук, издаваемый тремя десятками музыкальных пил, на которых играл оркестр, разместившийся на задрапированном чёрным возвышении. Над их головами сияла голубым светом люстра с ещё одной тысячей чёрных свечей. Их дыхание превращалось в пар; они словно очутились в морозилке.

— Может, осмотримся? — предложил Гарри, мечтая согреть ноги.

— Осторожно, не пройдите сквозь кого-нибудь, — нервно сказал Рон, и они двинулись вдоль края танцплощадки. Они прошли мимо угрюмых монахинь, оборванца в цепях и Толстого Монаха, весёлого привидения Хаффлпаффа, беседовавшего с рыцарем с торчавшей изо лба стрелой. Гарри не удивился, увидев, что все остальные призраки широко расступаются перед Кровавым Бароном — худым, покрытым серебристыми пятнами крови призраком Слизерина с пристальным взглядом.

— О, нет — воскликнула Гермиона, внезапно останавливаясь. — Пошли обратно, обратно, я не хочу разговаривать с Плаксой Миртл…

— С кем? — переспросил Гарри, когда они быстро двинулись в противоположную сторону.

— Она живёт в одной из кабинок в женском туалете на первом этаже, — сказала Гермиона.

— Живёт в туалете?

— Да. Он не работал весь год, потому что с ней постоянно случаются истерики, и она всё затапливает. Я старалась не появляться там без крайней необходимости, это ужасно — пытаться пописать, когда она воет на тебя…

— Смотрите, еда! — сказал Рон.

На другом конце подземелья стоял длинный стол, также покрытый чёрным бархатом. Они с нетерпением подошли к нему, но тут же застыли от ужаса. Запах был отвратительный. На изящных серебряных блюдах были разложены большие гнилые рыбины; пироги, сгоревшие дотла, лежали на подносах; ещё там были большой червивый рубец, горбушка сыра, покрытая густой зелёной плесенью и, как гордость стола, возвышался огромный серый торт в форме надгробия, на котором кусочками дёгтя были выложены слова:

Сэр Николас де Мимзи-Порпингтон
умер 31 октября 1492 года

Гарри изумлённо наблюдал, как один дородный

призрак приблизился к столу, низко наклонился, широко раскрыл рот и прошёл сквозь одного из вонючих лососей.

— Вы можете его попробовать, когда проходите сквозь него? — спросил у него Гарри.

— Почти, — печально ответил призрак и полетел прочь.

— Я думаю, они специально дают всему этому сгнить, чтобы получился запах посильнее, — со знанием дела сказала Гермиона, зажимая нос и нагибаясь, чтобы разглядеть сгнивший рубец.

— Может, пойдём? Меня тошнит, — сказал Рон.

Однако, едва они повернулись, как из-под стола неожиданно вынырнул маленький человечек и повис перед ними.

— Привет, Пивз, — осторожно сказал Гарри.

В отличие от окружавших их привидений, полтергейст Пивз был прямой противоположностью бледности и прозрачности. На нём был ярко-оранжевый праздничный колпак, вращающийся галстук-бабочка, а на его круглом хитром лице сияла широкая ухмылка.

— Закусочки? — любезно сказал он, протягивая миску с покрытым плесенью арахисом.

— Нет, спасибо, — ответила Гермиона.

— Я слышал, как вы говорили о бедной Миртл, —

сказал Пивз, стреляя глазками. — До чего же грубо вы отозвались о бедной Миртл, — он глубоко вдохнул и завопил, — ЭЙ, МИРТЛ!

— О нет, Пивз, не передавай ей, что я сказала, она сильно расстроится, — отчаянно зашептала Гермиона. — Я не хотела, я против неё не… ээ, привет, Миртл.

К ним подплыл тучный призрак девочки. У неё было самое мрачное лицо из всех, какие только видел Гарри, оно было наполовину скрыто за висящими волосами и толстыми перламутровыми очками.

— Чего? — угрюмо бросила она.

— Как поживаешь, Миртл? — спросила Гермиона нарочито бодрым голосом. — Приятно увидеть тебя не в туалете.

Миртл шмыгнула носом.

— Мисс Грэйнджер только что о тебе говорила… — хитро сказал Пивз в ухо Миртл.

— Я просто сказала… сказала… как хорошо ты сегодня выглядишь, — сказала Гермиона, со злостью глядя на Пивза.

Миртл подозрительно оглядела Гермиону с ног до головы.

— Ты смеёшься надо мной, — сказала она, и серебряные слезы струйками потекли из её ма-

леньких прозрачных глазок.

— Нет… правда… ведь правда, я говорила, как прекрасно выглядит Миртл? — спросила Гермиона, больно пихнув Гарри и Рона под ребра.

— О, да…

— Так и сказала…

— Не лгите мне, — ахнула Миртл, теперь слёзы лились по её лицу, в то время как Пивз счастливо ухмылялся у неё за плечом. — Вы думаете, я не знаю, как люди обзывают меня за спиной? Толстуха Миртл! Уродина Миртл! Ничтожная, стонущая, угрюмая Миртл!

— Ты забыла про «прыщавую», — зашипел ей в ухо Пивз.

Плакса Миртл разразилась страдальческими рыданиями и вылетела из подземелья. Пивз ринулся за ней, кидая в неё заплесневелым арахисом и крича: «Прыщавая! Прыщавая!»

— О, боже, — печально сказала Гермиона.

Сквозь толпу к ним плыл Почти Безголовый Ник.

— Веселитесь?

— О, да, — соврали они.

— Неплохо получилось, — гордо сообщил Почти Безголовый Ник. — Вопящая Вдова прибыла аж из самого Кента… Уже почти подошло время моей

речи, я лучше пойду и предупрежу оркестр…

Однако в ту же самую минуту оркестр прекратил играть. Они, как и все в подземелье, замолчали, взволнованно озираясь, как вдруг протрубил охотничий горн.

— Ну вот… началось, — с досадой произнёс Почти Безголовый Ник.

Сквозь стену подземелья влетела дюжина призрачных лошадей, на каждой восседал безголовый всадник. Общество бешено зааплодировало; Гарри тоже начал было аплодировать, но остановился, взглянув на лицо Ника.

Лошади проскакали в середину танцплощадки и остановились, то пятясь, то выступая вперед. Впереди всех был большой призрак, державший свою бородатую голову подмышкой, откуда она и дула в горн. Призрак спешился, поднял свою голову высоко в воздух, чтобы обозреть всю толпу (все расхохотались), подошел к Почти Безголовому Нику, приделывая голову обратно к шее.

— Ник! — взревел он. — Как поживаешь? Голова ещё на плечах?

Он грубо расхохотался и похлопал Почти Безголового Ника по плечу.

— Добро пожаловать, Патрик, — сдержанно поприветствовал его Ник.

— Живые! — вскрикнул сэр Патрик, заметив Гарри, Рона и Гермиону, подпрыгнув от притворного удивления, отчего голова его снова свалилась с плеч (толпа зашлась хохотом).

— Очень смешно, — мрачно заметил Почти Безголовый Ник.

— Не обращайте внимания на Ника! — прокричала голова сэра Патрика с пола. — Всё дуется, что мы не позволяем ему присоединиться к охоте! Но я хочу сказать… вы только поглядите на этого парня…

— Мне кажется, — торопливо произнёс Гарри под намекающим взглядом Ника, — что Ник очень ужасающий и… э…

— Ха! — воскликнула голова сэра Патрика. — Готов поспорить, что это он просил тебя это сказать.

— А теперь, если все согласны уделить мне внимание, подошло время для моей речи! — громко сказал Почти Безголовый Ник, направляясь к подиуму и взбираясь в морозно-голубой свет прожектора.

— Мои покойные лорды, леди и джентльмены, с глубоким прискорбием я…

Но его никто больше не слушал. Сэр Патрик и прочие члены Безголовой Охоты устроили игру

в Хоккей-с-Головой, и толпа повернулась к ним. Почти Безголовый Ник предпринял несколько слабых попыток снова завладеть вниманием аудитории, но сдался, когда мимо него под громкие одобрительные крики пролетела голова Сэра Патрика.

Гарри уже было очень холодно, не говоря уже о голоде.

— Не могу это больше выносить, — пробормотал Рон, стуча зубами, когда снова заскрипел оркестр, и призраки потянулись на танцплощадку.

— Пошли, — согласился Гарри.

Они попятились к двери, кивая и улыбаясь всем, кто бы на них ни посмотрел, и через минуту уже торопливо шли по проходу, полному чёрных свечей.

— Может, десерт ещё остался, — с надеждой произнёс Рон, направляясь к вестибюлю.

И тут Гарри услышал это.

— ... разорвать... разодрать... убить...

Это был тот же голос, тот же ледяной, убийственный голос, который он слышал в кабинете Локхарта.

Он застыл на месте, вцепился в каменную стену, изо всех сил вслушиваясь, оглядываясь,

всматриваясь в оба конца туманного прохода.

— Гарри, что ты…?

— Снова этот голос… помолчите немного…

— … так голоден… так долго…

— Слушайте! — настойчиво прошептал Гарри, и Рон с Гермионой застыли, глядя на него.

— … убить… время убить…

Голос становился слабее. Гарри был уверен, что он отдаляется… движется вверх. Его охватила смесь страха и волнения, он взглянул на тёмный потолок; как оно может двигаться вверх? Был ли это призрак, для которого каменные потолки не играли никакой роли?

— Сюда, — крикнул он, и они побежали вверх по лестницам в вестибюль. Здесь уже нельзя было и надеяться что-нибудь услышать — из Большого Зала доносился гул голосов. Гарри взбежал по мраморной лестнице на второй этаж, Рон и Гермиона топали сзади.

— Гарри, что мы…

— Ш-Ш-Ш!

Гарри напряг слух. Вдалеке, с верхнего этажа до него донесся всё слабеющий голос: «…чую кровь… ЧУЮ КРОВЬ!»

Его желудок сжался.

— Оно собирается кого-то убить! — крикнул он,

и, не глядя на изумленные лица Рона и Гермионы, побежал наверх, прыгая через две ступеньки, пытаясь прислушиваться сквозь шум собственных шагов.

Гарри обежал весь второй этаж, Рон и Гермиона пыхтели сзади, но он не останавливался, пока они не повернули за угол в последний заброшенный проход.

— Гарри, что это было? — спросил Рон, утирая с лица пот. — Я ничего не слышал…

Но внезапно Гермиона ахнула, указав вдоль коридора.

— Смотрите!

На стене впереди что-то блестело. Они медленно подошли, вглядываясь в темноту. Полуметровыми буквами в простенке между двумя окнами были написаны слова, они мерцали при свете, отбрасываемом пылающими факелами.

ТАЙНАЯ КОМНАТА ОТКРЫТА.

ВРАГИ НАСЛЕДНИКА, БЕРЕГИТЕСЬ.

— Что это за штука… висит внизу? — спросил Рон с лёгкой дрожью в голосе.

Когда они подошли поближе, Гарри едва не поскользнулся — на полу была большая лужа воды. Рон и Гермиона подхватили его и потихоньку подобрались к надписи, всматриваясь в тёмную

тень под ней. Все трое одновременно поняли, что это такое, и с плеском отпрыгнули.

Миссис Норрис — кошка смотрителя — свисала на хвосте с факельного рожка. Она была твёрдая, как доска, глаза её были широко открыты и пялились вперёд.

Несколько секунд они не двигались. Затем Рон сказал:

— Давайте отсюда убираться.

— Может, нам помочь… — неловко начал Гарри.

— Поверь мне, — сказал Рон, — лучше, чтобы нас тут не обнаружили.

Но было слишком поздно. Шум, походивший на отдаленный гром, подсказал им, что ужин только что закончился. С обеих сторон коридора донёсся звук сотен ног, идущих вверх по лестнице, и громкий довольный говор хорошо поевших людей; в следующий момент в коридор с двух сторон повалили ученики.

Болтовня, суета, шум внезапно стихли, когда те, кто шёл впереди, заметили висящую кошку. Гарри, Рон и Гермиона стояли одни в середине коридора, когда молчание нависло над толпой учеников, пробиравшихся вперед, чтобы увидеть ужасное зрелище.

В этот момент кто-то крикнул, разрывая тишину:

— Враги наследника, берегитесь! Вы следующие, грязнокровки!

Это был Драко Малфой. Он протиснулся вперед, его холодные глазки бегали, его обычно бескровное лицо раскраснелось при виде подвешенной неподвижной кошки.

09. Надпись на стене

— Что здесь происходит? Что происходит?

Привлечённый, без сомнения, криком Малфоя, Аргус Филч прокладывал себе дорогу сквозь толпу. А затем он увидел Миссис Норрис и отпрянул, схватившись от ужаса за лицо.

— Моя кошка! Моя кошка! Что случилось с Миссис Норрис? — закричал он.

И тут взгляд его глаз навыкате упал на Гарри.

— Ты! — завопил он. — Ты! Ты убил мою кошку! Ты убил её! Я убью тебя! Я…

— Аргус!

На месте происшествия появился Дамблдор, сопровождаемый группой учителей. Он немедленно прошёл мимо Гарри, Рона и Гермионы и снял Миссис Норрис с подставки для факела.

— Пойдемте со мной, Аргус, — сказал он Филчу. — И вы, мистер Поттер, мистер Уизли и мисс Грэйнджер.

Локхарт решительно вышел вперед.

— Мой кабинет ближе всех, директор… прямо наверху… прошу вас, не стесняйтесь…

— Спасибо, Гилдерой, — сказал Дамблдор.

Толпа разделилась надвое, пропуская их. Локхарт, явно чувствуя себя важным, радостно поспешил за Дамблдором; то же сделали профессор МакГонагалл и Снейп.

Когда они вошли в тёмный кабинет Локхарта, вдоль стен началось движение; Гарри увидел, как несколько Локхартов на фотографиях скрылись из виду, потому что в волосах у них были бигуди. Настоящий Локхарт, тем временем, зажёг лампу на столе и отступил назад. Дамблдор положил Миссис Норрис на полированную поверхность стола и приступил к её обследованию. Гарри, Рон и Гермиона, обменявшись напряжёнными взглядами, присели на стулья вдали от света и стали наблюдать.

Кончик длинного кривого носа Дамблдора находился едва ли в дюйме от шерсти Миссис Норрис. Он внимательно смотрел на неё сквозь очки-полумесяцы, а его длинные пальцы осторожно ощупывали кошку. Профессор МакГонагалл наклонилась совсем низко над столом, глаза её сузились. Снейп стоял позади них, наполовину скрытый в тени, а на лице у него было странное выражение: казалось, ему едва удаётся сдерживать улыбку. Локхарт же сновал вокруг и вносил разнообразные предложения.

— Её определённо убило проклятие… возможно, Трансмогрифианская Пытка. Я столько раз видел, как ей пользовались, так жаль, что меня не было рядом, я знаю то самое контрзаклятие, которое спасло бы её…

Комментарии Локхарта прерывались сухими всхлипываниями Филча. Он сидел на стуле около стола, не в силах смотреть на Миссис Норрис, и закрыл руками лицо. Как бы ни был ненавистен ему Филч, Гарри не мог не испытывать к нему лёгкого чувства жалости, хотя не так сильно, как ему было жалко самого себя. Если Дамблдор поверит Филчу, Гарри наверняка исключат.

Теперь Дамблдор бормотал странные слова и касался Миссис Норрис своей волшебной палочкой, но ничего не происходило — она продолжала выглядеть, как чучело кошки.

— …я помню очень похожий случай в Уагаду-гу, — сказал Локхарт, — серия нападений, вся история — в моей автобиографии. Тогда я снабдил всё население города амулетами, которые раз и навсегда покончили с этим…

Фотографии Локхарта на стенах дружно кивали, пока он говорил. На голове у одной из них всё ещё была сеточка для волос.

Наконец, Дамблдор выпрямился.

— Она не умерла, Аргус, — мягко сказал он.

Локхарт тотчас же прекратил подсчитывать количество предотвращённых им убийств.

— Не умерла? — прохрипел Филч, сквозь пальцы глядя на Миссис Норрис. — Но почему же она такая… такая неподвижная и холодная?

— Её превратили в камень, — сказал Дамблдор. («Ага! Я так и думал!» — сказал Локхарт.) — Но я не могу сказать, как…

— Его спросите! — крикнул Филч, обращая свое опухшее заплаканное лицо в сторону Гарри.

— Второкурсник сделать такое не мог, — сказал Дамблдор. — Для этого требуется владеть Тёмной магией на самом высоком…

— Он сделал, он сделал это! — выпалил Филч, и его лицо побагровело. — Вы же видели, что он написал на стене! Он нашёл… в моем кабинете… он знает, что я… я… — лицо Филча отвратительно дёргалось. — Он знает, что я — Сквиб! — закончил он.

— Я никогда не притрагивался к Миссис Норрис! — громко сказал Гарри, чувствуя себя явно не в своей тарелке под взглядами людей в комнате и фотографий Локхарта на стенах. — И я даже не знаю, что такое Сквиб.

— Враньё! — крикнул Филч. — Он видел моё

письмо с Быстромагом!

— Если мне позволено будет сказать, директор, — сказал из тени Снейп, и Гарри сильнее почувствовал, что грядёт неизбежность; он был уверен — что бы ни произнёс Снейп, это будет не в его пользу.

— Поттер и его друзья могли просто оказаться не в том месте не в то время, — сказал он, немного ухмыльнувшись, как будто сам сомневался в своих словах, — но у нас есть ряд подозрительных обстоятельств. Почему они вообще были в коридоре наверху? Почему они не были на праздновании Хэллоуина?

Гарри, Рон и Гермиона пустились в объяснения по поводу вечеринки по случаю дня смерти: «…там были сотни привидений, они могут подтвердить, что мы были там…»

— Но почему бы не присоединиться к празднованию потом? — спросил Снейп, и его чёрные глаза заблестели в свете свечей. — Зачем вам понадобилось пойти наверх, в этот коридор?»

Рон и Гермиона посмотрели на Гарри.

— Потому что… потому что… — сказал Гарри, у которого бешено колотилось сердце. Что-то подсказывало ему, что покажется чересчур неестественным, если он скажет, что в кори-

дор его привёл бесплотный голос, который мог слышать только он. — Потому что мы устали и хотели отправиться спать, — сказал он.

— Без ужина? — спросил Снейп, и торжествующая улыбка заиграла на его мрачном лице. — Мне казалось, привидения на своих вечеринках не подают еду для живых.

— Мы не были голодны, — громко сказал Рон, а его желудок издал при этом громкое урчание.

Мерзкая улыбка Снейпа стала шире.

— Мне кажется, директор, что Поттер не совсем правдив, — сказал он. — Я думаю, его стоит лишить некоторых привилегий, пока он не расскажет нам, как всё было. Думаю, лучше всего будет исключить его из гриффиндорской команды по Квиддитчу, пока он не будет готов говорить честно.

— Но Северус, — отрезала профессор МакГонагалл, — я не вижу причины запрещать мальчику играть в Квиддитч. Эту кошку не метлой же по голове ударили. Нет никаких улик, указывающих на то, что Поттер сделал что-то плохое.

Дамблдор внимательно посмотрел на Гарри. Из-за пристального взгляда его голубых глаз Гарри почувствовал себя так, будто его просвечивали рентгеновскими лучами.

— Презумпция невиновности, Северус, — отрезал он.

Снейп выглядел разъярённым. Филч — тоже.

— Мою кошку превратили в камень! — завизжал он, выпучив глаза. — Должен же кто-то понести наказание!

— Мы сможем её вылечить, Аргус, — спокойно сказал Дамблдор. — Профессору Спраут недавно удалось раздобыть несколько Мандрагор. Как только они полностью подрастут, я попрошу приготовить лекарство, которое вылечит Миссис Норрис.

— Я сделаю его, — встрял Локхарт. — Я делал это не меньше сотни раз, я смогу приготовить Восстанавливающий Глоток Мандрагоры даже во сне…

— Простите, — ледяным голосом произнес Снейп. — Но мне казалось, что я в этой школе преподаю Зельеварение.

Повисло неловкое молчание.

— Вы можете идти, — сказал Дамблдор Гарри, Рону и Гермионе.

Они пошли так быстро, как только смогли, стараясь не переходить на бег. Поднявшись этажом выше кабинета Локхарта, они свернули в пустой класс и тихонько прикрыли за собой дверь. Гарри

поморщился, когда увидел помрачневшие лица друзей.

— По-вашему, я должен был рассказать им о голосе, который я слышал?

— Нет, — без колебаний ответил Рон. — Когда начинаешь слышать голоса, которые больше никому не слышны — это не хороший признак, даже в колдовском мире.

Что-то в голосе Рона заставило Гарри спросить:

— Но ты-то мне веришь?

— Конечно, верю, — быстро ответил Рон. — Но… ты должен признать, что это странно…

— Я знаю, что это странно, — сказал Гарри. — Всё это странно. Что значила та надпись на стене? Комната открыта… Что бы это значило?

— Кое о чём это напоминает, — медленно произнёс Рон. — Кажется, кто-то рассказывал мне о потайной комнате в Хогвартсе… наверное, Билл…

— И что это такое — Сквиб? — спросил Гарри.

К его удивлению, Рон подавил смешок.

— Ну… вообще-то, это не смешно… но раз уж речь о Филче… — сказал он. — Сквиб — это тот, кто родился в семье волшебников, но не наделён никакими магическими способностями. Такая противоположность магу, рождённому в семье

магглов, но Сквибы — это редкость. Если Филч пытается выучиться магии по курсу Быстромага, он наверняка Сквиб. Это многое бы объяснило. Например, почему он так ненавидит учеников, — на губах Рона заиграла довольная улыбка. — Он сильно мучается.

Где-то пробили часы.

— Полночь, — сказал Гарри. — Лучше нам пойти спать, пока не пришёл Снейп и не обвинил нас ещё в чём-нибудь.

* * *

Несколько дней единственной темой разговоров в школе было нападение на Миссис Норрис. Филч старался, чтобы все помнили о нём, постоянно патрулируя то место, где на неё напали, будто ему казалось, что преступник может вернуться. Гарри видел, как он пытался соскоблить надпись со стены с помощью «Универсального Магического Очистителя миссис Скауэр», но всё напрасно — слова сияли на каменной стене всё так же ярко. Когда Филч не караулил место преступления, он рыскал по коридорам, цепляясь к ничего не подозревавшим ученикам и пытаясь наказать их за то, что они «громко дышат» или «выглядят счастливыми».

Джинни Уизли была весьма озабочена судьбой Миссис Норрис. По словам Рона, она очень любила кошек.

— Но ты же даже не успела узнать Миссис Норрис, — уговаривал её Рон. — Честно говоря, без неё нам гораздо лучше. — Губа Джинни задрожала. — Вообще-то, подобные вещи в Хогвартсе случаются нечасто, — заверил её Рон. — Они поймают психа, который это сделал, и вышвырнут его отсюда без промедления. Надеюсь только, у него найдётся время превратить в камень Филча, прежде чем его исключат. Да я же просто шучу… — поспешно добавил Рон, так как Джинни начала бледнеть.

Это нападение повлияло и на Гермиону. То, что Гермиона много времени проводила за чтением было обычным делом, но теперь она просто не делала ничего другого. Ни Гарри, ни Рон не смогли добиться от неё ответа, когда спросили, что она затевает, и так и не узнали этого до следующей среды.

Гарри задержали на уроке Зельеварения, где Снейп оставил его и заставил соскабливать с парт червей. Впопыхах пообедав, он поднялся наверх, чтобы встретиться с Роном в библиотеке, и увидел, что навстречу ему идёт Джастин Финч-

Флетчли, мальчик из Хаффлпаффа, который был с ними на уроке Гербологии. Лишь только Гарри открыл рот, чтобы поздороваться, как Джастин, увидев его, резко развернулся и поспешил в другую сторону.

Гарри нашёл Рона в дальнем конце библиотеки. Рон измерял свою домашнюю работу по Истории Магии. Профессор Биннс задал написать сочинение длиной в три фута на тему «Средневековое собрание волшебников Европы».

— Глазам не верю, ещё восьми дюймов не хватает… — со злостью проговорил Рон, отпуская свой пергамент, который снова свернулся в рулон, — а у Гермионы вышло четыре фута семь дюймов, притом, что почерк у неё мелкий.

— А где она? — спросил Гарри, хватая сантиметр и разворачивая собственную работу.

— Где-то там, — ответил Рон, указывая вдоль книжных полок, — выискивает очередную книгу. По-моему, она пытается прочитать всю библиотеку до Рождества.

Гарри рассказал Рону, как от него убежал Джастин Финч-Флетчли.

— Не понимаю, чего ты беспокоишься, по мне так он идиота кусок, — сказал Рон, стараясь писать огромными буквами. — С его чепухой о том,

какой Локхарт великий…

Из-за шкафов появилась Гермиона. Она выглядела недовольной и, похоже, наконец-то была готова с ними поговорить.

— Все экземпляры «Хогвартс: История» разобраны, — сказала она, усаживаясь рядом с Гарри и Роном. — И лист ожидания на две недели вперёд. Жаль, что мне пришлось оставить свою книгу дома, но она не влезала в мой чемодан с книгами Локхарта.

— А зачем она тебе? — спросил Гарри.

— Затем же, зачем и другим, — ответила Гермиона, — чтобы прочесть легенду о Тайной Комнате.

— А что это? — быстро спросил Гарри.

— Да всё. Я не могу вспомнить, — сказала Гермиона, закусывая губу. — И нигде не могу её найти…

— Гермиона, дай прочитать твоё сочинение, — в отчаянии попросил Рон, посматривая на часы.

— Нет, не дам, — сказала Гермиона, внезапно посуровев. — У тебя было десять дней, чтобы написать своё.

— Мне нужно только два дюйма, ну дай…

Прозвенел звонок. Рон и Гермиона, переругиваясь, направились на Историю Магии.

История Магии была самым скучным предметом в расписании. Профессор Биннс, который её вёл, был их единственным преподавателем-призраком, и самым интересным событием на его уроках было его появление в классе сквозь школьную доску. Он был старым и дряхлым, и некоторые поговаривали, что он так и не заметил, что умер. В один прекрасный день, проснувшись и отправившись на занятия, он просто забыл своё тело в кресле перед камином в учительской. С тех пор каждый его день был похож на предыдущий.

Сегодня было так же скучно, как и всегда. Профессор Биннс открыл свои заметки и принялся монотонно жужжать, как старый пылесос, пока почти весь класс не впал в состояние оцепенения, иногда просыпаясь, чтобы записать какое-нибудь имя или дату и снова заснуть. Биннс бубнил уже полчаса, когда произошло кое-то, чего раньше никогда не случалось. Гермиона подняла руку.

Подняв глаза посреди смертельно скучной лекции о Международной Конвенции Колдунов 1289 года, профессор Биннс явно удивился.

— Мисс… э…

— Грэйнджер, профессор. Мне просто интересно, не могли бы вы рассказать нам что-нибудь о Тайной Комнате, — звонким голосом сказала

Гермиона.

Дин Томас, сидевший с открытым ртом, глазея в окно, вздрогнул, словно выйдя из транса. Лаванда Браун мгновенно подняла голову с рук, а локоть Невилла соскользнул со стола.

Профессор Биннс моргнул.

— Мой предмет называется История Магии, — сказал он своим сухим скрипучим голосом. — Я работаю с фактами, мисс Грэйнджер, а не с мифами и легендами. — Он коротко прокашлялся с таким звуком, будто кто-то сломал кусочек мела, и продолжил. — В сентябре того же года подкомитет сардинских волшебников…

Он резко остановился. Гермиона снова размахивала рукой в воздухе.

— Мисс Грант?

— Пожалуйста, сэр, разве в основе легенд не лежат реальные факты?

Профессор Биннс так удивлённо смотрел на неё, что Гарри был уверен в том, что раньше никто из учеников не перебивал его, живого или мёртвого.

— Что ж, — медленно произнёс профессор Биннс, — да, пожалуй, это и можно утверждать. — Он уставился на Гермиону так, словно раньше никогда как следует не разглядывал ученика. —

Вообще-то легенда, о которой вы говорите, это просто красивая и нелепая сказка…

Но теперь весь класс ловил каждое слово профессора Биннса. Он мрачно взглянул на них, и все лица повернулись в его сторону. Гарри был уверен, что Биннс был просто сражён таким необыкновенным вниманием.

— Ну ладно, — медленно сказал он. — Дайте-ка подумать… Тайная Комната… Все вы, конечно, знаете, что Хогвартс был основан тысячу лет тому назад — точная дата неизвестна — четырьмя великими магами и волшебницами того времени. Четыре Дома названы в их честь: Годрик Гриффиндор, Хельга Хаффлпафф, Ровена Рэйвенкло и Салазар Слизерин. Вместе они построили этот замок вдали от любопытных глаз магглов, потому что в то время обычные люди боялись магии и преследовали ведьм и волшебников.

Он сделал паузу, оглядел класс и продолжил.

— Несколько лет основатели Хогвартса дружно работали вместе, разыскивали детей, проявлявших магические способности, и приводили их в замок для обучения. Но затем между ними возникли разногласия. Между Слизерином и остальными начал разгораться конфликт. Слизерин желал, чтобы отбор студентов для обучения в

Хогвартсе был более тщательным. Он считал, что магические знания должны храниться лишь в полностью волшебных семьях. Он был против того, чтобы брать на обучение детей из маггловских семей, так как считал их недостойными доверия. Спустя некоторое время из-за этого Гриффиндор и Слизерин серьёзно повздорили, и Слизерин покинул школу.

Профессор Биннс снова сделал паузу и сложил губы бантиком, став похожим на старую морщинистую черепаху.

— Вот и всё, что говорят нам достоверные исторические источники, — сказал он, — но все эти достоверные исторические факты затмила причудливая легенда о Тайной Комнате. Эта легенда гласит, что Слизерин построил в замке секретную комнату, о которой ничего не знали остальные основатели. Согласно легенде, Слизерин запечатал её так, чтобы никто не мог туда проникнуть, пока в школе не появится его истинный наследник. Только наследник сможет зайти в Тайную Комнату и выпустить ужас, таящийся внутри, а затем очистить Хогвартс от всех недостойных обучения магии.

Когда он закончил говорить, в комнате повисла тишина. Но это была не та сонная тишина,

обычно заполнявшая класс профессора Биннса. В воздухе витало напряжение, все продолжали смотреть на него, надеясь услышать ещё что-то. Профессору Биннсу это всё явно надоело.

— Всё это, конечно, полная ерунда, — сказал он. — Естественно, школа обыскана на предмет наличия подобной комнаты много раз самыми опытными магами и волшебницами. Она не существует. Очередная страшилка.

Рука Гермионы снова взметнулась вверх.

— Сэр… а что конкретно вы имели в виду, говоря об «ужасе», таящемся внутри Комнаты?

— Говорят, это какое-то чудовище, подчинить которое может только истинный наследник Слизерина, — сказал профессор Биннс своим сухим и скрипучим голосом.

Ребята обменялись встревоженными взглядами.

— Говорю вам, её не существует, — сказал профессор Биннс, шелестя заметками. — Нет никакой Комнаты и нет никакого чудовища.

— Но, сэр, — сказал Шэймус Финниган, — если Комната откроется только истинному наследнику Слизерина, никто другой найти её просто не сможет, так?

— Ерунда, О'Флэрти, — рассердился профессор

Биннс. — Если уж длинная череда директоров и директрис Хогвартса не могла её найти…

— Но, профессор, — прервала его Парвати Патил, — наверное, нужно воспользоваться Чёрной Магией, чтобы открыть её…

— То, что маг не использует Чёрную Магию, вовсе не значит, что он не может, мисс Пеннифэзер, — бросил профессор Биннс. — Повторяю, если уж такие, как Дамблдор…

— Но, возможно, нужно быть родственником Слизерина, так что Дамблдор не мог… — начал Дин Томас, но с профессора Биннса уже было достаточно.

— Хватит, — отрезал он. — Это миф! Её не существует! Нет даже малюсенького доказательства того, что Слизерин построил хотя бы тайный чулан! Я сожалею, что рассказал вам такую дурацкую историю! А сейчас, с вашего позволения, мы вернёмся к истории, к серьёзным, достоверным, доказанным фактам!

И уже через пять минут класс впал в обычное оцепенение.

* * *

— Я всегда знал, что Салазар Слизерин был старым больным психом, — сказал Рон Гарри и

Гермионе, когда после урока они пробирались сквозь толпу в коридоре, чтобы оставить сумки до ужина. — Но я никогда не думал, что именно он заварил всю эту кашу с чистокровностью. Я бы не пошёл в его Дом, даже если бы мне заплатили. Честно, если бы Распределяющая Шляпа попыталась отправить меня в Слизерин, я бы тотчас же сел на поезд и уехал домой…

Гермиона кивнула в знак согласия, но Гарри ничего не ответил. У него неприятно скрутило живот.

Гарри никогда не рассказывал Рону и Гермионе, что Распределяющая Шляпа всерьёз намеревалась отправить его в Слизерин. Он помнил всё, словно это произошло не в прошлом году, а вчера: тоненький голосок, зашептавший ему в ухо, когда он год назад надел на голову Шляпу.

— «…ты мог бы стать великим. Это всё здесь, в твоей голове, и Слизерин поможет тебе на пути к величию, без сомнения…»

Но Гарри, который к тому времени был уже наслышан о репутации Слизерина, и о том, что большинство тёмных волшебников были его выпускниками, в отчаянии подумал: «Не в Слизерин!», а Шляпа сказала: «Что ж, если ты уверен… пусть будет Гриффиндор…»

Пока они маневрировали по коридору, мимо прошёл Колин Криви.

— Приветик, Гарри!

— Привет, Колин, — машинально ответил Гарри.

— Гарри… Гарри… один мальчик из моего класса сказал, что ты…

Но Колин был таким маленьким, что не смог противостоять толпе, уносившей его в Большой Зал. Они услышали только, как он пропищал: «Пока, Гарри», — и исчез.

— Что же мог о тебе говорить мальчик из его класса? — поинтересовалась Гермиона.

— Видимо, что я — наследник Слизерина, — сказал Гарри. Теперь ему стало совсем плохо, когда он вспомнил, как днём от него убежал Джастин Финч-Флетчли.

— Эти люди поверят чему угодно, — с отвращением произнес Рон.

Толпа поредела, и им удалось подняться по следующей лестнице без особого труда.

— По-твоему, здесь в самом деле есть Тайная Комната? — спросил Рон у Гермионы.

— Не знаю, — ответила она, нахмурившись. — Дамблдор не смог вылечить Миссис Норрис, и это наводит меня на мысль, что тот, кто не неё напал,

не может быть… ну… человеком.

Пока она говорила, они повернули за угол и очутились в конце того самого коридора, где произошло нападение. Они остановились и огляделись. Всё выглядело так же, как и той ночью, кроме кошки, висевшей тогда на факельном рожке, да у стены с надписью «Тайная Комната открыта» стоял пустой стул.

— Здесь караулит Филч, — пробормотал Рон.

Они переглянулись. Коридор был пуст.

— Никто ведь не обидится, если мы осмотримся, — сказал Гарри, кидая сумку и опускаясь на четвереньки, чтобы поползать в поисках какой-нибудь подсказки.

— Следы от ожогов! — сказал он. — Здесь… и здесь…

— Идите сюда, посмотрите! — позвала Гермиона. — Как странно…

Гарри поднялся и подошёл к окну рядом с посланием на стене. Гермиона указывала на

(Термин "window pane" обозначает небольшой кусочек стекла. Из множества таких стёклышек складывается узор, который может быть как простым (обычная решётка), так и сложным (рисунки, витражи).

маленькое стёклышко на самом верху, где

около двадцати пауков сражались друг с другом, стремясь пролезть в маленькую трещинку в стекле. Длинная серебряная нить свисала вниз, как верёвка, словно они взобрались по ней, спеша выбраться наружу.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы пауки себя так вели? — удивленно спросила Гермиона.

— Нет, — сказал Гарри, — а ты, Рон? Рон?

Он оглянулся через плечо. Рон стоял далеко позади, и, казалось, отчаянно боролся с желанием убежать подальше.

— В чём дело? — спросил Гарри.

— Я… не люблю… пауков, — напряжённо произнёс Рон.

— Я этого не знала, — сказала Гермиона, удивлённо взглянув на Рона. — Ты же столько раз добавлял пауков в зелья…

— Я не против, когда они мёртвые, — сказал Рон, стараясь не смотреть в сторону окна. — Мне просто не нравится, как они двигаются…

Гермиона хихикнула.

— Это не смешно, — свирепо сказал Рон. — К твоему сведению, когда мне было три года, Фред превратил моего… моего плюшевого мишку в огромного грязного паука лишь за то, что я сломал его игрушечную метлу. Ты бы тоже их не любила,

если бы держала своего мишку, как вдруг у него появилось бы слишком много ног и…

Он замолчал, вздрогнув. Гермиона явно старалась сдержать смех. Чувствуя, что следует сменить тему, Гарри сказал:

— Помните, на полу была вода? Откуда она взялась? Кто-то всё вытер.

— Она была примерно тут, — сказал Рон, придя в себя, чтобы пронестись мимо стула Филча, и указывая на пол. — На уровне этой двери.

Он потянулся к медной дверной ручке, но внезапно отдёрнул руку, как ошпаренный.

— В чём дело? — спросил Гарри.

— Я не могу войти туда, — пробубнил Рон. — Это девчачий туалет.

— Ой, Рон, да там же нет никого, — сказала Гермиона, вставая и направляясь в его сторону. — Это же обитель Плаксы Миртл. Пошли, посмотрим.

И, не обращая внимания на большую табличку «Не работает», она открыла дверь.

Это был самый мрачный и мерзкий туалет из всех, какие видел Гарри. Под большим треснувшим мутным зеркалом располагался ряд облупленных каменных раковин. Пол был мокрым и отражал мрачный свет нескольких догоравших свечей; деревянные двери кабинок были поцара-

панными, и с них облупилась краска, а одна еле держалась на петлях.

Гермиона приложила палец к губам и прошла к самой дальней кабинке. Дойдя до неё, она сказала: «Привет, Миртл, как дела?»

Гарри и Рон подошли, чтобы посмотреть. Плаксa Миртл сидела на бачке, выдавливая прыщ на подбородке.

— Этот туалет для девочек, — сказала она, подозрительно оглядывая Рона и Гарри. — А они — не девочки.

— Не девочки, — согласилась Гермиона. — Я только хотела им показать, как… э… здесь мило.

Она махнула рукой на мутное зеркало и мокрый пол.

— Спроси, не видела ли она чего-нибудь, — беззвучно произнёс Гарри.

— Что это ты шепчешь? — спросила Миртл, уставившись на него.

— Ничего, — быстро сказал Гарри. — Мы только хотели спросить…

— Вот бы люди перестали говорить гадости у меня за спиной! — сказала Миртл, и её голос задрожал от слез. — У меня же есть чувства, даже если я и мертва…

— Миртл, никому не хочется тебя расстраи-

вать, — сказала Гермиона. — Гарри только…

— Никому не хочется меня расстраивать! Хорошо сказано! — взвыла Миртл. — Жизнь моя здесь была просто ужасна, а теперь люди хотят и смерть мою испортить!

— Мы хотели спросить, не видела ли ты в последнее время чего-нибудь странного, — быстро спросила Гермиона, — потому что прямо у твоей двери в Хэллоуин кто-то напал на кошку.

— Ты видела здесь кого-нибудь поблизости в ту ночь? — спросил Гарри.

— Я не обращала внимания, — с надрывом сказала Миртл. — Пивз так меня расстроил, что я пришла сюда и попыталась покончить с собой. Потом, конечно, я вспомнила, что я… что я…

— Уже мертва, — пришёл на помощь Рон.

Миртл трагически всхлипнула, поднялась в воздух, развернулась и нырнула в туалет, исчезнув из виду и обрызгав их водой; судя по её сдавленным всхлипам, она отправилась отдыхать куда-то в сторону канализационных труб.

Гарри и Рон застыли с открытыми ртами, а Гермиона пожала плечами и произнесла:

— И это была ещё почти весёлая Миртл… пойдёмте.

Едва Гарри закрыл дверь, избавив их от ры-

даний Миртл, как их окликнул чей-то громкий голос, заставив их троих подпрыгнуть.

— РОН!

Перси Уизли, сияя значком Префекта, замер как вкопанный на верхнем пролете лестницы. На его лице застыло выражение полнейшего шока.

— Это же туалет для девочек! — ахнул он. — Вы-то что там делали?..

— Просто осматривались, — пожал плечами Рон. — Искали улики…

Перси напыжился, сильно напомнив Гарри о миссис Уизли.

— Немедленно… убирайтесь… отсюда… — сказал Перси, направляясь в их сторону и размахивая руками, в то время как они попятились от него. — Вас не волнует, как это выглядит со стороны — прийти сюда во время ужина?..

— А почему нам нельзя тут находиться? — горячо спросил Рон, останавливаясь и злобно глядя на Перси. — Послушай, мы и пальцем не прикасались к этой кошке!

— Я так и сказал Джинни, — свирепо сказал Перси, — но она, похоже, всё ещё думает, что тебя исключат. Я в жизни не видел её такой расстроенной. Она все глаза выплакала. Подумай-ка о ней, все первогодки только об этом и говорят…

— Это тебе нет дела до Джинни, — сказал Рон, у которого начали краснеть уши. — Это ты волнуешься лишь о том, что из-за моих проделок тебя не назначат Старостой.

— Пять очков с Гриффиндора! — заорал Перси, тыкая в значок Префекта. — И надеюсь, что это послужит тебе уроком! И больше никаких расследований, иначе я напишу маме!

И он пошёл прочь. Затылок у него был таким же красным, как и уши Рона.

* * *

Вечером Гарри, Рон и Гермиона постарались занять в гостиной места как можно дальше от Перси. Рон всё ещё был в плохом настроении и постоянно ставил кляксы на домашнем задании по Заклинаниям. Когда он попробовал стереть подтёки своей волшебной палочкой, она подожгла пергамент. Пылая почти так же, как и его домашняя работа, Рон захлопнул Стандартную Книгу Заклинаний: Второй Уровень. К удивлению Гарри, Гермиона сделала то же самое.

— Кто бы это мог быть? — тихо спросила она, словно продолжая только что прерванный разговор. — Кому приспичило выдворять всех Сквибов и магглов из Хогвартса?

— Давай подумаем, — произнес Рон, изображая недоумение. — Кто из тех, кого мы знаем, считает магглов отбросами?

Он посмотрел на Гермиону. Гермиона посмотрела в ответ так, словно её это явно не убедило.

— Если ты имеешь в виду Малфоя…

— Ну конечно, его! — сказал Рон. — Ты сама его слышала; «Вы следующие, Грязнокровки!». Да ладно, стоит лишь взглянуть на его мерзкую крысиную морду, как сразу же становится понятно, что это он…

— Малфой — наследник Слизерина? — скептически сказала Гермиона.

— Вспомни его семью, — сказал Гарри, тоже закрывая книги. — Все они были в Слизерине, он сам постоянно хвастает этим. Они запросто могли бы быть потомками Слизерина. По крайней мере, его отец достаточно злой для этого.

— Ключ от Тайной Комнаты мог быть у них на протяжении столетий! — сказал Рон. — Они передавали его от отца к сыну…

— Что ж, — осторожно сказала Гермиона, — полагаю, это возможно…

— Но как это доказать? — мрачно заметил Гарри.

— Должен быть какой-то способ, — медленно

сказала Гермиона, понизив голос до шёпота и бросив через всю комнату взгляд на Перси. — Конечно, это будет сложно. И опасно, очень опасно. Я думаю, мы нарушим около пятидесяти школьных правил.

— Если решишься всё-таки что-то объяснить нам через месяц-другой, дай знать, ладно? — раздражённо сказал Рон.

— Хорошо, — холодно ответила Гермиона. — Нам нужно попасть в гостиную Слизерина и задать Малфою пару вопросов так, чтобы он не понял, что это мы.

— Но это невозможно, — сказал Гарри, когда Рон засмеялся.

— Нет, возможно, — сказала Гермиона. — Всё, что нам потребуется, это немного Многосущного Зелья.

— Что это? — одновременно спросили Рон и Гарри.

— Снейп упоминал о нём на уроке несколько недель назад…

— По-твоему, нам больше нечем заняться на Зельеварении, кроме как слушать Снейпа? — пробормотал Рон.

— Оно превращает тебя в кого-нибудь другого. Только представьте! Мы можем превратиться в

трёх учеников из Слизерина. Никто и не поймет, что это были мы. Малфой наверняка что-нибудь нам расскажет. Может быть, он прямо сейчас хвастает этим в гостиной Слизерина, вот только если бы мы могли его услышать.

— Странной мне кажется эта многосущая штука, — нахмурившись, сказал Рон. — А что, если мы так и останемся навсегда тремя слизеринцами?

— Его действие заканчивается через некоторое время, — сказала Гермиона, нетерпеливо отмахиваясь, — но вот раздобыть рецепт будет очень трудно. Снейп говорил, он находится в книге под названием Самые Сильные Зелья, а она просто обязана находиться в Запретной Секции библиотеки.

Получить книгу из Запретной Секции можно было лишь одним способом: раздобыть подписанное преподавателем разрешение.

— Да уж, будет совсем не ясно, зачем нам понадобилась эта книга, — сказал Рон, — если мы не собираемся приготовить одно из зелий.

— Думаю, — сказала Гермиона, — если мы сделаем вид, что заинтересованы лишь в теории, то у нас есть шанс…

— Да ладно, ни один учитель на это не купится, — сказал Рон. — Не такие же они тупые…

10. Бешеный Бладжер

После провального эпизода с феями, профессор Локхарт больше не приносил в класс живых существ. Вместо этого он читал им выдержки из своих книг, а некоторые наиболее драматические отрывки иногда изображал в лицах. Помочь ему в этих инсценировках он обычно вызывал Гарри; за это время Гарри пришлось сыграть простого трансильванского крестьянина, которого Локхарт вылечил от Балабольного Проклятья, простуженного снежного человека и вампира, который после того, как с ним разобрался Локхарт, не может есть ничего, кроме салата латука.

На следующем же уроке по Защите от Тёмных Искусств Локхарт опять выставил Гарри перед классом, на этот раз в качестве оборотня. Если бы у него не было веской причины удерживать Локхарта в добром расположении духа, он бы отказался.

— Отличный громкий вой, Гарри… точно… и тогда, если вы только поверите, я бросился… вот так… бросил его на пол… так что… мне удалось удержать его одной рукой… а другой я приставил

ему к горлу палочку… затем я собрал остатки сил и сотворил чрезвычайно сложное Заклинание Очеловечивания… он издал жалобный стон… давай, Гарри… выше… хорошо… шерсть исчезла… клыки втянулись… и он снова обратился в человека. Просто, но эффективно… и таким образом ещё одна деревня навсегда запомнит меня как героя, навеки освободившего её от ежемесячного страха перед нападением оборотня.

Зазвенел звонок, и Локхарт поднялся на ноги.

— Домашнее задание: сочините стихотворение о том, как я победил оборотня Ваггa-Ваггa! Автору лучшего я вручу подписанный мной экземпляр Волшебного Меня.

Все начали расходиться. Гарри вернулся на задний ряд, где ждали Рон и Гермиона.

— Готовы? — пробормотал Гарри.

— Погодите, пока все уйдут, — нервно сказала Гермиона. — Можно…

Она подошла к столу Локхарта, плотно сжимая в руке клочок бумаги; Гарри и Рон шли за ней.

— Э… профессор Локхарт, — запинаясь, начала Гермиона. — Я хотела… взять в библиотеке эту книгу. Для внеклассного чтения, — она протянула бумажку; её рука слегка подрагивала. — Но дело в том, что она находится в Запретной Секции, по-

этому нужно, чтобы за неё расписался учитель… Я уверена, что она поможет мне лучше понять то, что вы говорите в «Выходных с Вампирами» про медленно действующие яды.

— А, «Выходные с Вампирами»! — сказал Локхарт, беря у Гермионы записку и широко ей улыбаясь. — Наверное, моя самая любимая книга. Она тебе понравилась?

— О, да, — с энтузиазмом ответила Гермиона. — Вы так ловко поймали последнего с помощью чайного ситечка…

— Ну, я уверен, никто не станет возражать, если я окажу лучшей ученице года небольшую дополнительную помощь, — тепло заметил Локхарт, извлекая огромное павлинье перо. — Да, красивое, не правда ли? — сказал он, неверно истолковав удивление на лице Рона. — Обычно я берегу его для автографов на книгах.

Он соорудил на бумажке неимоверно петлистую подпись и вернул её Гермионе.

— Итак, Гарри, — обратился к нему Локхарт, в то время как Гермиона дрожащими пальцами сворачивала записку и опускала её в сумку, — полагаю, завтра первый в этом сезоне матч по Квиддитчу? Гриффиндор против Слизерина, верно? Слышал, ты игрок полезный. Я тоже был Ловцом.

Меня приглашали в национальную сборную, но я предпочёл посвятить жизнь искоренению Тёмных Сил. Однако если ты почувствуешь потребность в небольшой частной тренировке, не постесняйся обратиться. Всегда рад поделиться опытом с менее искусными игроками…

Гарри прорычал нечто нечленораздельное и поспешил за Роном и Гермионой.

— Ушам не верю, — сказал он, когда они втроём изучали подпись на бумажке. — Он даже не посмотрел, какая книга нам нужна.

— Потому что он чучело безмозглое, — сказал Рон. — Но кому какое дело, если у нас есть то, что нужно.

— Он не безмозглое чучело, — заверещала Гермиона, в то время как они спешили в сторону библиотеки.

— Только потому, что он назвал тебя лучшей ученицей года…

Войдя в приглушённый покой библиотеки, они понизили голос. Мадам Пинс, библиотекарь, была худой, раздражительной женщиной, похожей на недокормленного стервятника.

— Самые Сильные Зелья? — подозрительно повторила она, пытаясь забрать у Гермионы записку, но Гермиона её не выпускала.

— А можно мне её оставить? — с замиранием в голосе попросила она.

— Да ладно тебе, — сказал Рон, выхватывая у неё из руки бумажку и протягивая её мадам Пинс. — Мы достанем тебе ещё один автограф. Локхарт подпишет всё, что хотя бы немного полежит неподвижно.

Мадам Пинс посмотрела записку на просвет, словно пытаясь установить — не подделка ли это, но проверка подтвердила подлинность. Тогда она двинулась к стеллажам и через несколько минут вынесла большую и с виду заплесневелую книгу. Гермиона бережно положила её к себе в сумку, и они ушли, стараясь идти не слишком быстро и выглядеть не слишком виноватыми.

Ещё через пять минут они вновь забаррикадировались в неисправном туалете Плаксы Миртл. Гермиона пресекла возражения Рона, заявив, что это последнее место, куда пойдет кто-либо в здравом уме, и поэтому им гарантировано уединение. Плакса Миртл шумно рыдала в своей кабинке, но они не обращали внимания на неё, а она на них.

Гермиона аккуратно открыла Самые Сильные Зелья, и все трое склонились над пятнистыми от сырости страницами. Уже с первого взгляда было понятно, почему ей отвели место в Запретной

Секции. Некоторые зелья имели такие ужасные последствия, что и подумать было страшно, и всё это сопровождалось неприятными иллюстрациями, на одной из которых был изображён человек, судя по всему, вывернутый наизнанку, а на другой — ведьма, у которой из головы вылезло несколько лишних пар рук.

— Вот оно, — возбужденно воскликнула Гермиона, найдя страницу, озаглавленную «Многосущное Зелье». Она была украшена изображениями людей, наполовину превратившихся в других. Гарри от всей души надеялся, что художник сам придумал выражение сильной боли на их лицах.

— Это самое сложное зелье, какое я только видела, — сказала Гермиона, когда они изучили рецепт. — Муха-златоглазка, пиявки, ложная болотная мята и спорыш, — бормотала она, водя пальцем по списку ингредиентов. — Ладно, их найти легко, они есть в кладовке для учеников, мы можем взять их сами. Ооой, смотрите, истолчённый рог двурога… не знаю, где мы его добудем… кусочки кожи бумсланга… это тоже будет трудно… и, конечно, частичка того, в кого мы хотим превратиться.

— Прости? — бросил Рон. — Что значит «частичка того, в кого мы хотим превратиться»? Я

не стану пить ничего, в чём будут плавать ногти Крэбба…

Гермиона продолжила, будто не слыша его.

— Об этом пока беспокоиться не стоит, потому что эти частицы мы добавим в последнюю очередь…

Рон, потеряв дар речи, повернулся к Гарри, которого волновало другое.

— Ты понимаешь, как много всего мы собираемся украсть, Гермиона? Кусочки кожи бумсланга — этого уж точно нет в кладовке для учеников. Нам что, придётся взломать личную кладовую Снейпа? Мне это не кажется хорошей идеей…

Гермиона захлопнула книгу.

— Ну, если вы струсили, отлично, — сказала она. На её щеках проступили ярко-розовые пятна, а глаза загорелись ярче обычного. — Это я не хочу нарушать правила. По-моему, угрожать магглорожденным намного хуже, чем сварить сложное зелье. Но если вы не желаете знать, Малфой ли это, я прямо сейчас отправляюсь к мадам Пинс и возвращаю книгу обратно…

— Не думал, что увижу тот день, когда ты будешь убеждать нас нарушить правила, — сказал Рон. — Хорошо, мы сделаем это. Но только не ногти, ладно?

— Сколько времени нужно, чтобы сварить его? — спросил Гарри, когда повеселевшая Гермиона вновь открыла книгу.

— Ну, поскольку ложную мяту надо собирать при полной луне, а златоглазок нужно тушить двадцать один день… я бы сказала, что оно будет готово примерно через месяц, если нам удастся раздобыть все ингредиенты.

— Месяц? — сказал Рон. — Да к тому времени Малфой, наверное, нападёт на половину магглорождённых в школе! — но, поскольку глаза Гермионы опять опасно сузились, он быстро добавил. — Но это лучший план, который мы имеем, так что полный вперёд!

Однако, пока Гермиона проверяла, чисто ли на горизонте, чтобы они могли выйти из туалета, Рон прошептал Гарри:

— Всё станет значительно проще, если завтра ты просто собьёшь Малфоя с метлы.

* * *

В воскресенье утром Гарри проснулся рано и некоторое время лежал, думая о предстоящем матче по Квиддитчу. Он нервничал, в основном от мысли о том, что скажет Вуд, если Гриффиндор проиграет, но ещё и от мысли, что придётся

столкнуться с командой на самых быстрых метлах, какие только можно купить. Ему никогда ещё так сильно не хотелось победить Слизерин. После получаса мучений он поднялся, оделся и спозаранку спустился к завтраку, где за длинным пустым столом обнаружил остальную часть команды Гриффиндора. Все выглядели напряжёнными и молчали.

Когда почти наступило одиннадцать часов, вся школа начала стекаться к стадиону для Квиддитча. День был тёплый и влажный, в воздухе чувствовалась приближающаяся гроза. Рон и Гермиона подбежали к Гарри пожелать ему удачи, когда он входил в раздевалку. Команда надела ярко-красную форму Гриффиндора и расселась послушать обычное предматчевое напутствие Вуда.

— У слизеринцев мётлы лучше, чем у нас, — начал он, — отрицать это бессмысленно. Но на наших мётлах сидят лучшие люди. Мы тренировались упорней, чем они, мы летали в любую погоду… («Это точно», — пробормотал Джордж Уизли. — «Я с августа просохнуть не могу».) …и мы ещё заставим их пожалеть о том дне, когда они позволили это мелкому слизняку Малфою купить себе место в их команде.

Вздымая грудь от избытка чувств, Вуд обратился к Гарри.

— Тебе, Гарри, предстоит показать им, что у Ловца должно быть нечто большее, чем богатый папаша. Доберись до Снитча раньше Малфоя или погибни, пытаясь сделать это, Гарри, потому что сегодня нам нужно, нужно выиграть.

— И никто не давит, Гарри, — подмигнул ему Фред.

Когда они выходили на поле, их приветствовали громогласные крики; в основном это были приветствия, потому что Рэйвенкло и Хаффлпаффу тоже не терпелось увидеть Слизерин поверженным, но и свист с улюлюканьем сидевших на трибунах Слизеринцев тоже было хорошо слышно. Мадам Хуч, преподаватель по Квиддитчу, пригласила Флинта и Вуда пожать друг другу руки, что они и сделали, одарив друг друга угрожающими взглядами и пожимая руки намного крепче, чем было необходимо.

— По моему свистку, — сказала мадам Хуч. — Три… два… один…

С рёвом трибун четырнадцать игроков взмыли в свинцовое небо. Гарри взлетел выше них и оглядывался, ища Снитч.

— Как дела, Шрамоголовый? — прокричал

Малфой, проносясь под ним для того, чтобы продемонстрировать скорость своей метлы.

У Гарри не было времени на ответ. В этот самый момент в него полетел тяжёлый чёрный Бладжер; он с таким трудом избежал столкновения, что почувствовал, как Бладжер, пролетев мимо, взъерошил его волосы.

— Едва не попал, Гарри! — крикнул Джордж, пролетев мимо с битой в руке, готовый отбить Бладжер обратно в сторону Слизерина. Гарри увидел, что Джордж как следует врезал по Бладжеру, отправив его в Адриана Пьюси, но Бладжер на полпути изменил направление и вновь помчался к Гарри.

Гарри быстро снизился, чтобы увернуться, и Джордж ухитрился с силой отбить Бладжер в сторону Малфоя. И вновь Бладжер бумерангом устремился в голову Гарри.

Гарри набрал скорость и полетел к другому концу поля. Он слышал свист Бладжера позади. Что происходит? Бладжеры ещё никогда так не приставали к одному игроку; их задачей было сбросить с мётел как можно больше людей…

У другого конца поля Бладжер уже поджидал Фред Уизли. Гарри увернулся, и Фред изо всех сил ударил по Бладжеру; Бладжер был сбит с курса.

— Готово! — крикнул довольный Фред, но он ошибся; Бладжер снова погнался за Гарри, словно его притягивало магнитом, и Гарри пришлось удирать на полной скорости.

Пошёл дождь; Гарри почувствовал, как падают на лицо и расплываются на очках тяжёлые капли. У него не было ни малейшего понятия о том, как идёт игра, до тех пор, пока не услышал, как Ли Джордан, комментировавший матч, объявил: «Слизерин ведёт шестьдесят — ноль...»

Было ясно, что превосходные мётлы Слизерина делали своё дело, в то время как обезумевший Бладжер старался сбить Гарри. Фред и Джордж теперь летели по обе стороны так близко к нему, что Гарри не мог видеть ничего, кроме их машущих рук, так что у него не было шанса даже увидеть Снитч, не говоря уже о том, чтобы его поймать.

— Кто-то... потрудился... над... этим... Бладжером... — прорычал Фред, со всей силы махая битой, когда тот предпринял очередную атаку на Гарри.

— Нам нужен тайм-аут, — заявил Джордж, пытаясь одновременно подать Вуду знак и помешать Бладжеру сломать Гарри нос.

Вуд, видимо, всё понял. Раздался свист Мадам Хуч, и Гарри, Фред и Джордж спикировали к зем-

ле, всё ещё пытаясь увернуться от сумасшедшего Бладжера.

— Что происходит? — спросил Вуд, когда гриффиндорцы сгрудились вместе, в то время как Слизеринцы отпускали язвительные замечания. — Нас разносят. Фред, Джордж, где вы были, когда Бладжер помешал Анджелине забить?

— Мы были в двадцати футах над ней, мешая другому Бладжеру убить Гарри, Оливер, — со злостью ответил Джордж. — Кто-то его настроил — он не оставляет Гарри в покое, всю игру он ни к кому другому и не подлетел. Наверное, Слизеринцы что-то с ним сделали.

— Но Бладжеры с нашей последней тренировки были у мадам Хуч под замком, и с ними тогда всё было в порядке… — занервничал Вуд.

К ним направлялась мадам Хуч. Гарри видел через её плечо, что Слизеринцы кривляются и указывают в его сторону.

— Послушайте, — сказал Гарри, пока она подходила ближе и ближе, — если вы двое всё время будете летать вокруг меня, то я поймаю Снитч, если только он сам залетит ко мне в рукав. Присоединяйтесь к остальной команде и дайте мне самому справиться с этим взбесившимся Бладжером.

— Не валяй дурака, — возразил Фред. — Он тебе башку снесёт.

Вуд переводил взгляд с Гарри на братьев Уизли.

— Оливер, это безумие! — яростно воскликнула Алиша Спиннет. — Ты не можешь оставить Гарри один на один с этой штукой. Давай потребуем расследования…

— Если мы сейчас остановимся, то проиграем матч! — сказал Гарри. — А мы не сдадимся Слизерину только из-за безумного Бладжера! Ну же, Оливер, скажи им, чтобы оставили меня.

— Всё это твоих рук дело, — злобно сказал Вуду Джордж. — «Добудь Снитч или погибни»… какие глупости!

К ним подошла мадам Хуч.

— Готовы продолжить игру? — спросила она у Вуда.

Вуд глянул на решительное выражение лица Гарри.

— Ладно, — сказал он. — Фред, Джордж, вы слышали Гарри: оставьте его в покое и позвольте ему справиться с Бладжером в одиночку.

Дождь пошёл ещё сильнее. По свистку мадам Хуч Гарри с силой оттолкнулся от земли и моментально услышал позади предательский свист

Бладжера. Гарри поднимался всё выше и выше; он петлял и пикировал, вертелся спиралью, нарезал зигзаги и делал бочки. Хотя у него слегка кружилась голова, он, тем не менее, держал глаза открытыми; дождь стучал по очкам и затекал в нос, когда он висел вниз головой, уворачиваясь от очередного отчаянного пике Бладжера. С трибун слышался смех, он понимал, что, должно быть, выглядит очень смешно, но расшалившийся Бладжер был тяжёлым и не мог менять направление так же быстро, как он. Гарри понёсся вокруг стадиона, как по американским горкам, поглядывая сквозь серебристую завесу дождя на ворота Гриффиндора, где Адриан Пьюси пытался пройти Вуда…

Свист возле уха подсказал Гарри, что Бладжер опять пролетел мимо; он резко развернулся и понёсся в обратном направлении.

— Тренируешься для балета, Поттер? — крикнул Малфой, когда Гарри был вынужден сделать в воздухе дурацкий пируэт, чтобы увернуться от Бладжера. Гарри полетел дальше, а Бладжер повис в нескольких футах у него на хвосте; и в этот самый момент, со злостью оглянувшись на Малфоя, он увидел его — Золотой Снитч. Снитч висел в нескольких дюймах над левым ухом

Малфоя, но тот, занятый высмеиванием Гарри, его не заметил.

На один мучительный момент Гарри завис, не решаясь ринуться на Малфоя, так как тот мог глянуть вверх и увидеть Снитч.

БАМ!

Он задержался на месте на секунду дольше, чем следовало. Бладжер наконец-то ударил его, врезавшись в локоть, и Гарри почувствовал, как у него сломалась рука. Как в тумане, ослеплённый жгучей болью в руке, он скользнул в сторону по мокрой от дождя метле, цепляясь за неё одним коленом, а его правая рука бесполезно повисла сбоку. Бладжер ринулся в следующую атаку, на этот раз целясь в лицо. Гарри увернулся в сторону; в его затуманенном мозгу теперь была только одна мысль — добраться до Малфоя.

Сквозь пелену дождя и боли он спикировал на белеющее под ним ухмыляющееся лицо и увидел, как от страха у того расширились глаза: Малфой думал, что Гарри на него нападает.

— Какого… — ахнул он, увернувшись с пути Гарри.

Гарри убрал здоровую руку с рукоятки метлы и совершил дикий бросок; он почувствовал, что его пальцы сомкнулись на холодном Снитче,

но теперь он держался за метлу одними лишь ногами, и с трибун донеслись крики, когда он стал пикировать прямо на землю, изо всех сил стараясь не потерять сознание.

С громким всплеском он плюхнулся в грязь и скатился с метлы. Одна его рука висела под странным углом. Сквозь боль он слышал отдалённые свист и крики. Он сконцентрировался на зажатом в здоровой руке Снитче.

— Ага, — невнятно произнес он. — Мы выиграли.

И потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, в лицо ему лил дождь, он всё ещё лежал на поле, а над ним кто-то склонился. Он увидел блеск зубов.

— О нет, только не вы, — простонал он.

— Он не понимает, что говорит, — громко объявил Локхарт собравшейся вокруг них толпе взволнованных гриффиндорцев. — Не волнуйся Гарри. Сейчас я вылечу твою руку.

— Нет! — сказал Гарри. — Пусть будет, как есть, спасибо…

Он попытался сесть, но боль была ужасной. Рядом раздался знакомый щелчок.

— Колин, такая фотография мне не нужна, — громко сказал он.

— Ложись, Гарри, — успокаивал Локхарт. — Это простое заклинание, которое я использовал сотни раз…

— Почему бы мне просто не пойти в больничное крыло? — сквозь стиснутые зубы сказал Гарри.

— Да, не помешало бы, профессор, — заметил вымазанный в грязи Вуд, с трудом сдерживая улыбку, хотя его Ловец и получил травму. — Отлично поймал, Гарри, очень зрелищно! Твой лучший бросок, я бы сказал…

Сквозь скопление ног, Гарри заметил Фреда и Джорджа Уизли, загонявших разбушевавшийся Бладжер в ящик. Тот всё ещё оказывал ожесточённое сопротивление.

— Отойдите, — сказал Локхарт, закатывая нефритово-зелёные рукава.

— Нет… не надо… — слабо проговорил Гарри, но Локхарт уже крутил своей палочкой, и секунду спустя направил её прямо на руку Гарри.

Странное и неприятное ощущение возникло у Гарри в плече и распространилось до кончиков пальцев. Он чувствовал себя так, будто его руку расплющили. Он не решался посмотреть на то, что получилось. Он закрыл глаза и отвернулся от руки, но его худшие подозрения подтвердились, когда все вокруг ахнули, а Колин Криви неистово

защёлкал камерой. Рука больше не болела… но и на руку, судя по ощущениям, она похожа не была.

— А, — сказал Локхарт. — Да. Что ж, иногда такое бывает. Но суть в том, что кости больше не сломаны. Это и надо принять во внимание. Так что, Гарри, идите потихоньку в больничное крыло… мистер Уизли, мисс Грэйнджер, не проводите ли вы его?.. И тогда мадам Помфри сможет… э… немного вас подлатать.

Когда Гарри поднялся на ноги, он почувствовал, что его странно перекосило. Глубоко вздохнув, он посмотрел на правый бок. То, что он увидел, едва не заставило его снова потерять сознание.

Из рукава выглядывало нечто, выглядящее как толстая, телесного цвета, резиновая перчатка. Он попробовал пошевелить пальцами. Ничего не произошло.

Локхарт не вылечил кости Гарри. Он их удалил.

* * *

Мадам Помфри была весьма недовольна.

— Тебе следовало идти прямо ко мне! — рассердилась она, поднимая печальный безжизненный остаток того, что ещё полчаса назад было рабо-

тоспособной рукой. — Я могу вылечить кости за секунду… но выращивать их заново…

— Но вы ведь сможете, правда? — в отчаянии спросил Гарри.

— Смогу, конечно, но будет больно, — мрачно сказала мадам Помфри, бросая Гарри пижаму. — Тебе придётся провести здесь ночь…

Гермиона ожидала за занавеской, пока Рон помогал Гарри влезть в пижаму. Потребовалось некоторое время, чтобы засунуть резиновую бескостную руку в рукав.

— И как ты можешь защищать Локхарта, а, Гермиона? — спросил Рон сквозь занавеску, проталкивая мягкие пальцы через манжету. — Если бы Гарри захотел остаться без костей, то попросил бы.

— Кто угодно мог ошибиться, — сказала Гермиона. — А рука уже больше не болит, ведь правда, Гарри?

— Да, — ответил Гарри, — но и ничего другого она тоже не делает.

Когда он плюхнулся на постель, его рука бесполезно заболталась.

Гермиона и мадам Помфри зашли за занавеску. Мадам Помфри держала большую бутыль с этикеткой «Скеле-Рост».

— Тяжёлая ночка тебе предстоит, — сказала она, наливая стакан дымящейся жидкости и протягивая ему. — Отращивание костей — пренеприятное занятие.

Таким же занятием оказался и прием «Скеле-Роста». Он обжёг Гарри рот и глотку, заставив его задохнуться и закашляться. Продолжая возмущаться по поводу опасных игр и бездарных учителей, мадам Помфри удалилась, оставив Рона и Гермиону помогать Гарри проглотить немного воды.

— И всё же мы выиграли, — сказал Рон, широко ухмыляясь. — Всё благодаря твоему броску. Лицо Малфоя… казалось, он вот-вот кого-нибудь убьёт!

— Хотелось бы знать, как он заколдовал тот Бладжер, — мрачно произнесла Гермиона.

— Можно добавить это к списку вопросов, которые мы зададим ему, когда примем Многосущное Зелье, — сказал Гарри, снова откидываясь на подушки. — Надеюсь, на вкус оно лучше, чем эта гадость…

— Если в нём будут плавать куски слизеринцев? Скажи, что шутишь, — сказал Рон.

В этот момент дверь больничного крыла распахнулась, и навестить Гарри зашла грязная, насквозь промокшая гриффиндорская команда.

— Невероятный полёт, Гарри, — сказал Джордж. — Я только что видел, как Маркус Флинт орёт на Малфоя. Что-то вроде того, что Снитч сидел у него на голове, а он не заметил. Малфой не выглядел чересчур счастливым.

Они принесли пирожные, сладости и бутылки с тыквенным соком; все собрались вокруг кровати Гарри и только начали было, обещавшую стать очень весёлой, вечеринку, как влетела мадам Помфри и закричала:

— Этому мальчику нужен покой, ему предстоит отрастить тридцать три кости! Вон! ВОН!

И Гарри был оставлен в одиночестве, теперь уже нечему было отвлечь его от пронизывающей боли в безжизненной руке.

* * *

Много часов спустя Гарри внезапно проснулся в кромешной тьме и взвыл от боли: ему показалось, что в руке было полно огромных заноз. На секунду он подумал, что это и разбудило его. Затем с ужасом он понял, что кто-то в темноте протирает ему губкой лоб.

— Отстаньте! — громко сказал он, и затем. — Добби!

Из темноты на Гарри глядели выпученные

глаза домашнего эльфа, каждый величиной с теннисный мяч. По его острому носу сползала одинокая слезинка.

— Гарри Поттер вернулся в школу, — в отчаянии прошептал он. — Добби предупреждал и предупреждал Гарри Поттера. Ах, сэр, почему же вы не послушали Добби? Почему Гарри Поттер не вернулся домой, когда не попал на поезд?

Гарри приподнялся на подушках и оттолкнул губку Добби.

— Что ты тут делаешь? — спросил он. — И откуда ты знаешь, что я не попал на поезд?

У Добби задрожала губа, и Гарри охватило внезапное подозрение.

— Так это был ты! — медленно произнес он. — Ты не дал барьеру нас пропустить!

— И вправду, да, сэр, — неистово закивал Добби, хлопая ушами. — Добби прятался и наблюдал за Гарри Поттером, и запечатал проход. Добби пришлось потом прижечь свои руки утюгом, — и он продемонстрировал Гарри десять длинных перевязанных пальцев. — Но Добби было всё равно, сэр, так как он думал, что Гарри Поттер в безопасности. Добби даже и предположить не мог, что Гарри Поттер попадет в школу другим способом!

Он раскачивался вперед-назад, тряся своей уродливой головой.

— Добби был так шокирован, когда услышал, что Гарри Поттер вернулся в Хогвартс, что пережарил обед хозяина! Такой порки Добби ещё не получал, сэр…

Гарри снова откинулся на подушки.

— Из-за тебя нас с Роном чуть не исключили, — с яростью сказал он. — Лучше тебе убраться отсюда, пока мои кости не отросли, Добби, или я тебя придушу.

Добби слабо улыбнулся.

— Добби привык к смертельным угрозам, сэр. Дома Добби получает их по пять раз на дню.

Он высморкался в угол грязной наволочки, которая была на нём, выглядя до того жалко, что Гарри почувствовал, что, помимо его воли, гнев его утих.

— Добби, почему ты это носишь? — поинтересовался он.

— Это, сэр? — Добби дёрнул за свою наволочку. — Это знак рабства домашнего эльфа, сэр. Добби сможет освободиться, если его хозяева подарят ему одежду, сэр. А семья никогда не даст Добби даже носок, сэр, потому что тогда он будет свободен и покинет их дом навсегда.

Добби промокнул свои выпученные глаза и внезапно сказал:

— Гарри Поттер должен отправиться домой! Добби думал, что его Бладжера будет достаточно, чтобы…

— Твоего Бладжера? — сказал Гарри, снова чувствуя, как в нём нарастет гнев. — Что значит «твоего Бладжера»? Ты заставил тот Бладжер попытаться меня убить?

— Не убить вас, сэр, ни в коем случае не убить вас! — в шоке произнёс Добби. — Добби хочет только спасти жизнь Гарри Поттеру! Лучше быть отправленным домой с серьёзной травмой, чем оставаться здесь, сэр! Добби только хотел, чтобы Гарри Поттер получил достаточно серьёзную травму, чтобы его отправили домой!

— А, так только и всего? — со злостью сказал Гарри. — Не думаю, что ты мне скажешь, почему тебе хотелось, чтобы меня отправили домой по частям?

— Ах, если бы Гарри Поттер только знал! — простонал Добби, роняя ещё несколько слезинок на свою дырявую наволочку. — Если бы он только знал, что он значит для нас, униженных и порабощённых, нас, отбросов магического мира! Добби помнит, что было, когда Тот-Кого-Нельзя-

Называть был на вершине власти, сэр! С нами, домашними эльфами, обращались как с насекомыми, сэр! Конечно, с Добби и сейчас так обращаются, сэр, — признал он, утирая лицо наволочкой. — Но в основном, сэр, жизнь моего народа стала лучше с тех пор, как вы одержали победу над Тем-Кого-Нельзя-Называть. Гарри Поттер выжил, а сила Темного Лорда пошатнулась, и наступил новый рассвет, сэр, и Гарри Поттер засиял, как маяк надежды для тех, кто думал, что чёрные дни никогда не закончатся, сэр… А теперь в Хогвартсе должны произойти ужасные вещи, возможно, они уже творятся, и Добби не может допустить, чтобы Гарри Поттер оставался здесь теперь, когда история должна повториться, когда Тайная Комната открыта снова…

Добби застыл, поражённый ужасом, затем схватил со столика у кровати Гарри кувшин с водой и стукнул им себя по голове, после чего опрокинулся и скрылся из виду. Через секунду он с перекошенными глазами вскарабкался обратно на кровать, бормоча: «Плохой Добби, очень плохой Добби…»

— Значит, Тайная Комната существует? — прошептал Гарри. — И… ты сказал, что она открывалась раньше? Рассказывай, Добби!

Он ухватил эльфа за костлявую ручонку, когда тот снова потянулся к кувшину.

— Но я же не маггл орожденный… чем может быть для меня опасна Комната?

— Ах, сэр, не спрашивайте больше, не спрашивайте больше у бедного Добби, — пролепетал эльф, и его глаза в темноте расширились ещё больше. — Тёмные дела вершатся здесь, но Гарри Поттер не должен быть здесь, когда они свершатся… отправляйтесь домой, Гарри Поттер, отправляйтесь домой. Гарри Поттер не должен быть в этом замешан, сэр — это слишком опасно…

— Кто это, Добби? — спросил Гарри, крепко держа Добби за руку, чтобы не дать тому снова стукнуться кувшином. — Кто её открыл? Кто открывал её в прошлый раз?

— Добби не может, сэр, Добби не может, Добби не должен говорить! — завизжал эльф. — Отправляйтесь домой, Гарри Поттер, отправляйтесь домой!

— Никуда я не отправлюсь! — яростно крикнул Гарри. — Одна из моих лучших друзей — маггл орожденная, и она будет первой на очереди, если Комната действительно открыта…

— Гарри Поттер рискует собственной жизнью

ради друзей! — простонал Добби в печальном экстазе. — Такой благородный! Такой храбрый! Но он должен спастись, он должен, Гарри Поттер не должен…

Добби внезапно замер, зашевелив ушами. Гарри тоже это услышал. В коридоре снаружи послышались шаги.

— Добби должен идти! — в ужасе выдохнул эльф. Раздался громкий треск, и в кулаке у Гарри остался только воздух. Откинувшись на кровати, он уставился на тёмную дверь больничного крыла, когда шаги стали ближе.

В следующий момент спиной вперёд в палату вошёл Дамблдор, одетый в длинный шерстяной халат и ночной колпак. Он держал за верхнюю часть что-то похожее на статую. Через секунду появилась профессор МакГонагалл, держа её за ноги. Вместе они взвалили это на кровать.

— Позовите мадам Помфри, — прошептал Дамблдор, и профессор МакГонагалл быстро прошла куда-то мимо кровати Гарри и скрылась из виду. Гарри замер, притворяясь спящим. Он услышал напряжённые голоса, затем в поле зрения снова появилась профессор МакГонагалл, за ней шла мадам Помфри, накидывая платок поверх ночной рубашки. Он услышал резкий вдох.

— Что случилось? — шепнула Дамблдору мадам Помфри, склоняясь над статуей, лежавшей на кровати.

— Ещё одно нападение, — ответил Дамблдор. — Минерва нашла его на лестнице.

— Рядом с ним была гроздь винограда, — сказала профессор МакГонагалл. — Мы думаем, он пытался пробраться сюда, чтобы навестить Поттера.

У Гарри сердце ушло в пятки. Медленно и осторожно, он приподнялся на несколько дюймов, чтобы взглянуть на статую на кровати. Луч лунного света пересекал неподвижное лицо.

Это был Колин Криви. Глаза его были широко раскрыты, руки сжимали камеру.

— Окаменел? — прошептала мадам Помфри.

— Да, — подтвердила профессор МакГонагалл. — Но я содрогаюсь при одной мысли… Если бы Альбус не спустился по лестнице за горячим шоколадом, кто знает, что бы могло…

Все трое уставились на Колина. Затем Дамблдор нагнулся и вытащил из застывшей руки Колина фотоаппарат.

— Вы думаете, он мог сфотографировать нападавшего? — поинтересовалась профессор МакГонагалл.

Дамблдор не ответил. Он открыл крышку аппарата.

— Святые угодники! — сказала мадам Помфри.

Из камеры со свистом вырвалась струя пара. До Гарри, лежавшего тремя кроватями дальше, донёсся резкий запах горелого пластика.

— Расплавилась, — с удивлением сказала мадам Помфри, — вся расплавилась…

— Что это значит, Альбус? — настойчиво спросила профессор МакГонагалл.

— Это означает, — ответил Дамблдор, — что Тайная Комната на самом деле снова открыта.

Мадам Помфри прижала руку ко рту. Профессор МакГонагалл не сводила глаз с Дамблдора.

— Но, Альбус… кто?

— Вопрос не в том, кто, — сказал Дамблдор, глядя на Колина. — Вопрос в том, как…

По лицу профессора МакГонагалл Гарри догадался, что она поняла не больше него.

11. Клуб Дуэлянтов

Воскресным утром Гарри проснулся и обнаружил, что вся палата залита ярким зимним солнцем, а его рука снова полна костей, хоть и абсолютно неподвижна. Он резко сел и посмотрел на кровать Колина, но она была закрыта высокой ширмой, за которой вчера переодевался Гарри. Увидев, что он проснулся, мадам Помфри моментально принесла ему поднос с завтраком, а затем принялась сгибать и разминать его руку и пальцы.

— Всё в порядке, — сказала она, пока Гарри неуклюже ел овсяную кашу левой рукой. — Когда покончишь с завтраком, можешь идти.

Гарри оделся так быстро, как только мог, и поспешил в гриффиндорскую башню, потому что ему не терпелось рассказать Рону и Гермионе о Колине и Добби, но их там не было. Гарри пошёл на их поиски, немного обидевшись оттого, что их, похоже, совсем не интересовало, выросли у него новые кости или нет.

Когда Гарри проходил мимо библиотеки, из неё как раз выходил Перси Уизли, который находил-

ся в гораздо более приветливом расположении духа, чем при их прошлой встрече.

— О, привет, Гарри, — сказал он. — Прекрасно полетал вчера, просто отлично. Благодаря тебе Гриффиндор теперь лидирует в гонке за Кубок Школы, ты заработал 50 очков!

— Ты не видел Рона или Гермиону? — спросил Гарри.

— Нет, не видел, — ответил Перси, и его улыбка начала спадать. — Надеюсь, Рон не залез в очередной туалет для девочек…

Гарри выдавил из себя смешок, посмотрел, как Перси скрылся из виду, а затем направился прямиком в туалет Плаксы Миртл. Он не понимал, почему Рон и Гермиона должны быть именно там, но, убедившись, что ни Филча, ни Префектов поблизости нет, он открыл дверь и услышал их голоса, доносившиеся из закрытой кабинки.

— Это я, — сказал он, закрывая за собой дверь. Из кабинки раздались скрип, всплеск, аханье, и Гарри увидел глаз Гермионы, выглядывающий в замочную скважину.

— Гарри! — сказала она. — Как же ты нас напугал. Заходи… как твоя рука?

— Хорошо, — ответил Гарри, протискиваясь в кабинку. На унитаз был взгромождён старый

котёл, и лёгкое потрескивание подсказывало Гарри, что под ним горел огонь. Гермиона была мастером по части создания переносного огня, который нельзя было потушить водой.

— Мы бы пришли встретить тебя, но решили начать изготовление Многосущного Зелья, — объяснял Рон, пока Гарри не без труда закрывал за собой дверь кабинки. — Мы решили, что это самое безопасное место, чтобы спрятать его.

Гарри начал рассказывать им о Колине, но Гермиона прервала его.

— Мы всё уже знаем. Мы слышали, как утром профессор МакГонагалл рассказывала об этом профессору Флитвику. Потому мы и решили поскорее заняться делом…

— Чем быстрее мы вытянем из Малфоя признание, тем лучше, — прорычал Рон. — Знаешь, что я думаю? Он был так зол после матча по Квиддитчу, что отыгрался на Колине.

— Есть ещё кое-что, — сказал Гарри, наблюдая, как Гермиона отрывает пучки птичьего горца и бросает их в зелье. — Сегодня ночью меня навестил Добби.

Рон и Гермиона в изумлении посмотрели на него. Гарри рассказал им всё, о чём рассказал ему Добби… или чего не рассказал. Гермиона и Рон

слушали, открыв рты.

— Тайную Комнату открывали раньше? — спросила Гермиона.

— Это всё проясняет, — торжествующе произнёс Рон. — Люциус Малфой, должно быть, открывал Комнату, когда ещё учился в Хогвартсе, а теперь рассказал старому доброму Драко, как это сделать. Всё очевидно. Хотя, жаль, что Добби не рассказал тебе, что за чудовище находится там внутри. Мне бы хотелось узнать, почему никто не смог его обнаружить, когда оно шаталось по школе.

— Может быть, оно может становиться невидимым, — сказала Гермиона, вываливая пиявок на дно котла. — Или, может, оно способно замаскироваться под что-то… притвориться доспехами или ещё чем-нибудь. Я читала об упырях-хамелеонах…

— Ты слишком много читаешь, Гермиона, — сказал Рон, высыпая мёртвых златоглазок сверху на пиявок. Он встряхнул пустую сумку и обернулся к Гарри.

— Так значит, Добби помешал нам сесть на поезд и сломал тебе руку… — он покачал головой. — Знаешь, что, Гарри? Если он не прекратит спасать тебе жизнь, то попросту убьёт тебя.

* * *

Новость о том, что на Колина Криви совершено нападение, и он теперь, словно мёртвый, лежит в больничном крыле, распространилась в понедельник утром по всей школе. Неожиданно воздух наполнился всевозможными слухами и подозрениями. Первогодки теперь передвигались по замку плотными группками, чтобы в случае нападения было не так страшно.

Джинни Уизли, которая сидела с Колином на уроках Заклинаний, теперь была сама не своя, но Гарри показалось, что Фред и Джордж как-то неправильно её подбадривают. Они по очереди покрывались шерстью или волдырями и внезапно выскакивали перед Джинни из-за поворотов и статуй. Они прекратили делать это, лишь когда Перси, которого, казалось, от гнева хватит удар, пообещал им написать миссис Уизли о том, что Джинни снятся кошмары.

Тем временем втайне от учителей в школе развернулась оживленная торговля талисманами, амулетами и прочими предметами защиты. Невилл Лонгботтом купил себе большую, злостно пахнущую зелёную луковицу, остроконечный сиреневый кристалл и гниющий хвост тритона

прежде, чем остальные мальчики из Гриффиндора объяснили, что ему опасность не грозила: он был чистокровным, а поэтому на него бы вряд ли напали.

— Сначала напали на Филча, — сказал Невилл с испугом на круглом лице, — а все знают, что я — почти что Сквиб.

* * *

Во вторую неделю декабря профессор МакГонагалл, как обычно, обходила учеников, составляя список детей, остающихся на Рождество. Гарри, Рон и Гермиона записались к ней в список. До них дошли слухи, что и Малфой остаётся, что показалось им очень подозрительным. Каникулы были идеальным временем для того, чтобы приготовить Многосущное Зелье и попытаться вытянуть из Малфоя признание.

К сожалению, зелье было готово только наполовину. Им всё ещё были нужны рог двурога и кожа бумсланга, и единственным местом, где всё это можно было достать, была личная кладовая Снейпа. Гарри был уверен, что ему лучше встретиться с легендарным чудовищем Слизерина, чем быть застигнутым Снейпом при ограблении его кабинета.

— Что нам нужно, — оживлённо сказала Гермиона в четверг днём, перед приближавшимся сдвоенным уроком Зельеварения, — так это отвлечь внимание. Тогда один из нас сможет проскользнуть в кабинет Снейпа и взять то, что нам нужно.

Гарри и Рон нервно посмотрели на неё.

— Думаю, красть лучше мне, — продолжила Гермиона, как ни в чём не бывало. — Если вы ещё раз влипнете в историю, вас исключат, а у меня чистая репутация. Так что всё, что вам следует сделать, это задержать Снейпа на пять минут или около того.

Гарри слабо улыбнулся. Намеренно устраивать беспорядки на уроках Зельеварения Снейпа было так же безопасно, как и тыкать в глаз спящего дракона.

Уроки Зельеварения проходили в одном из самых больших подземелий. В четверг урок шёл как обычно. Двадцать дымящихся котлов стояли между деревянными партами. На партах стояли медные весы и банки с ингредиентами. Снейп бродил сквозь пар, делая замечания по работе гриффиндорцев, в то время как слизеринцы довольно хихикали. Драко Малфой, который был любимчиком Снейпа, пулялся глазами рыбы-

луны в Рона и Гарри, которые знали, что если ответят тем же, будут наказаны раньше, чем успеют сказать слово «нечестно».

Раздувающее Зелье, которое готовил Гарри, уже грозило перелиться через край, но голова Гарри была занята более важными вещами. Он ждал сигнала от Гермионы и почти не слушал Снейпа, когда тот остановился, чтобы поиздеваться над его жиденьким зельем. Как только Снейп перешёл к Невиллу, Гермиона поймала взгляд Гарри и кивнула.

Гарри спрятался за свой котёл, вынул из кармана один из фейерверков Флибустьера, позаимствованный у Фреда, и быстро ткнул в него своей волшебной палочкой. Фейерверк начал искриться и шипеть. Зная, что у него есть лишь пара секунд, Гарри выпрямился, прицелился и подбросил фейерверк. Он угодил прямо в цель — в котёл Гойла.

Зелье Гойла взорвалось, обрызгав весь класс. Ученики завизжали, когда в них попали брызги Раздувающего Зелья. Малфой получил порцию в лицо, и нос его стал раздуваться, как воздушный шар; Гойл носился по кабинету, прикрывая руками глаза размером с блюдца, пока Снейп пытался восстановить порядок и выяснить, что произо-

шло. Среди всей этой суматохи Гарри увидел, как Гермиона тихонько выскользнула через дверь.

— Тихо! ТИХО! — взревел Снейп. — Все, на кого попало зелье — подойдите сюда, чтобы получить порцию Уменьшающего Отвара. Когда я выясню, кто это натворил…

Гарри постарался не засмеяться, увидев, как Малфой торопится к столу Снейпа. Голова его склонялась вниз под тяжестью огромного носа, похожего на маленькую дыню.

Когда полкласса сбежалось для исцеления, некоторых тянули вниз руки, похожие на дубинки, а другие не могли разговаривать из-за огромных раздувшихся губ, Гарри увидел, как Гермиона проскользнула обратно в подземелье с оттопыренной спереди мантией.

Когда все получили по глотку противоядия, и все опухоли спали, Снейп подошёл к котлу Гойла и выловил оттуда скукоженные чёрные остатки фейерверка. Воцарилась тишина.

— Если я когда-нибудь узнаю, кто это бросил, — прошептал Снейп, — я лично прослежу, чтобы этот человек был исключён.

Гарри придал лицу озадаченное, как он надеялся, выражение. Снейп смотрел прямо на него, и звонок, прозвучавший десятью минутами позже,

был как нельзя кстати.

— Он знал, что это я, — сказал Гарри Рону и Гермионе, когда они поспешно вернулись в туалет Плаксы Миртл. — Я это понял.

Гермиона бросила новые ингредиенты в котёл и лихорадочно начала их перемешивать.

— Оно будет готово через две недели, — радостно сообщила она.

— Снейп не сможет доказать, что это был ты, — уверил Рон Гарри. — Что он сделает?

— Зная Снейпа — что-нибудь мерзкое, — сказал Гарри, когда зелье вспенилось и забулькало.

* * *

Неделей позже, проходя через вестибюль, Рон, Гарри и Гермиона заметили толпу школьников, которые собрались возле доски объявлений и читали объявление на кусочке пергамента, который только что прикрепили к доске. Шеймус Финниган и Дин Томас радостно подозвали их.

— Открывается Клуб Дуэлянтов! — сказал Шеймус. — Первое собрание — сегодня вечером! Я бы не отказался от уроков дуэльного мастерства. В такое время они были бы кстати…

— Ты что, думаешь, что чудовище Слизерина может вызвать тебя на дуэль? — сказал Рон, но

также прочёл объявление с большим интересом.

— Это может быть полезно, — сказал он Гарри и Гермионе, когда они отправились на ужин. — Пойдём?

Гарри и Гермиона с радостью согласились, так что в восемь часов вечера они поспешили в Большой Зал. Длинные обеденные столы исчезли, зато вдоль одной из стен появился огромный золотой помост, залитый светом множества свечей, висевших наверху. Потолок снова был бархатно-чёрным, и, казалось, большая часть учеников собралась под ним, все с палочками и в состоянии радостного возбуждения.

— Интересно, кто будет нас учить? — спросила Гермиона, когда они подошли к гомонящей толпе. — Кто-то рассказывал мне, что Флитвик в молодости был чемпионом по дуэлям, может, это будет он.

— Только бы не… — начал Гарри, но фразу закончил стоном: на помост всходил Гилдерой Локхарт, неотразимый в своей мантии сливового цвета, а сопровождал его никто иной, как Снейп, как обычно, в чёрном.

Локхарт взмахнул рукой, добиваясь тишины, и прокричал:

— Подходите, подходите! Всем ли меня видно?

Всем ли меня слышно? Превосходно!

Профессор Дамблдор дал мне разрешение основать небольшой Клуб Дуэлянтов для того, чтобы как следует натренировать вас на тот случай, если вам понадобится защитить себя так, как бесчисленное множество раз делал это я… подробности в моих книгах.

Позвольте мне представить моего помощника, профессора Снейпа, — сказал Локхарт, сверкнув широкой улыбой. — Он сказал мне, что сам знает о дуэлях совсем немного, и ради интереса согласился помочь мне с маленькой демонстраций, прежде чем мы начнём. Но я не хочу, чтобы вы, мои юные друзья, переживали — не бойтесь, у вас останется ваш преподаватель Зельеварения, когда я закончу!

— Было бы чудесно, если бы они прикончили друг друга, правда? — пробормотал на ухо Гарри Рон.

Верхняя губа Снейпа искривилась. Гарри было интересно, почему Локхарт до сих пор улыбается. Если бы Снейп так смотрел на него, он давно уже бежал бы со всех ног в противоположном направлении.

Локхарт и Снейп повернулись друг к другу и поклонились. По крайней мере, Локхарт покло-

нился, затейливо изгибая руки, тогда как Снейп просто дёрнул головой. Затем они наподобие мечей подняли перед собой свои волшебные палочки.

— Как видите, мы держим наши палочки в общепринятой боевой позиции, — сообщил Локхарт притихшей толпе. — На счет три мы произнесём первое заклинание. Ни один из нас, конечно, не собирается убивать другого.

— Я бы этого не сказал, — прошептал Гарри, видя, как оскалился Снейп.

— Раз… два… три…

Оба взмахнули палочками. Снейп крикнул: «Экспеллиармус!». Сверкнула ослепительная вспышка ярко-красного цвета, и Локхарта снесло с ног. Он спиной вперёд улетел с помоста, врезался в стену и сполз по ней, растянувшись на полу.

Малфой и кое-кто из Слизеринцев заулюлюкали. Гермиона приплясывала на цыпочках.

— По-вашему, с ним всё в порядке? — пропищала она сквозь пальцы.

— Какая разница? — хором сказали Гарри и Рон.

Локхарт неуверенно поднимался на ноги. Шляпа свалилась с него, а волнистые волосы встали дыбом.

— Ну вот, пожалуйста! — сказал Локхарт, возвращаясь на помост. — Это было Разоружающее Заклинание… как видите, я потерял свою волшебную палочку… спасибо, мисс Браун. Да, это была отличная идея — показать им это заклинание, профессор Снейп, но согласитесь, это было слишком очевидно, что вы сейчас это сделаете. Если бы я захотел остановить вас, это было бы слишком просто. Однако я подумал, что это будет поучительно, если они увидят…

Казалось, Снейп сейчас его убьёт. Возможно, и Локхарт заметил это, потому что быстро сказал:

— Достаточно показательных выступлений! Сейчас я подойду к вам и разобью всех по парам. Профессор Снейп, если вы хотите мне помочь…

Они пробирались сквозь толпу, ставя всех парами. Локхарт поставил Невилла с Джастином Финч-Флетчли, но Снейп добрался до Гарри и Рона первым.

— Думаю, пора разлучить сладкую парочку, — усмехнулся он. — Уизли, ты будешь партнером Финнигана. Поттер…

Гарри машинально пододвинулся к Гермионе.

— Не думаю, — холодно улыбаясь, сказал Снейп. — Мистер Малфой, подойдите сюда. Посмотрим, как вы справитесь со знаменитым

Поттером. А вы, мисс Грэйнджер… можете встать в пару с мисс Булстроуд.

Малфой, ухмыляясь, подошёл к Гарри. За ним шла одна из Слизеринских девочек, которая напомнила Гарри картинку из «Выходных с Ведьмами». Она была квадратной и огромной, а её здоровенная нижняя челюсть грозно выдавалась вперёд. Гермиона слабо улыбнулась ей, но она не ответила на улыбку.

— Встаньте лицом к своему партнёру, — крикнул Локхарт, возвращаясь на помост, — и поклонитесь!

Гарри и Малфой едва склонили головы, не сводя друг с друга глаз.

— Палочки в исходное положение! — прокричал Локхарт. — Когда я сосчитаю до трёх, произнесите заклинание, чтобы обезоружить партнера… только обезоружить… нам не нужны несчастные случаи. Раз… два… три…

Гарри замахнулся палочкой, но Малфой начал уже на счёте «два». Его заклинание ударило Гарри так сильно, словно его двинули по голове кастрюлей. Он чуть не упал, но всё, похоже, было в порядке, и, больше не теряя времени, Гарри направил палочку на Малфоя и прокричал: «Риктусемпра!»

Серебристая вспышка угодила Малфою в живот, и тот согнулся пополам и завизжал.

— Я сказал только обезоружить! — обеспокоено прокричал Локхарт поверх толпы, занятой дуэлью, когда Малфой упал на колени. Гарри сразил его Заклинанием Щекотки, и тот едва мог пошевелиться от смеха. Гарри отступил, полагая, что напасть на Малфоя, лежащего на полу, будет нечестно, но он ошибся. Еле дыша, Малфой направил на колени Гарри палочку, выдавил: «Таранталлегра!», и в следующую секунду ноги Гарри вышли из-под его контроля и стали дёргаться в разные стороны, отбивая какое-то подобие чечётки.

— Хватит! Хватит! — заорал Локхарт, но Снейп всё уладил.

— Фините Инкантатем! — крикнул он; ноги Гарри прекратили танец, Малфой перестал смеяться, и оба смогли, наконец, осмотреться.

Над происходящим висела завеса зеленоватого дыма. Невилл и Джастин лежали на полу, тяжело дыша; Рон поддерживал мертвенно-бледного Шеймуса, извиняясь за всё, что натворила его сломанная волшебная палочка; но Гермиона и Миллисент Булстроуд всё ещё двигались; Миллисент зажала всей рукой шею Гермионы в мощной

хватке, Гермиона кричала от боли. Их палочки валялись на полу забытыми. Гарри прыгнул вперед и отцепил Миллисент. Это далось нелегко — она была в несколько раз больше него.

— Боже, боже, — сказал Локхарт, пробираясь сквозь толпу и осматривая результаты дуэлей. — Вставайте, Макмиллан… Осторожно, мисс Фосетт… Зажмите посильнее, и кровотечение тут же прекратится, Бут…

— Наверное, мне лучше научить вас блокировать недружелюбные заклинания, — сказал Локхарт, останавливаясь посреди зала. Он взглянул на Снейпа, чьи чёрные глаза блестели, и быстро отвёл взгляд.

— Мне нужна пара добровольцев… Лонгботтом и Финч-Флетчли, как насчет вас?

— Плохая идея, профессор Локхарт, — сказал Снейп, скользя к нему наподобие большой и злобной летучей мыши. — Лонгботтом крушит всё вокруг даже самими простыми заклинаниями. Нам придётся послать то, что останется от Финч-Флетчли, в больничное крыло в спичечном коробке. — Розовое лицо Невилла ещё больше порозовело. — Как насчёт Малфоя и Поттера? — произнёс Снейп и криво ухмыльнулся.

— Превосходная идея! — сказал Локхарт, под-

зывая Гарри и Малфоя в середину зала, а толпа отошла назад, освобождая им место.

— Итак, Гарри, — сказал Локхарт, — когда Драко направит на тебя свою волшебную палочку, делай вот так.

Он поднял свою собственную палочку, попытался покрутить ею как-нибудь позапутаннее и уронил. Снейп ухмыльнулся, когда Локхарт быстро поднял её и сказал:

— Ой… моя палочка немножко разыгралась.

Снейп подвинулся ближе к Малфою, наклонился и прошептал что-то ему на ухо. Малфой тоже ухмыльнулся. Гарри нервно посмотрел на Локхарта и сказал:

— Профессор, не могли бы вы показать эту защиту ещё раз?

— Испугался? — пробормотал Малфой так, чтобы Локхарт не смог его услышать.

— Размечтался, — еле заметно ответил Гарри.

Локхарт подбадривающе похлопал Гарри по плечу.

— Просто сделай то же, что делал я, Гарри!

— Что, уронить палочку?

Но Локхарт его не слушал.

— Три… два… один… начали! — крикнул он.

Малфой быстро поднял свою палочку и крик-

нул: «Серпенсортия!»

Из кончика его палочки раздался взрыв. Гарри в оцепенении наблюдал, как из неё вылетела огромная чёрная змея, с грохотом свалилась на пол между ними и поднялась, готовая напасть. Толпа завизжала и отступила назад.

— Не двигайся, Поттер, — лениво произнёс Снейп, явно наслаждаясь видом неподвижного Гарри, столкнувшегося лицом к лицу с разъярённой змеёй. — Я от неё избавлюсь.

— Позвольте мне! — закричал Локхарт. Он направил на змею свою палочку, раздался грохот, и змея, вместо того, чтобы исчезнуть, подлетела на десять футов в воздух, и затем упала на пол с громким шлепком. Разозлившись ещё больше и злобно шипя, она подползла прямо к Джастину Финч-Флетчли, поднялась, оголила клыки и приготовилась к атаке.

Гарри не понял, почему он так поступил. Он сам не понимал, как решился на это. Всё что он знал, это что ноги несли его вперёд, словно на шарнирах, и что он просто закричал змее: «Оставь его!» И чудесным образом — по непонятной причине — змея упала на пол и стала похожа на толстый чёрный садовый шланг, теперь уставившись на Гарри. Гарри почувствовал, как страх покидает

его. Он знал наверняка, что теперь змея ни на кого не нападёт, хотя каким образом он это узнал, объяснить он не мог.

Он улыбнулся и посмотрел на Джастина, ожидая увидеть на его лице облегчение, удивление или даже благодарность… но никак не злобу и страх.

— Что это ещё за шуточки? — закричал он, и, прежде чем Гарри смог что-то сказать, Джастин развернулся и пулей вылетел из Зала.

Снейп выступил вперёд, взмахнул палочкой, и змея исчезла в маленьком облаке чёрного дыма. Снейп тоже смотрел на Гарри с очень неожиданным выражением — это был пронизывающий изучающий взгляд, и Гарри он не нравился. Он слышал, как зловещий шёпот раздаётся вдоль стен. Затем он почувствовал, как кто-то тянет его за мантию.

— Пойдём, — произнёс возле уха голос Рона. — Давай… пошли…

Рон потащил его из зала, Гермиона спешила за ними. Когда они выходили в дверь, люди с обеих сторон разошлись, словно боялись что-то подцепить. Гарри понятия не имел, что происходит, и ни Рон, ни Гермиона ничего не объясняли ему, пока они не приволокли его в пустую гостиную

Гриффиндора. Затем Рон усадил Гарри в кресло и сказал:

— Так ты — Змееуст. Почему же нам не рассказал?

— Кто я? — спросил Гарри.

— Змееуст! — сказал Рон. — Ты можешь разговаривать со змеями!

— Я знаю, — сказал Гарри. — То есть, я делал это всего лишь во второй раз. Однажды в зоопарке я случайно натравил боа-констриктора на своего кузена Дадли… долгая история… но он сказал мне, что никогда не видел Бразилию, а я вроде как освободил его, сам того не желая. Это было до того, как я узнал, что я — волшебник…

— Боа-констриктор сказал тебе, что никогда не видел Бразилию? — слабо повторил Рон.

— Ну и что? — сказал Гарри. — Готов поспорить, что многие здесь так могут.

— О нет, не могут, — ответил Рон. — Это очень редкий дар, Гарри, и это плохо.

— Что — плохо? — спросил Гарри, чувствуя, что начинает злиться. — Да что со всеми такое? Послушайте, если бы я не сказал этой змее не нападать на Джастина…

— Так вот, что ты ей сказал?

— В смысле? Ты же там был… ты меня слы-

шал…

— Я слышал, как ты говорил на языке Змееустов, — сказал Рон, — змеином языке. Ты мог говорить что угодно. Не удивительно, что Джастин испугался, это звучало так, будто ты науськивал змею или ещё чего. Это было страшно.

Гарри вытаращился на него.

— Я разговаривал на другом языке? Но… я этого не знал… как я могу говорить на каком-то языке и не знать, что я на нём разговариваю?

Рон покачал головой. Они с Гермионой выглядели так, словно кто-то умер. Гарри не мог понять, что такого ужасного произошло.

— Не желаете ли рассказать, что страшного в том, что я остановил огромную грязную змею, которая собиралась откусить Джастину голову? — спросил он. — Разве важно, как я это сделал, если Джастину не нужно присоединяться к Безголовой Охоте?

— Это важно, — наконец приглушённо сказала Гермиона, — потому что Салазар Слизерин был знаменит именно своей способностью разговаривать со змеями. Вот почему символом Слизерина является змея.

У Гарри отвисла челюсть.

— Вот именно, — сказал Рон. — А теперь вся

школа будет думать, что ты его пра-пра-пра-правнук или что-то в этом роде…

— Но это не так, — с ужасом, которого он сам не смог бы объяснить, произнес Гарри.

— Теперь это будет очень трудно доказать, — сказала Гермиона. — Он жил тысячу лет тому назад. И, судя по тому, что мы знаем, ты вполне можешь быть его родственником.

* * *

Той ночью Гарри долго не мог заснуть. Через зазор в драпировке кровати он наблюдал, как снег начал пролетать мимо окна башни, и много думал.

Может ли он быть потомком Салазара Слизерина? В конце концов, он ничего не знает о семье своего отца. Дёрсли всегда запрещали ему задавать вопросы о его волшебных родственниках.

Гарри постарался тихо произнести что-нибудь на языке Змееустов. Но слова не выходили. Похоже, надо столкнуться лицом к лицу со змеёй, чтобы заговорить на нём.

— Но я же в Гриффиндоре, — думал Гарри, — Распределяющая Шляпа не отправила бы меня сюда, если бы во мне текла кровь Слизерина…

— Да, — сказал противный тоненький голо-

сок в его голове. — Но Распределяющая Шляпа хотела отправить тебя в Слизерин, разве ты не помнишь?

Гарри повернулся на другой бок. Завтра он увидится с Джастином на Гербологии и объяснит ему, что не хотел натравить змею, а наоборот, отзывал её, что (со злостью думал он, сминая подушку) любому дураку должно быть понятно.

* * *

Однако на следующее утро снег, который начался ночью, превратился в метель, и последний урок семестра по Гербологии отменили: профессор Спраут захотела надеть на Мандрагоры носки и шарфы, и это была сложная операция, которую она никому бы не доверила, теперь, когда было так важно, чтобы Мандрагоры выросли поскорее и оживили Миссис Норрис и Колина Криви.

Гарри делился своими переживаниями, сидя у камина в гостиной Гриффиндора, а Рон и Гермиона убивали свободное время, играя в волшебные шахматы.

— Ради всего святого, Гарри, — раздражённо сказала Гермиона, (В оригинале партию играют две фигуры — bishop (епископ) и knight (рыцарь), но если перевести названия фигур на русский, то

получится, что слон сбивает с коня коня) когда один из слонов Рона сбросил её ферзя с коня и поволок его с доски. — Пойди и найди Джастина, раз это для тебя так важно.

Поэтому Гарри поднялся и вылез через дыру за портретом, размышляя о том, где сейчас мог быть Джастин.

В замке было темнее, чем обычно бывало днем, потому что у окон кружилась пелена серого снега. Дрожа от холода, Гарри прошёл мимо классов, где проходили занятия, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Профессор МакГонагалл кричала на кого-то, кто, судя по всему, превратил друга в барсука. Поборов желание заглянуть внутрь, Гарри прошел мимо, подумав, что Джастин, скорее всего, использует свое свободное время, чтобы немного поработать, и решив первым делом отправиться в библиотеку.

Группа учеников из Хаффлпаффа, у которых должна была быть Гербология, действительно сидели в дальнем конце библиотеки, но, похоже, занимались вовсе не учёбой. Между длинными книжными полками Гарри увидел, что они близко наклонились друг к другу и были увлечены беседой. Ему не удалось рассмотреть, есть ли среди них Джастин. Он как раз шёл к ним, когда

до его ушей долетели обрывки их разговора, и он остановился, чтобы послушать, спрятавшись в разделе Невидимости.

— Ну и вот, — сказал крепкий мальчик, — я подсказал Джастину спрятаться в нашей спальне. Ведь если Поттер наметил его следующей жертвой, то лучше ему какое-то время не высовывать носа. Конечно, Джастин ждал чего-то такого с тех пор, как проболтался Поттеру, что он — маглорожденный. Он даже рассказал ему, что его хотели направить в Итон. По-моему, с наследником Слизерина, сорвавшимся с поводка, о таких вещах не треплются.

— Ты точно думаешь, что это Поттер, Эрни? — беспокойно спросила девочка с двумя светлыми хвостиками.

— Ханна! — сказал крепкий мальчик, — он Змееуст. Каждому известно, что это признак тёмного волшебника. Ты когда-нибудь слышала, чтобы порядочный волшебник разговаривал со змеями? Самого Слизерина называли Змеиный Язык.

После этих слов начался оживлённый шёпот, и Эрни продолжил:

— Помните, что было написано на стене? «Враги наследника, берегитесь!» Поттер поссорился с Филчем. И сразу после этого на кошку Филча на-

пали. Тот первокурсник, Криви, надоел Поттеру во время матча по Квиддитчу, фотографировал, когда тот лежал в грязи. И сразу после этого на Криви напали.

— Но он всегда казался таким милым, — неуверенно сказала Ханна, — и это ведь он заставил исчезнуть Сами-Знаете-Кого. Он ведь не может быть плохим, правда?

Эрни загадочно понизил голос, хаффлпаффцы наклонились ещё ближе, а Гарри придвинулся, чтобы расслышать слова Эрни.

— Никто не знает, почему он выжил после нападения Сами-Знаете-Кого. Он ведь был младенцем, когда это случилось. Он должен был разлететься на кусочки. Только очень сильный Тёмный Волшебник мог выжить после такого проклятия. — Он понизил голос почти до шёпота и сказал. — Наверное, поэтому Сами-Знаете-Кто и хотел убить его. Он не хотел конкуренции со стороны ещё одного Тёмного Лорда. Интересно, какие ещё силы скрывает Поттер?

Гарри больше не мог этого вынести. Громко прокашлявшись, он вышел из своего укрытия за книжными шкафами. Если бы он не был так зол, то картина умилила бы его: при виде его все хаффлпаффцы замерли, словно окаменев, а лицо

Эрни начало бледнеть.

— Привет, — сказал Гарри. — Я ищу Джастина Финч-Флетчли.

Самые худшие опасения хаффлпаффцев подтвердились. Все они в страхе посмотрели на Эрни.

— Что тебе от него нужно? — спросил Эрни дрожащим голосом.

— Я хочу рассказать ему, что на самом деле произошло с той змеей в Клубе Дуэлянтов, — сказал Гарри.

Эрни облизнул свои белые губы и, набрав воздуха, сказал:

— Мы все там были. Мы видели, что произошло.

— Тогда вы заметили, что после разговора со мной змея от него отстала? — сказал Гарри.

— Я лишь видел, — упрямо повторил Эрни, хотя его и трясло от страха, — что ты разговаривал на языке Змееустов и натравливал змею на Джастина.

— Я не натравливал её! — крикнул Гарри, и голос его задрожал от гнева. — Она его даже не тронула!

— Она просто чуть-чуть промахнулась, — сказал Эрни. — И, если тебе интересно, — добавил он

поспешно, — можешь проверить моих родственников до девятого колена, все они были магами и колдуньями, а кровь моя чиста, так что…

— Да мне плевать на твою кровь! — разъярённо сказал Гарри. — Зачем мне нападать на маггловорожденных?

— Я слышал, ты ненавидишь тех магглов, у которых живёшь, — быстро сказал Эрни.

— Нельзя жить с Дёрсли и не ненавидеть их, — сказал Гарри. — Я бы на тебя посмотрел.

Он резко повернулся и вылетел из библиотеки, заработав недовольный взгляд мадам Пинс, тщательно полировавшей позолоченную обложку большой книги заклинаний.

Гарри нёсся по коридору, от злости едва замечая, куда идёт. В итоге, он налетел на что-то большое и твёрдое и отскочил назад, упав на пол.

— Привет, Хагрид, — сказал Гарри, взглянув вверх.

Лицо Хагрида скрывал запорошённый снегом шерстяной вязаный шлем, но это не мог быть никто иной, потому что в своём кротовом пальто он занимал почти весь коридор. С одной из его больших рук в перчатках свисал дохлый петух.

— Как дела, Гарри? — спросил Хагрид, оттянув

шлем, чтобы можно было говорить. — Ты почему не на занятиях?

— Отменили, — поднимаясь ответил, Гарри. — А ты что здесь делаешь?

Хагрид показал безжизненного петуха.

— Уже второго убили за семестр, — объяснил он. — Это либо лисы, либо Бука-Кровопийца, и мне нужно разрешение директора, чтобы оградить курятник заклинанием.

Он внимательнее присмотрелся к Гарри из-под густых припорошенных снегом бровей.

— Ты уверен, что всё в порядке? Какой-то ты обеспокоенный.

Гарри не смог заставить себя повторить то, что о нём говорили Эрни и другие хаффлпаффцы.

— Всё нормально, — сказал он. — Я лучше пойду, Хагрид, следующим уроком у нас Трансфигурация, и мне ещё нужно взять учебники.

Он пошёл дальше, всё ещё думая о том, что сказал о нём Эрни.

«Джастин ждал чего-то такого с тех пор, как проболтался Поттеру, что он — магглорожденный…»

Гарри поднялся по лестнице и свернул в очередной коридор, который был особенно тёмным; факелы погасли от сильного ледяного ветра,

который дул сквозь выпавший ромбик на окне. Гарри уже преодолел половину пути, как вдруг споткнулся обо что-то на полу.

Он обернулся и прищурился, чтобы увидеть, на что же он налетел, и почувствовал, как желудок его сжался.

На полу лежал неподвижный и холодный Джастин Финч-Флетчли, удивлённое выражение застыло на его лице, а глаза уставились в потолок. И это было ещё не всё. Рядом с ним была ещё одна фигура, и это была самая странная вещь, которую Гарри видел в своей жизни.

Это был Почти Безголовый Ник, который больше не был жемчужно-белым и прозрачным, а стал чёрным и дымчатым. Он застыл в воздухе, примерно в шести дюймах от пола, в горизонтальном положении. Его голова наполовину отвалилась, а на лице было тоже удивлённое выражение, что и у Джастина.

Тяжело дыша, Гарри поднялся на ноги. Сердце барабанной дробью стучало о рёбра. Он окинул взглядом пустынный коридор и увидел вереницу пауков, со всех ног убегавших от неподвижных тел. Единственным звуком, доносившимся сюда, были приглушённые голоса учителей из классов по обеим сторонам коридора.

Он мог бы убежать, и никто никогда не узнал бы, что он здесь был. Но он не мог просто оставить их здесь… нужно было позвать на помощь. Но поверит ли кто-нибудь, что он не имеет к этому отношения?

Пока он стоял на месте и паниковал, прямо рядом с ним с грохотом открылась дверь. Из неё вылетел полтергейст Пивз.

— Да это же пупсик Поттер! — закудахтал Пивз, пролетая мимо и сбивая Гарри набок очки. — Что же задумал Поттер? Почему же Поттер прячется…

Пивз остановился, замерев посреди сальто в воздухе. Зависнув вверх ногами, он увидел Джастина и Почти Безголового Ника. Он перевернулся, набрал полную грудь воздуха и, прежде чем Гарри смог остановить его, заорал:

— НАПАДЕНИЕ! НАПАДЕНИЕ! ЕЩЁ ОДНО НАПАДЕНИЕ! ВСЕ СМЕРТНЫЕ И ПРИЗРАКИ В ОПАСНОСТИ! СПАСАЙТЕ СВОИ ЖИЗНИ! НАПАДЕНИЕ!

Бах — бах — бах — двери вдоль коридора распахивалась одна за другой, из них высыпали люди. В течение нескольких длинных минут царила такая неразбериха, что Джастина чуть было не раздавили, а некоторые то и дело вста-

вали прямо в Почти Безголового Ника. Гарри обнаружил, что, пока учителя пытались всех успокоить, его прижали к стене. Прибежала профессор МакГонагалл, а за ней — весь её класс. У одного из учеников волосы до сих пор были раскрашены в чёрно-белую полоску. Она с грохотом, восстановившим тишину, взмахнула палочкой и приказала всем возвращаться в классы. Не успели все разойтись, как, тяжело дыша, прибежал Эрни из Хаффлпаффа.

— Пойман на месте преступления! — побледнев, заорал он, театральным жестом указывая на Гарри.

— Довольно, Макмиллан, — отрезала профессор МакГонагалл.

Пивз всё ещё парил вверху, злобно ухмыляясь и осматривая место происшествия. Он просто обожал всяческий беспорядок. Когда учителя склонились над Джастином и Почти Безголовым Ником, обследуя их, Пивз запел:

На нашего Поттера нету управы,

Он всех убивает ради забавы…

— Хватит, Пивз! — рявкнула профессор МакГонагалл, и Пивз улетел прочь задом наперёд, показывая Гарри язык.

Профессор Флитвик и профессор Синистра из

отдела астрономии отнесли Джастина в лазарет, но, похоже, никто понятия не имел, что делать с Почти Безголовым Ником. В конце концов, профессор МакГонагалл сотворила большой веер и передала его Эрни, наказав поднять Почти Безголового Ника по лестнице. И Эрни махал веером на Ника, а тот плыл, как большой чёрный дирижабль. Профессор МакГонагалл и Гарри остались одни.

— Сюда, Поттер, — сказала она.

— Профессор, — быстро сказал Гарри, — клянусь, я не…

— Это не в моей компетенции, Поттер, — сказала профессор.

В полной тишине они повернули за угол и остановились возле огромной и жутко безобразной каменной гаргулии.

— Лимонный шербет! — сказала она. Видимо, это был пароль, потому что гаргулия внезапно ожила, отступила в сторону, а стена за ней разделилась надвое. Даже охваченный страхом перед тем, что ждало его впереди, Гарри не мог не удивиться. За стеной располагалась спиральная лестница, которая плавно двигалась вверх. Когда он с профессором МакГонагалл ступили на лестницу, Гарри услышал, как стена позади

них с шумом захлопнулась. Они поднимались кругами всё выше и выше, пока Гарри, которого немного укачало, наконец, не увидел перед собой сияющую дубовую дверь. На двери висел медный молоток в форме грифона.

Он знал, куда его вели. Это наверняка было то место, где жил Дамблдор.

12. Многосущное Зелье

Они сошли с каменной лестницы на самом верху, и профессор МакГонагалл постучала в дверь. Та бесшумно открылась, и они вошли внутрь. Профессор МакГонагалл велела Гарри подождать и ушла, оставив его одного.

Гарри огляделся. Одно он знал наверняка: среди всех учительских кабинетов, в которых он побывал за этот год, кабинет Дамблдора был самым интересным. Если бы он так не беспокоился об исключении из школы, он был бы очень рад случаю осмотреться.

Это была большая красивая круглая комната, наполненная странными тихими звуками. На столах с ножками, похожими на веретено, стояли странные серебряные инструменты, которые крутились и испускали тоненькие струйки дыма. Стены были увешаны портретами прежних директоров и директрис, и все они мирно дремали в своих рамках. Ещё там стоял огромный стол на когтистых лапах, а за ним на полке лежала изношенная и потёртая волшебная шляпа — Распределяющая Шляпа.

Гарри заколебался. Он осторожно оглядел спящих на стенах ведьм и чародеев. Но ведь ничего страшного не произойдёт, если он возьмёт Шляпу и снова примерит её? Просто чтобы проверить… просто убедиться, что она отправила его в правильный Дом.

Он тихо обошел стол, взял с полки Шляпу и медленно опустил себе на голову. Она была слишком большой и сразу же соскользнула ему на глаза, так же, как и в прошлый раз. Гарри ждал, уставившись на чёрные внутренности Шляпы. А затем тоненький голосок заговорил ему в ухо:

— Что-то беспокоит, Гарри Поттер?

— Эм, да, — пробормотал Гарри. — Э… простите, что беспокою… я хотел спросить…

— Тебе было интересно, в правильный ли Дом я тебя отправила, — сказала Шляпа. — Да… определить тебя куда-то было особенно сложно. Но я настаиваю на том, что сказала ранее… — у Гарри ёкнуло сердце, — ты отлично проявил бы себя в Слизерине.

У Гарри скрутило живот. Он схватил Шляпу за кончик и стащил её с себя. Она безжизненно повисла у него в руке, грязная и тусклая. Гарри с отвращением положил её обратно на полку.

— Ты ошибаешься! — сказал он неподвижной

и безмолвной Шляпе. Она не шелохнулась. Гарри попятился, разглядывая её. В этот момент странный звук, словно кто-то задыхался, заставил его обернуться.

Оказалось, он был не один. На золотом насесте рядом с дверью сидела с виду дряхлая птица, напоминавшая полуощипанного индюка. Гарри пристально посмотрел на неё, а птица бросила на него несчастный взгляд, вновь издав тот же звук, словно что-то застряло у неё в горле. Гарри показалось, что она больна. У неё был тусклый взгляд, и даже за то время, пока Гарри смотрел на неё, из её хвоста успела выпасть ещё пара перьев.

Не успел Гарри подумать, что ему не хватало лишь, чтобы птица Дамблдора умерла, пока он был с ней наедине в кабинете, как птицу охватило пламя.

Гарри в ужасе завопил и, попятившись, наткнулся на стол. Он начал лихорадочно оглядываться в поисках стакана с водой, но всё напрасно. А птица, тем временем, превратилась в огненный шар; она издала ещё один крик, и через секунду от неё осталась лишь тлеющая кучка пепла на полу.

Дверь кабинета открылась. В неё вошёл Дамблдор, который выглядел мрачно.

— Профессор, — ахнул Гарри, — ваша птица… я ничего не смог сделать… она просто загорелась…

К изумлению Гарри, Дамблдор улыбнулся.

— Самое время, — сказал он. — Он уже давно выглядел ужасно. Я говорил ему, что нужно переступить через себя.

Он ухмыльнулся, увидев ошеломлённое выражение лица Гарри.

— Фокс — это птица-феникс, Гарри. Фениксы сгорают, когда приходит время умирать, а потом возрождаются из пепла. Посмотри на него…

Гарри посмотрел вниз как раз вовремя и увидел, как маленькая морщинистая новорождённая птичка высовывает маленькую головку из золы. Выглядела она так же противно, как и предыдущая.

— Жаль, что ты увидел его в День Горения, — сказал Дамблдор, усаживаясь за стол. — Чаще он очень красивый, с чудесным красно-золотым оперением. Фениксы — удивительные создания. Они могут переносить большие тяжести, их слёзы обладают целебными свойствами, и, кроме того, из них получаются очень преданные питомцы.

Всё ещё находясь в шоке от того, что Фокс загорелся, Гарри позабыл, почему он здесь, но сразу же вспомнил, как только Дамблдор уселся за свой

стол на стул с высокой спинкой позади стола и внимательно посмотрел на Гарри пронзительным взглядом своих светло-голубых глаз.

Но не успел Дамблдор вымолвить и слова, как дверь с оглушительным грохотом распахнулась, и в комнату с бешеными глазами ввалился Хагрид. Его шлем сбился на затылок, а мёртвый петух всё ещё болтался в руке.

— Это не Гарри, профессор Дамблдор! — тут же сказал Хагрид. — Я разговаривал с ним буквально за несколько секунд до того, как нашли того паренька, он бы ни за что не успел, сэр…

Дамблдор пытался что-то ответить, но Хагрид продолжал тараторить, для убедительности размахивая петухом и разбрасывая перья во все стороны.

— …Это не мог быть он, если понадобится, я присягну в Министерстве Магии…

— Хагрид, я…

— …Вы взяли не того парня, я знаю, Гарри ни за что…

— Хагрид! — громко сказал Дамблдор. — Я не считаю, что Гарри напал на этих людей.

— А, — сказал Хагрид, и петух безжизненно повис у него сбоку. — Ладно. Тогда я подожду снаружи, директор.

И он смущённо удалился.

— Вы не считаете, что это я, профессор? — переспросил с надеждой Гарри, пока Дамблдор сметал со стола петушиные перья.

— Нет, Гарри, не считаю, — сказал Дамблдор, хотя его лицо снова помрачнело. — Но я всё равно хочу с тобой поговорить.

Гарри нервно ждал, пока Дамблдор рассматривал его, соединив кончики длинных пальцев.

— Я должен спросить тебя, Гарри, не хочешь ли ты рассказать мне что-нибудь, — мягко сказал он. — Что угодно.

Гарри не знал, что ответить. Он думал о крике Малфоя: «Вы следующие, грязнокровки!» и Многосущном Зелье, медленно кипевшем в туалете Плаксы Миртл. Потом он подумал про бестелесный голос, который слышал дважды, и о словах Рона: «Когда начинаешь слышать голоса, которые больше никому не слышны — это не хороший признак, даже в колдовском мире». Он подумал обо всём, что про него говорили, и про свой растущий страх, что он как-то связан с Салазаром Слизерином…

— Нет, — ответил Гарри, — ничего, профессор.

* * *

Двойное нападение на Джастина и Почти Безголового Ника превратило, то, что до сих пор можно было назвать нервозностью, в настоящую панику. Любопытно, что судьба Почти Безголового Ника, казалось, беспокоила людей больше всего. Все спрашивали друг у друга, кто мог сотворить такое с призраком, какая жуткая сила смогла навредить тому, кто уже мёртв. Это было похоже на какое-то бегство, когда все начали бронировать места на Хогвартс-Экспрессе, чтобы попасть домой на Рождество.

— Такими темпами останемся только мы, — сказал Рон Гарри и Гермионе. — Мы, Малфой, Крэбб и Гойл. Весёлый получится праздничек.

Крэбб и Гойл, которые всё повторяли за Малфоем, тоже записались в списки остающихся на праздники. Но Гарри был рад, что почти все уезжают. Он устал, что люди шарахались от него в коридоре, как будто он вот-вот выпустит клыки или плюнет ядом, устал от того, что все переговаривались, указывали пальцами и шипели, когда он проходил мимо.

Однако Фреду и Джорджу всё это казалось очень забавным. Они бросали все дела, лишь бы выша-

гивать перед Гарри по коридорам с криками:

— Дорогу наследнику Слизерина, идёт очень злой волшебник…

Перси совсем не одобрял такое поведение.

— Это не повод для смеха, — холодно сказал он.

— Да уйди ты с дороги, Перси, — сказал Фред, — Гарри спешит.

— Да, он торопится в Тайную Комнату на чашечку чая со своим клыкастым слугой, — усмехнулся Джордж.

Джинни это тоже не казалось забавным.

— Да перестаньте же, — вопила она каждый раз, когда Фред громко спрашивал у Гарри, на кого он собирается напасть следующим, или когда Джордж делал вид, что пытается отогнать Гарри большой связкой чеснока.

Гарри не возражал, ему становилось легче от того, что, по крайней мере, Фред и Джордж считали мысль о том, что он — наследник Слизерина, весьма нелепой. Но это шутовство, похоже, раздражало Драко Малфоя, который мрачнел с каждым разом, как они попадались ему на глаза за этим занятием.

— Это потому, что его распирает от желания заявить, что на самом деле это он, — заявил со знанием дела Рон. — Вы же знаете, как он нена-

видит проигрывать, а сейчас вся слава за его грязную работу досталась тебе.

— Ненадолго, — удовлетворённо сказала Гермиона. — Многосущное Зелье почти готово. Мы со дня на день добьемся от него правды.

* * *

Наконец семестр закончился, и тишина, глубокая, как снег на земле, опустилась на замок. Гарри она казалась скорее умиротворяющей, чем мрачной, и ему очень нравилось, что вся гриффиндорская башня была в распоряжении его, Гермионы и Уизли, что означало, что они могли шумно играть в Подрывного Дурака, не боясь кого-то побеспокоить, или без посторонних поупражняться в дуэльном искусстве. Фред, Джордж и Джинни предпочли остаться в школе, а не ехать в Египет в гости к Биллу с мистером и миссис Уизли. Перси, не одобрявший их, как он это называл, детское поведение, проводил мало времени в гостиной Гриффиндора. Он уже помпезно сообщил, что он — единственный, кто остался в школе на Рождество из-за своего долга как Префекта поддержать учителей в такое трудное время.

Наступило холодное светлое рождественское

утро. Гарри и Рона, которые остались в спальне одни, очень рано разбудила Гермиона, ворвавшись к ним в спальню уже полностью одетой и с подарками в руках.

— Просыпайтесь, — громко сказала она, раздвигая занавески на окнах.

— Гермиона… тебе сюда нельзя, — сказал Рон, закрываясь от света.

— И тебе счастливого Рождества, — сказала Гермиона, бросив ему его подарок. — Я уже почти час как встала — добавила в зелье ещё немного златоглазок. Оно готово.

Гарри сел, неожиданно полностью отбросив сон.

— Ты уверена?

— Абсолютно, — сказала Гермиона, отодвигая крысу Коросту, чтобы сесть на краешке его кровати. — Если мы собираемся это сделать, то предлагаю сделать это сегодня.

В этот момент в комнату влетела Хедвига с маленьким свёртком в клюве.

— Привет! — радостно сказал Гарри, когда она приземлилась на его кровать, — ты снова общаешься со мной?

Она нежно щипнула его за ухо, и это было куда более приятным подарком, чем тот, что она

принесла, который, как оказалось, был от Дёрсли. Они послали Гарри зубочистку и записку, с требованием выяснить, не может ли он остаться в Хогвартсе заодно и на летние каникулы.

Остальные рождественские подарки Гарри были куда приятнее. Хагрид прислал ему большую банку паточной помадки, которую Гарри решил размягчить перед огнем, прежде чем съесть; Рон подарил ему книгу под названием «Полеты с Пушками», в которой было много интересного о его любимой команде по Квиддитчу, а Гермиона подарила ему роскошное орлиное перо для письма. Гарри открыл последний подарок и обнаружил там новый связанный вручную свитер от миссис Уизли и большой сливовый пирог. Он взял её открытку с вновь нахлынувшим чувством вины, вспомнив машину мистера Уизли, которую не было видно со дня столкновения с Дракучей Ивой, и подумал о следующем разе, когда им с Роном предстояло нарушить правила.

* * *

Никто, даже те, кто замер в ужасном ожидании последующего приёма Многосущного Зелья, не мог не насладиться рождественским ужином в Хогвартсе.

Большой Зал выглядел великолепно. Помимо дюжины покрытых инеем ёлок и длинных гирлянд остролиста и омелы, развешанных под потолком, сверху падал заколдованный снег, сухой и тёплый. Дамблдор запел один из своих любимых рождественских гимнов. Хагрид хлопал всё громче и громче после каждого выпитого кубка с яичным ликером. Перси, который не заметил, что Фред заколдовал его значок Префекта так, чтобы тот гласил «Придурок», постоянно спрашивал, чего это они хихикают. Гарри было даже всё равно, что Малфой со слизеринского стола постоянно отпускал громкие мерзкие шуточки в адрес его нового свитера. Если им повезёт, Малфою придётся поплатиться уже через несколько часов.

Едва Гарри и Рон доели третью добавку рождественского пудинга, как Гермиона утащила их из Зала, чтобы окончательно всё решить с планом их действий на вечер.

— Вам ещё нужна частичка тех, в кого вы превратитесь, — сказала она так спокойно, словно посылала их в супермаркет за стиральным порошком. — Естественно, лучше всего достать что-нибудь от Крэбба и Гойла, они лучшие друзья Малфоя, им-то он всё расскажет. И ещё нам надо

сделать так, чтобы настоящие Крэбб и Гойл не ворвались во время допроса.

Я всё придумала, — продолжала она, игнорируя ошеломлённые лица Рона и Гарри. Она показала два больших шоколадных пирожных. — Я наполнила их обычным Глотком Сна. Всё, что вам придётся сделать, это позаботиться, чтобы Крэбб и Гойл их нашли. Вы же знаете, какие они жадные, они обязаны их съесть. Как только они заснут, выдерните у них несколько волосков и затащите их в кладовку со швабрами.

Гарри и Рон скептически переглянулись.

— Гермиона, не думаю…

— Тут могут возникнуть неприятности…

Но в глаза у Гермионы был стальной блеск, сильно похожий на тот, который иногда был у профессора МакГонагалл.

— Без волос Крэбба и Гойла Зелье бесполезно, — строго сказала она. — Вы ведь хотите допросить Малфоя?

— Ну ладно, ладно, — сказал Гарри. — А что насчёт тебя? Чьи волосы ты выдерешь?

— У меня уже есть! — весело ответила Гермиона, вытаскивая из кармана маленькую бутылочку и показывая им волос внутри неё. — Помните Миллисент Булстроуд, с которой мы боролись

в Клубе Дуэлянтов? Она оставила его на моей мантии, когда пыталась меня задушить! И она уехала на Рождество домой, так что мне всего лишь придётся сказать слизеринцам, что я решила вернуться.

Когда Гермиона убежала, чтобы снова проверить Многосущное Зелье, Рон повернулся к Гарри с выражением полной обречённости.

— Ты когда-нибудь видел план, у которого столько шансов провалиться?

* * *

Но, к крайнему удивлению Гарри и Рона, первый этап операции прошёл совершенно гладко, как и говорила Гермиона. После рождественского чаепития они прокрались в пустынный вестибюль, поджидая Крэбба и Гойла, которые остались за столом Слизерина в одиночестве и уплетали четвёртую добавку трюфеля. Гарри насадил шоколадные пирожные на концы перил. Когда Гарри и Рон заметили, что Крэбб и Гойл выходят из Большого Зала, то быстро спрятались за доспехами рядом с парадной дверью.

— Какими же тупыми надо быть, — исступленно прошептал Рон, когда Крэбб радостно показал Гойлу на пирожные и схватил их. Глупо ухмы-

ляясь, они целиком засунули пирожные в свои большие рты. С выражением триумфа на лицах с минуту они жадно жевали. А затем, с тем же выражением на лицах, они оба рухнули на пол.

Труднее всего оказалось спрятать их в кладовке на другой стороне зала. Когда они были надёжно усажены между вёдрами и швабрами, Гарри выдернул несколько щетинок, покрывавших лоб Гойла, а Рон вытащил несколько волосков из головы Крэбба. Ещё они украли обувь, потому что их собственная была слишком маленькой для Крэбба и Гойла. Затем, всё ещё в шоке от того, что они только что сделали, они понеслись в туалет Плаксы Миртл.

Сквозь плотную завесу чёрного дыма, который поднимался из кабинки, где Гермиона помешивала содержимое котла, едва можно было что-то увидеть. Прикрыв мантиями лица, Гарри и Рон тихонько постучали в дверцу.

— Гермиона…

Они услышали щелчок замка, и из кабинки вышла Гермиона, у которой блестело лицо, и которая выглядела очень взволнованной. Позади неё было слышно «бульк-бульк», которое издавало кипящее зелье консистенции патоки. На сидении унитаза стояли три стеклянных

стакана.

— Достали? — задыхаясь, спросила Гермиона.

Гарри показал ей волосы Гойла.

— Хорошо. Ещё я стащила из прачечной вот эти запасные мантии, — сказала Гермиона, показав маленький мешок. — Вам понадобится одежда побольше, когда вы превратитесь в Крэбба и Гойла.

Все трое уставились на котел. Вблизи Зелье было похоже на тёмную, густую, мерзко пузырящуюся грязь.

— Я уверена, что всё сделала правильно, — сказала Гермиона, нервно перечитывая засаленную страницу в «Самых Сильных Зельях». Оно выглядит точно так, как написано в книге… После того, как мы его выпьем, у нас будет ровно час до того, как мы снова станем сами собой.

— А теперь что? — прошептал Рон.

— Мы разольем его в три стакана и добавим волосы.

Гермиона зачерпнула по большой порции Зелья в каждый стакан. Затем она дрожащей рукой вытряхнула из бутылочки волосок Миллисент Булстроуд.

Зелье громко засвистело, как кипящий чайник, и дико вспенилось. Секундой позже оно стало

тошнотворно жёлтого цвета.

— Бе… экстракт Миллисент Булстроуд, — брезгливо оценивая Зелье, сказал Рон. — Наверняка, на вкус гадость.

— А теперь ваши, — сказала Гермиона.

Гарри бросил волос Гойла в средний стакан, а Рон — волос Крэбба в последний. Оба стакана засвистели и вспенились: Зелье Гойла стало цвета зелёной козявки, а Крэбба — тёмно-коричневым.

— Подождите, — сказал Гарри, когда Рон и Гермиона потянулись к своим стаканам. — Нам всем не стоит пить его прямо здесь — как только мы превратимся в Крэбба и Гойла, мы тут не поместимся. Да и Миллисент Булстроуд — не фея.

— Хорошая мысль, — сказал Рон, отпирая дверь. — Разойдемся по разным кабинкам.

Осторожно, чтобы не расплескать своё Многосущное Зелье, Гарри скользнул в центральную кабинку.

— Готовы?

— Готовы, — донеслись голоса Рона и Гермионы.

— Раз… два… три…

Зажав нос, Гарри выпил Зелье в два больших глотка. На вкус оно было как переваренная капуста.

В тот же момент ему показалось, что его внутренности начало скручивать, будто он наглотался живых змей… согнувшись пополам, он гадал, стошнит его или нет… потом жжение распространилось от живота к самым кончикам пальцев на руках и ногах. Затем у него возникло ужасно ощущение, будто он таял, кожа по всему телу закипела, словно горячий воск, задыхаясь, он упал на четвереньки, и на его глазах у него начали расти руки, пальцы становились толще, ногти становились больше, а костяшки пальцев стали огромными как болты. Его плечи стали шире, а покалывание на лбу дало понять, что волосы опускались к бровям; его мантия порвалась, когда его грудь расширилась, словно бочка, разрывающая железный обруч; ноги страшно болели из-за ботинок, которые стали на четыре размера меньше…

Всё закончилось так же внезапно, как и началось. Гарри лежал лицом вниз на холодном каменном полу и слушал угрюмое бульканье Миртл в дальней кабинке. Он с трудом сбросил ботинки и поднялся. Значит, вот каково это было — быть Гойлом. Дрожащими большими руками он стянул с себя старую мантию, висевшую на фут выше лодыжек, натянул запасную и зашнуровал

лодкоподобные ботинки Гойла. Он потянулся убрать волосы с глаз и обнаружил только короткую поросль жёсткой щетины на низком лбу. Только сейчас он понял, что из-за очков ничего не видит, потому что Гойлу они явно были не нужны. Он снял их и крикнул:

— У вас двоих всё нормально? — из его горла вырвался хриплый бас Гойла.

— Да, — донеслось справа бурчание Крэбба.

Гарри открыл дверь и подошёл к разбитому зеркалу. Оттуда на него своими тупыми близко посаженными глазами уставился Гойл. Гарри почесал ухо. Гойл тоже.

Открылась дверь кабинки Рона. Они уставились друг на друга. За исключение того, что он выглядел бледным и ошарашенным, Рона невозможно было отличить от Крэбба, начиная с причёски под горшок и заканчивая длинными гориллоподобными руками.

— Это невероятно, — сказал Рон, приближаясь к зеркалу и тыкая в плоский нос Крэбба. — Невероятно.

— Нам лучше идти, — сказал Гарри, ослабляя ремешок часов, который врезался в толстое запястье Гойла. — Нам надо ещё выяснить, где находится гостиная Слизерина, остаётся лишь

надеяться, что мы кого-нибудь найдём, чтобы пойти следом…

Рон, который таращился на Гарри, сказал:

— Ты не представляешь, как странно видеть, как Гойл думает. — Он постучал в дверь к Гермионе. — Выходи, нам пора…

Ему ответил писклявый голос:

— Я… Я, пожалуй, не пойду… Идите без меня.

— Гермиона, мы знаем, что Миллисент Булстроуд уродина, никто не узнает, что это ты.

— Нет… правда… я думаю, что не смогу пойти. Торопитесь, а то вы уже теряете время.

Гарри в замешательстве посмотрел на Рона.

— Вот это больше похоже на Гойла, — сказал Рон. — У него такой вид всякий раз, когда учитель задаёт ему вопрос.

— Гермиона, с тобой всё в порядке? — спросил через дверь Гарри.

— В порядке… я в порядке… идите же…

Гарри посмотрел на часы. Пять из отведённых им драгоценных шестидесяти минут уже прошли.

— Встретимся тут, ладно? — сказал он.

Гарри и Рон осторожно открыли дверь туалета, убедились, что вокруг никого нет, и вышли.

— Не болтай руками, — пробормотал Гарри

Рону.

— Чего?

— У Крэбба они как деревянные…

— А так?

— Да, так лучше.

Они спустились по мраморной лестнице. Теперь им был нужен кто-нибудь из Слизерина, чтобы проследовать за ним в гостиную Слизерина, но вокруг было пусто.

— Есть идеи? — пробормотал Гарри.

— Слизеринцы обычно приходят на завтрак оттуда, — сказал Рон, кивая в сторону входа в подземелье. Едва он это сказал, как из дверей появилась девочка с длинными волнистыми волосами.

— Прости, — сказал Рон, подбежав к ней, — мы забыли дорогу в нашу гостиную.

— Прошу прощения, — сухо сказала девочка, — нашу гостиную? Я — из Рэйвенкло.

Она пошла дальше, оглядываясь на них с подозрением.

Гарри и Рон заспешили по каменным ступенькам в темноту. Стук от огромных ног Крэбба и Гойла отдавался громким эхом, лишая их надежды, что всё пройдёт гладко.

Они спускались под школу по пустынному ла-

биринту переходов всё ниже и ниже и постоянно поглядывали на часы, проверяя, сколько времени у них осталось. Через четверть часа, уже чувствуя разочарование, они внезапно увидели впереди какое-то движение.

— Аха! — возбужденно сказал Рон. — Это — точно один из них.

Из боковой комнаты выплыла фигура. Однако, когда они подбежали поближе, у них сердца ушли в пятки. Это был не ученик Слизерина. Это был Перси.

— Что ты здесь делаешь? — удивленно спросил Рон.

Перси будто оскорбился.

— Это — сухо произнес он, — не твоё дело. Ты — Крэбб, верно?

— Чт… а, ну да, — сказал Рон.

— Тогда иди в свою спальню, — строго сказал Перси. — Сейчас небезопасно бродить по тёмным пустым коридорам.

— Но ты ходишь, — сказал Рон.

— Я, — подтянулся Перси, — Префект. Никто не нападёт на меня.

Внезапно позади Гарри с Роном послышался голос. Прогуливаясь, к ним приближался Драко Малфой, и впервые в жизни Гарри был рад его

видеть.

— Вот вы где, — протянул он, глядя на них. — Вы что, до сих пор нажирались в Большом Зале? Я искал вас, чтобы показать вам кое-что весьма занятное.

Малфой бросил вялый взгляд на Перси.

— А ты что тут делаешь, Уизли? — насмешливо спросил он.

Перси возмутился.

— Тебе следовало бы проявлять больше уважения к школьному Префекту! — сказал он. — Мне не нравится твое отношение!

Малфой усмехнулся и жестом позвал Гарри и Рона за собой. Гарри чуть было не извинился перед Перси, но вовремя сдержался. Они с Роном поспешно пошли за Малфоем, который, когда они свернули в следующий проход, сказал:

— Этот Питер Уизли…

— Перси, — машинально поправил его Рон.

— Неважно, — сказал Малфой. — Я заметил, он довольно часто ошивается тут последнее время. И я догадываюсь, что он задумал. Он считает, что сможет поймать наследника Слизерина в одиночку.

Он коротко усмехнулся. Гарри и Рон обменялись радостными взглядами.

Малфой остановился около участка голой влажной каменной стены.

— Так какой там новый пароль? — спросил он у Гарри.

— Э… — сказал Гарри.

— Ах, да… чистокровный! — не слушая, сказал Малфой, и скрытая в стене каменная дверь, открываясь, скользнула в сторону. Малфой зашёл внутрь, а Гарри и Рон последовали за ним.

Гостиная Слизерина была длинной низкой комнатой с потолком и стенами из необработанного камня. С потолка на цепях свисали круглые зеленоватые лампы. Перед ними под покрытой сложной резьбой каминной полкой потрескивал огонь, вокруг, на стульях с высокими спинками, маячили силуэты Слизеринцев.

— Подождите здесь, — сказал Гарри и Рону Малфой и указал им на два пустых стула, стоявших в стороне от огня. — Я сейчас пойду и принесу её… отец только что прислал её мне…

Думая о том, что же такое хотел показать им Малфой, Гарри и Рон уселись, изо всех сил изображая, что чувствуют себя как дома.

Через минуту Малфой вернулся с чем-то, похожим на вырезку из газеты, и ткнул это Рону под нос.

— Это тебя насмешит, — сказал он.

Гарри увидел, как расширились глаза Рона. Он быстро пробежал заметку, натужно хихикнул и передал её Гарри.

Это была вырезка из «Ежедневного Пророка», и в ней было написано следующее:

РАССЛЕДОВАНИЕ В МИНИСТЕРСТВЕ МАГИИ

Артур Уизли, начальник Офиса Неправильного Использования Артефактов Магглов, сегодня был оштрафован на 50 галлеонов за заколдовывание автомобиля магглов.

Мистер Люциус Малфой, попечитель Школы Колдовства и Чародейства Хогвартс, где ранее в этом году разбилась заколдованная машина, предложил мистеру Уизли подать в отставку.

«Уизли подпортил репутацию Министерства, — заявил мистер Малфой нашему корреспонденту. — Он совершенно не подходит для работы в законодательных органах, а его смехотворный «Акт о защите магглов» надо немедленно сдать в утиль».

Мы не смогли получить комментарии от мистера Уизли, однако его жена предложила репортерам исчезнуть с глаз долой, иначе она спустит на них семейного вампира.

— Ну? — нетерпеливо сказал Малфой, когда

Гарри вернул ему вырезку. — По-вашему, это не смешно?

— Ха-ха, — натужно произнёс Гарри.

— Артур Уизли так любит магглов, что должен сломать свою волшебную палочку пополам и присоединиться к ним, — презрительно продолжал Малфой. — Кто бы мог подумать, глядя на поведение Уизли, что они чистокровные?

Лицо Рона, а точнее — Крэбба, исказилось от ярости.

— Крэбб, что с тобой? — бросил Малфой.

— Живот болит, — буркнул Рон.

— Ну так поднимись в больничное крыло и дай от меня пинка всем этим грязнокровкам, — усмехаясь, сказал Малфой. — Знаете, удивительно, что «Ежедневный Пророк» до сих пор ничего не сообщил про все эти атаки, — задумчиво продолжил он. — Полагаю, Дамблдор пытается замять дело. Его уволят, если всё вскоре не закончится. Отец всё время говорит, что Дамблдор — это худшее, что здесь произошло. Он обожает маггловорожденных. Нормальный директор никогда бы не позволил появиться здесь такому слизняку, как Криви.

Малфой стал щёлкать воображаемым фотоаппаратом и жестоко, но точно изображать Колина.

«Поттер, а можно тебя сфотографировать, Поттер? А можно получить твой автограф? А можно облизать твои ботинки, ну, пожалуйста, Поттер?»

Он опустил руки и посмотрел на Гарри с Роном.

— Да что с вами такое?

С опозданием Гарри и Рон заставили себя засмеяться, однако Малфой остался доволен. Очевидно, Крэбб и Гойл не отличались понятливостью.

— Святой Поттер, друг грязнокровок, — медленно сказал Малфой. — Ещё один нашёлся, кто даже волшебников не различает, иначе он не ходил бы с этой выскочкой Грэйнджер-Грязнокровкой. И люди думают, что это он — наследник Слизерина!

Гарри и Рон затаили дыхание: ещё чуть-чуть, и Малфой скажет, что это он. Но затем…

— Хотел бы я знать, кто это, — раздраженно сказал Малфой. — Я бы ему помог.

У Рона отвисла челюсть, так что лицо Крэбба потеряло остатки осмысленности. К счастью, Малфой этого не заметил, а Гарри быстро сориентировался и сказал:

— У тебя, наверное, есть идеи, кто за этим стоит…

— Ты же знаешь, что нет, Гойл, сколько раз тебе

нужно повторять? — огрызнулся Малфой. — И отец тоже ничего не рассказывает про то, когда Комнату открывали последний раз. Это было пятьдесят лет назад, так что это было ещё до того, как он учился, но он всё знает и говорит, что всё хранилось в секрете, и если я буду слишком много об этом знать, это вызовет подозрения. Я знаю лишь одно: когда Тайную Комнату открывали в прошлый раз, одна грязнокровка умерла. Так что, готов поспорить — это лишь вопрос времени, когда одного из них убьют в этот раз… Надеюсь, это будет Грэйнджер, — с наслаждением сказал он.

Рон сжал огромные кулаки Крэбба. Понимая, что они немножко выдадут себя, если Рон ударит Малфоя, Гарри кинул на него предупреждающий взгляд и спросил:

— А в прошлый раз поймали того, кто открыл Комнату?

— О да… кто бы то ни был, его исключили, — сказал Малфой. — Должно быть, он всё ещё в Азкабане.

— В Азкабане? — недоуменно спросил Гарри.

— Азкабан — колдовская тюрьма, Гойл, — сказал Малфой и недоверчиво посмотрел на него. — Господи, если бы ты соображал ещё медленнее, то жил бы задом наперёд.

Он поёрзал на стуле и сказал:

— Отец говорит, чтобы я не высовывался и позволил наследнику Слизерина сделать своё дело. Он говорит, надо очистить школу от всей этой нечистокровной грязи, но самим не впутываться. Конечно, ведь сейчас у него проблем выше крыши. Помните, на прошлой неделе Министерство Магии обыскало наше поместье?

Гарри попытался придать каменному лицу Гойла озабоченное выражение.

— Да… — продолжал Малфой. — К счастью, они не много нашли. У отца есть несколько очень ценных предметов, связанных с Тёмными Искусствами. К счастью, у нас есть своя тайная комната под полом в столовой…

— Хо! — сказал Рон.

Малфой посмотрел на него. Гарри тоже. Рон покраснел. Даже кончики его волос порыжели. Нос тоже медленно удлинялся… их час истёк, и Рон превращался в самого себя, и, судя по взгляду, полному ужаса, которым он одарил Гарри, с ним, видимо, происходило то же самое.

Они оба вскочили на ноги.

— Лекарство для живота, — буркнул Рон, и без дальнейших объяснений они пронеслись через длинную гостиную Слизерина, бросились

на каменную стену и понесли по проходу, молясь, чтобы Малфой не успел ничего заметить. Гарри чувствовал, как его ноги выскальзывают из огромных ботинок Гойла, и вынужден был приподнять мантию, потому что он уменьшался. Они с грохотом ввалились в тёмный вестибюль, наполненный звуками приглушённых ударов из кладовки, в которой они заперли Крэбба и Гойла. Оставив ботинки около двери, они в носках понеслись вверх по мраморной лестнице к туалету Плаксы Миртл.

— Что ж, время мы даром не потратили, — тяжело дышал Рон, закрывая за собой дверь туалет. — Понятно, что мы так и не узнали, кто же предпринимает все эти нападения, но завтра я напишу папе и скажу, чтобы он проверил, что творится у Малфоев под столовой.

Гарри взглянул на собственное лицо в треснувшее зеркало. Он вернулся к прежнему облику. Он надел очки, когда Рон постучал в дверь кабинки Гермионы.

— Гермиона, выходи, нам нужно кучу всего тебе рассказать…

— Уходите! — пропищала Гермиона.

Гарри и Рон переглянулись.

— В чём дело? — спросил Рон. — Ты уже должна

стать сама собой, мы…

В этот момент из соседней кабинки внезапно выплыла Плакса Миртл. Гарри ещё никогда не видел её такой счастливой.

— О-о-о-о, подождите, сейчас вы её увидите, — сказала она. — Это ужасно!

Они услышали, как замок открылся, и из кабинки вышла рыдающая Гермиона с натянутой на голову мантией.

— Что случилось? — неуверенно произнес Рон. — У тебя всё ещё нос Миллисент?

Гермиона опустила мантию, и Рон чуть не сел в раковину. Её лицо было покрыто чёрной шерстью, глаза стали жёлтыми, а из волос торчали длинные заострённые уши.

— Это б-была к-кошачья шерсть! — взвыла она. — У М-миллисент Б-Булстроуд, должно быть, есть к-кошка! А Зелье не п-предназначено для п-превращений в животных!

— Ой, — сказал Рон.

— Тебя будут обзывать чем-нибудь ужасным, — радостно сказала Миртл.

— Всё нормально, Гермиона, — быстро сказал Гарри. — Мы отведём тебя в больничное крыло. Мадам Помфри никогда не задает слишком много вопросов…

У них ушло немало времени, чтобы убедить Гермиону выйти из туалета. Плакса Миртл обогнала их, когда они выходили из туалета, и смачно загоготала:

— Подождите, пока все узнают, что у неё вырос хвост!

13. Очень тайный дневник

Гермиона пролежала в больничном крыле несколько недель. По окончании рождественских каникул об её исчезновении ходили всевозможные слухи, потому что все, разумеется, думали, что на неё напали. Мимо больничного крыла шастало так много учеников, которые пытались взглянуть на неё, что мадам Помфри пришлось снова достать свою ширму и закрыть ею кровать Гермионы, чтобы ей не было стыдно от того, что у неё лицо покрыто шерстью.

Гарри и Рон навещали её каждый вечер. Когда начался новый семестр, они каждый день приносили ей домашние задания.

— Если бы у меня выросли усы, я бы отдыхал от учебы, — как-то вечером сказал Рон, вываливая стопку книг на прикроватный столик Гермионы.

— Не говори ерунды, Рон, я не могу отставать, — живо ответила Гермиона. Она была в хорошем настроении, потому что шерсть уже сошла, а глаза постепенно становились карими. — Не думаю, чтобы у вас появились новые идеи, — шёпотом, чтобы не слышала мадам Помфри, добавила она.

— Никаких, — угрюмо сказал Гарри.

— А я был так уверен, что это Малфой, — наверное, уже в сотый раз сказал Рон.

— Что это? — спросил Гарри, указывая на что-то золотое, выглядывающее из-под подушки Гермионы.

— Просто пожелание выздоровления, — сказала Гермиона, поспешно стараясь спрятать открытку, но Рон оказался быстрее. Он вытащил её, открыл и прочёл вслух:

«Для мисс Грэйнджер, с пожеланием наискорейшего выздоровления, от вашего беспокоящегося учителя — профессора Гилдероя Локхарта, Орден Мерлина третьей степени, Почётный Член Лиги Защиты от Тёмных Сил и пятикратный обладатель Награды за Самую Очаровательную Улыбку журнала «Еженедельник для Ведьм».

Рон с отвращением посмотрел на Гермиону:

— Ты спишь с этим под подушкой?

Но от необходимости отвечать Гермиону избавила мадам Помфри, которая пришла с вечерней дозой лекарства.

— По-моему, льстивее этого Локхарта не бывает, — сказал Рон Гарри, когда они вышли из покоев и начали подниматься по лестнице в гриффиндорскую башню. Снейп задал им так

много домашней работы, что Гарри решил, что успеет закончить его как раз к шестому классу. Рон в это время говорил о том, как он жалеет, что не спросил у Гермионы, сколько крысиных хвостиков нужно добавить в Зелье для Роста Волос, как вдруг до их ушей донёсся возмущенный вопль.

— Это Филч, — пробормотал Гарри, когда они торопливо поднялись по лестнице, остановились там, где их не было видно, и прислушались.

— Не напали же ещё на кого-нибудь, — напряжённо сказал Рон.

Они замерли, прислушиваясь к Филчу, который звучал так, будто был на грани истерики:

— …ещё больше работы! Всю ночь драить полы, как будто мне не хватает, чем заняться! Ну нет, это последняя капля, я иду к Дамблдору…

Его шаги затихли, и они услышали, как вдалеке хлопнула дверь.

Они высунулись из-за угла. Филч явно снова патрулировал на своём посту: они снова оказались в том месте, где напали на Миссис Норрис. Они сразу же увидели, отчего так орал Филч. На пол коридора натекла огромная лужа воды, и было похоже на то, что она всё ещё текла из-под двери туалета Плаксы Миртл. Теперь, когда

Филч перестал вопить, они услышали завывания Миртл, которые эхом отражались от стен туалета.

— Ну что ещё у неё стряслось? — сказал Рон.

— Пойдём, посмотрим, — сказал Гарри, и, приподняв мантии, они пересекли огромную лужу, подошли к двери с табличкой «Не работает», как всегда, не обратили на неё внимания и вошли.

Плакса Миртл рыдала ещё громче и сильнее, чем раньше, если это вообще было возможно. Похоже, она пряталась в той же кабинке, где и всегда. В туалете было темно, свечи погасли из-за огромного потока воды, которая намочила ещё и стены.

— Что случилось, Миртл? — спросил Гарри.

— Кто это? — отчаянно пробурчала Миртл. — Пришли ещё чем-нибудь в меня кинуть?

Гарри практически вброд прошёл к её кабинке и спросил:

— Зачем мне в тебя чем-то кидать?

— Не спрашивайте меня, — закричала Миртл, вылезая с новой волной воды, затопляя ещё не просохший пол. — Вот я сижу, занимаюсь своими делами, а кто-то решает, что будет весело кинуть в меня книгой…

— Но тебе ведь не будет больно, если кто-нибудь

что-нибудь в тебя кинет, — справедливо заметил Гарри. — Оно ведь просто пройдёт сквозь тебя.

Он явно сказал лишнее. Миртл набрала воздуха и завизжала:

— Давайте все кидать книги в Миртл, она ведь ничего не почувствует! Десять очков, если попадёшь ей в живот! Пятьдесят очков, если попадёшь в голову! Что ж, ха-ха-ха! Какая, по-моему, непрекрасная игра!

— А кто её в тебя кинул? — спросил Гарри.

— Не знаю… Я сидела в трубе и думала о смерти, а она пролетела прямо через мою голову, — ответила Миртл, мрачно взглянув на них. — Она вон там, её вынесло с потоком.

Гарри и Рон посмотрели под раковину, куда показывала Миртл. Там лежала маленькая тонкая книжка в потёртой чёрной обложке, мокрая, как и всё вокруг в туалете. Гарри наклонился, собираясь её поднять, но Рон выставил руку, останавливая его.

— Ну что? — сказал Гарри.

— Ты с ума сошёл? — спросил Рон. — Она же может быть опасной.

— Опасной? — смеясь, сказал Гарри. — Да ладно, как она может быть опасной?

— Ещё как может, — сказал Рон, с опаской

глядя на книгу. — Министерство конфисковало кое-какие книги… папа рассказывал… там была одна, которая выжигала глаза. А все, кто читал «Колдовские куплеты», говорили лимериками до конца своих дней. А у одной старой ведьмы из Бата была книга, которую невозможно было перестать читать! Приходилось ходить, уткнувшись в неё, и делать всё одной рукой. А…

— Ладно-ладно, я понял, — сказал Гарри.

Маленькая книга лежала на полу, невзрачная и сырая.

— Ну, мы ничего узнаем, пока не посмотрим, что в ней, — сказал он, перегнувшись через Рона и подняв её с пола.

Гарри сразу увидел, что это был дневник, а выцветший год на обложке подсказал ему, что ему было пятьдесят лет. Он с нетерпением открыл его. На первой странице он смог с трудом разобрать лишь имя, написанное размытыми чернилами: «Т.М. Риддл».

— Погоди-ка, — сказал Рон, осторожно приближаясь и заглядывая Гарри через плечо. — Я знаю это имя… Т.М. Риддл получил Награду за Особые Заслуги перед Школой пятьдесят лет назад.

— Ты-то откуда знаешь? — удивлённо спросил Гарри.

— А оттуда, что Филч заставлял меня полировать это щит чуть ли не пятьдесят раз по время наказания, — возмутился Рон. — Это был один из тех, на которых я нарыгал слизней. Если бы ты целый час оттирал слизь с одного имени, ты бы его тоже запомнил.

Гарри разлепил мокрые страницы. Они были абсолютно чисты. Не было даже намёка на надпись, ни «день рождения тётушки Мэйбл», ни даже «дантист, полчетвёртого».

— Он в нём никогда не писал, — разочарованно сказал Гарри.

— Интересно, зачем кому-то смывать его в унитаз? — полюбопытствовал Рон.

Гарри перевернул книгу и увидел название газетного киоска с адресом Воксхолл Роуд, Лондон.

— Наверное, он был магглорожденным, — задумчиво сказал Гарри, — раз купил дневник на Воксхолл Роуд…

— Ну, тебе он уже вряд ли пригодится, — сказал Рон. Он понизил голос. — Пятьдесят очков, если попадёшь в нос Миртл.

Однако Гарри положил дневник в карман.

* * *

В начале февраля Гермиона вышла из больницы без усов, хвоста и шерсти. В первый же вечер её возвращения в гриффиндорскую башню Гарри показал ей дневник Т.М. Риддла и рассказал, как они его нашли.

— Ууу, у него могут быть какие-то скрытые силы, — воодушевилась Гермиона, взяв дневник и рассматривая его.

— Если и есть, то он очень хорошо их скрывает, — сказал Рон. — Наверное, стесняется. Не знаю, почему ты его не выкинул, Гарри.

— Хотел бы я знать, кто на самом деле пытался его выкинуть, — ответил Гарри. — И неплохо было бы также выяснить, за что Риддл получил свою Награду за Особые Заслуги перед Хогвартсом.

— Да за что угодно, — сказал Рон. — Может, он получил тридцать С.О.В. или спас учителя от гигантского спрута. Может, он убил Миртл, оказав всем огромную услугу…

По выражению лица Гермионы Гарри понял, что она подумала о том же, о чём и он.

— Что такое? — спросил Рон, переводя взгляд с одного на другого.

— Ну, Тайную Комнату открывали пятьдесят

лет назад, — сказал он. — Так сказал Малфой.

— Да… — медленно произнёс Рон.

— И этому дневнику пятьдесят лет, — сказала Гермиона, радостно постучав по нему.

— И что?

— Да очнись же, Рон, — бросила Гермиона. — Мы знаем, что человека, который открыл Тайную Комнату, исключили из школы пятьдесят лет назад. Мы знаем, что Т.М. Риддл получил награду за особые заслуги перед школой пятьдесят лет назад. А что, если Риддл получил её за то, что поймал наследника Слизерина? Возможно, его дневник всё нам расскажет: где находится Тайная Комната, как её открыть и что за существо в ней обитает. Человеку, который стоит за этими нападениям, явно бы не хотелось, чтобы эта штука где-то валялась.

— Гениальная теория, Гермиона, — сказал Рон, — но в ней есть одна малюсенькая загвоздочка. В дневнике ничего не написано.

Но Гермиона уже доставала из сумки волшебную палочку.

— Должно быть, это невидимые чернила! — прошептала она.

Она постучала по дневнику палочкой три раза и произнесла: «Апарециум!»

Ничего не произошло. Ничуть не разочаровавшись, Гермиона снова запустила руку в сумку и извлекла оттуда что-то похожее на светло-красный ластик.

— Это Проявитель, на Диагон Аллее купила, — сказала она.

Она сильно потёрла «Первое января». Ничего не произошло.

— Да говорю же вам, ничего там нет, — сказал Рон. — Просто Риддлу подарили дневник на Рождество, и он даже не потрудился что-нибудь в нём написать.

* * *

Даже самому себе Гарри не мог объяснить, почему он просто не выбросил дневник Риддла. Суть была в том, что хотя он знал, что дневник был пуст, он снова и снова, словно в трансе, брал его и перелистывал страницы, будто это был рассказ, который он хотел дочитать. И хотя Гарри был уверен, что никогда раньше не слышал имени Т.М. Риддла, казалось, оно всё равно что-то для него значит, почти как если бы Риддл был для него другом из далёкого детства, которого он почти забыл. Но это был бред. До Хогвартса у него не было друзей, об этом позаботился Дадли.

Тем не менее, Гарри очень хотел больше узнать о Риддле, поэтому на следующий же день на перемене он пошёл в трофейную, чтобы взглянуть на особую награду Риддла, в сопровождении заинтригованной Гермионы и сомневающегося Рона, объявившего по дороге, что он насмотрелся на трофейную на всю оставшуюся жизнь.

Отполированную золотую награду-щит Риддла перенесли в шкаф в углу комнаты. На ней не было написано, за что он её получил («Ну и ладно, а то она была бы ещё больше, и я бы до сих пор её полировал», — сказал Рон). Однако они нашли имя Риддла на старой медали «За магические заслуги» и в списке предыдущих Старост.

— Смахивает на Перси, — с отвращением морща нос, сказал Рон. — Префект, Староста… наверное, лучше всех в классе учился…

— Ты так говоришь, будто это плохо, — немного обиженным голосом сказала Гермиона.

* * *

Солнце вновь начало слабо освещать Хогвартс. В замке появилась надежда. После Джастина и Почти Безголового Ника больше ни на кого не нападали, а мадам Помфри с радостью объявила, что Мандрагоры стали угрюмыми и замкнутыми,

а значит вскоре покинут пору детства.

— Как только у них исчезнут прыщи, они будут готовы к очередной пересадке, — слышал, как однажды днём она говорила Филчу, Гарри. — А после этого недолго уже останется ждать, чтобы их собрать и приготовить. Вы сразу же получите Миссис Норрис обратно.

Может быть, наследник Слизерина не выдержал, думал Гарри. Вся школа была начеку, и открывать Тайную Комнату становилось всё рискованней. Может быть, монстр, кем бы он ни был, впал в спячку ещё на пятьдесят лет…

Эрни Макмиллан из Хаффлпаффа эту оптимистическую точку зрения не разделял. Он до сих пор был уверен, что во всём виноват Гарри и что он «выдал себя» в Клубе Дуэлянтов. Пивз не делал жизнь легче: он то и дело выскакивал в коридорах, где было много народу, и пел «На нашего Поттера…», теперь добавив ещё и подходящий танец.

Гилдерой Локхарт, похоже, считал, что это он прекратил нападения. Гарри слышал, как он сказал об этом профессору МакГонагалл, когда гриффиндорцы ждали у кабинета Трансфигурации.

— Я думаю, опасность миновала, Минерва, —

сказал он, с видом знатока дотрагиваясь до кончика носа и подмигивая. — Думаю, Комнату на этот раз закрыли навсегда. Должно быть, виновник понял, что поймать его для меня — лишь вопрос времени. Вполне разумно остановиться сейчас, прежде чем я взялся бы за него как следует.

Знаете, что сейчас необходимо школе, так это моральная встряска. Стереть воспоминания о прошлом семестре! Больше я пока ничего не скажу, но, мне кажется, я знаю, что нужно…

Он опять дотронулся до кончика носа и удалился.

То, как Локхарт представлял себе моральную встряску, стало ясно за завтраком четырнадцатого февраля. Гарри не удалось выспаться из-за поздней тренировки по Квиддитчу накануне, и он явился в Большой Зал с небольшим опозданием. На мгновение ему показалось, что он ошибся дверью.

Все стены были покрыты большими аляповато-розовыми цветами. Более того, с бледно-голубого потолка сыпались конфетти в форме сердечек. Гарри подошёл к гриффиндорскому столу, за которым сидели Рон, которого, казалось, вот-вот стошнит, и Гермиона, которая слишком много

хихикала.

— Что происходит? — спросил Гарри, усаживаясь на своё место и стряхивая с бекона конфетти.

Рон, который, видимо, от отвращения не мог сказать и слова, показал на учительский стол. Локхарт в аляповато-розовой мантии под стать оформлению помахал рукой, попросив тишины. Учителя по обе стороны от него сидели с каменными лицами. Со своего места Гарри видел, как у профессора МакГонагалл дёргается щека. Снейп выглядел так, будто только что выпил большой стакан «Скеле-Роста».

— С днём Святого Валентина! — прокричал Локхарт. — И я благодарю тех сорок шесть человек, которые уже прислали мне открытки! Да, взял на себя ответственность приготовить вам этот маленький сюрприз… но это ещё не всё!

Локхарт хлопнул в ладоши, и в двери, ведущие в вестибюль, вошла дюжина хмурых гномов. Однако, это были не просто гномы. Локхарт заставил их надеть золотые крылышки, а в руки взять по арфе.

— Мои дружелюбные Купидончики, разносчики открыток! — сиял Локхарт. — Сегодня они будут бродить по школе и разносить ваши валентинки! Но веселье на этом не закончится!

Я уверен, мои коллеги тоже захотят поучаствовать в празднике! Почему бы нам не попросить профессора Снейпа показать, как приготовить Любовное Зелье? И если вам интересно, то старый хитрый профессор Флитвик знает об очаровывании больше, чем любой другой волшебник, которого я когда-либо встречал!

Профессор Флитвик закрыл лицо руками. Снейп выглядел так, будто первый, кто попросит у него Любовного Зелья, будет насильно накормлен ядом.

— Гермиона, прошу тебя, скажи, что тебя не было среди этих сорока шести, — сказал Рон, когда они вышли из Большого Зала и отправились на первый урок. Внезапно Гермионе стало гораздо интереснее рыться в сумке в поисках расписания, и она ничего не ответила.

Весь день гномы вваливались в кабинеты, раздражая учителей, а после обеда, когда гриффиндорцы поднимались по лестнице, чтобы пойти на урок Заклинаний, один из них добрался до Гарри.

— Эй, ты! 'Арри Поттер! — закричал особенно мрачный гном, расталкивая всех локтями, чтобы добраться до Гарри.

От одной только мысли, что ему вручат вален-

тинку перед целой толпой первогодок, среди которых была и Джинни Уизли, Гарри стало ужасно жарко и захотелось сбежать. Однако гном распинал толпу и перехватил Гарри, не успел тот сделать и пары шагов.

— У меня музыкальное послание персонально для Гарри Поттера, — объявил он, угрожающе размахивая арфой.

— Не здесь, — прошипел Гарри, пытаясь убежать.

— Стой смирно! — буркнул гном, схватив сумку Гарри и потянув её на себя.

— Отпусти! — вырывая сумку, зарычал Гарри.

Раздался громкий треск рвущейся ткани, и сумка Гарри порвалась. Его книги, палочка, пергамент и перо упали на пол, сверху приземлилась и разбилась чернильница.

Гарри бросился собирать свои вещи, прежде чем карлик начнёт петь, отчего в коридоре образовалась давка.

— Да что происходит? — раздался холодный протяжный голос Драко Малфоя. Гарри начал лихорадочно укладывать вещи в разорванную сумку, желая исчезнуть до того, как Малфой услышит его музыкальную валентинку.

— Что за шум? — произнёс другой знакомый

голос, и появился Перси Уизли.

Выйдя из себя, Гарри бросился наутёк, но гном обхватил его за колени, и он рухнул на пол.

— Значит так, — сказал гном, усаживаясь Гарри на лодыжки, — вот твоя валентинка:

«Как кожа у жабы глаза зелены,
А волосы как доска в классе темны,
Моим стать бы мог, хорош словно бог,
Избавил от Тёмного Лорда нас ты»

Гарри отдал бы всё золото Гринготтса за то, чтобы испариться на месте. Пытаясь смеяться вместе со всеми, он встал, потирая онемевшие под тяжестью гнома ноги, пока Перси пытался разогнать зевак, у некоторых глаза заслезились от смеха.

— Расходитесь, расходитесь, звонок прозвенел пять минут назад, расходитесь по классам сейчас же, — сказал он, прогоняя самых младших учеников. — Ты тоже, Малфой…

Взглянув на него, Гарри увидел, как Малфой нагнулся и что-то подобрал. Усмехнувшись, он показал это Крэббу и Гойлу, и Гарри понял, что в руках у него был дневник Риддла.

— Отдай, — тихо сказал он.

— Интересно, что же тут пишет Поттер? — сказал Малфой, явно не заметив дату на обложке и

подумав, что это дневник Гарри. Толпа замолчала. Джинни испуганно переводила взгляд с дневника на Гарри.

— Отдай его, Малфой, — строго сказал Перси.

— Сейчас, только гляну, — сказал Малфой, издевательски размахивая дневником перед Гарри.

Перси сказал:

— Как школьный Префект, я…

Но Гарри уже потерял терпение. Он достал свою волшебную палочку и крикнул: «Экспеллиармус!». И как по воле Снейпа из рук Локхарта вылетела палочка, так же дневник вылетел из руки Малфоя и подлетел в воздух. Рон, широко улыбаясь, поймал его.

— Гарри! — закричал Перси. — Нельзя колдовать в коридорах. Сам знаешь, я вынужден буду об этом доложить!

Но Гарри было всё равно, он всё же взял верх над Малфоем, пусть это и стоило пяти очков Гриффиндору. Малфой был вне себя от ярости, а когда Джинни проходила мимо него, чтобы войти в класс, он громко и злорадно прокричал: «По-моему, Поттеру не понравилась твоя валентинка!»

Джинни закрыла лицо руками и убежала в класс. Рыча, Рон тоже достал свою палочку, но Гарри его остановил. Не хватало ещё Рону весь

урок Заклинаний отрыгивать слизней.

Гарри не замечал ничего странного в дневнике Риддла до тех пор, пока они не дошли до класса Флитвика. Все его книги промокли из-за красных чернил. Дневник же был таким чистым, словно чернильница и не опрокидывалась на него. Гарри попытался рассказать об этом Рону, но у Рона опять начались проблемы с палочкой: она пускала большие сиреневые пузыри, и окружающее его мало интересовало.

Гарри пошёл спать раньше, чем все остальные. Отчасти потому, что он не вынес бы ещё одной песни «Как кожа у жабы глаза зелены…» в исполнении Фреда и Джорджа, а отчасти оттого, что он хотел ещё раз изучить дневник Риддла, но знал, что Рон считает это пустой тратой времени.

Гарри сел на свою кровать и пролистал чистые страницы, ни на одной из которых не было и следа алых чернил. Он взял новую баночку чернил из прикроватной тумбочки, опустил туда перо и сделал кляксу на первой странице дневника.

На секунду чернила ярко блеснули на бумаге, а потом исчезли, как будто страница их впитала. Обрадовавшись, Гарри снова макнул перо в чернила и написал: «Меня зовут Гарри Поттер».

Слова вспыхнули и также исчезли без следа. А

потом, наконец-то, что-то произошло.

Словно его же чернила вытекали обратно, на странице появились слова, которых Гарри никогда не писал: «Привет, Гарри Поттер. Меня зовут Том Риддл. Как ты нашёл мой дневник?»

Эти слова тоже исчезли, но только после того, как Гарри начал писать ответ.

«Кто-то хотел спустить его в унитаз».

Он с нетерпением ждал ответа Риддла.

«Хорошо, что я записал свои воспоминания кое-чем, что продержится дольше, чем чернила. Я всегда знал, что найдутся люди, которым не захочется, чтобы мой дневник прочли».

«Что ты имеешь в виду?»

— нацарапал Гарри, от радости оставляя на странице ещё одну кляксу.

«Я имею в виду, что в этом дневнике записаны воспоминания об ужасных событиях. Событиях, которые замяли. Событиях, которые происходили в Школе Колдовства и Чародейства Хогвартс».

«Именно там я сейчас и нахожусь», — быстро написал Гарри. — «Я в Хогвартсе, и здесь происходят ужасные вещи. Ты что-нибудь знаешь о Тайной Комнате?»

Его сердце отбивало дробь. Ответ Риддла последовал мгновенно, почерк его стал неаккуратным, как будто он торопился рассказать всё, что знал.

«Конечно, я знаю о Тайной Комнате. Когда я ходил в школу, нам говорили, что это лишь легенда, и она не существует. Но это была ложь. Когда я учился в пятом классе, Комната была открыта, и монстр напал на нескольких учеников, пока не убил одного. Я поймал человека, который открыл комнату, и его исключили. Но директор, профессор Диппет, считал позором, что такое происходит в Хогвартсе, и запретил мне рассказывать правду. Всем объявили, что девочка погибла в результате несчастного случая. Они вручили мне красивую блестящую награду с моим именем за все неприятности и предупредили, чтобы я держал рот на замке. Но я знал, что это может случиться ещё раз. Монстр всё ещё был жив, а того

человека, который смог освободить его, не посадили в тюрьму».

Гарри чуть не перевернул чернильницу, торопясь написать ответ.

«Сейчас это повторяется. Совершено уже три нападения, и никто не знает, кто за этим стоит. Кто сделал это в тот раз?»

«Если хочешь, я могу тебе показать», — последовал ответ Риддла. — «Не обязательно верить мне на слово. Я возьму тебя в свои воспоминания о той ночи, когда я поймал его». Гарри заколебался, его перо зависло над дневником. Что имел в виду Риддл? Как мог он попасть в чьи-то воспоминания? Он нервно взглянул на дверь спальни, в которой становилось темно. Когда он вновь посмотрел на дневник, там появлялись новые слова: «Давай я тебе покажу».

Гарри задумался на долю секунды, а потом написал: «Ладно».

Страницы дневника начали перелистываться, словно от ветра, и остановились посреди июня. С открытым ртом Гарри наблюдал, как листик за

13-е июня стал превращаться в маленький экран телевизора. Дрожащими руками он поднял книгу, чтобы заглянуть в маленькое окошко, но, не успел он понять, что произошло, как его потянуло вперёд; окошко расширялось, он чувствовал, как его тело отрывается от кровати, и его засасывает сквозь окошко в странице в водоворот цвета и тени.

Он почувствовал под ногами твёрдую землю и встал на месте, дрожа, пока размытые очертания вокруг внезапно становились чёткими.

Он сразу понял, где находится. Эта круглая комната со спящими портретами была кабинетом Дамблдора… но за столом сидел не Дамблдор. Морщинистый, с виду болезненный, почти лысый волшебник читал при свете свечи письмо. Гарри раньше никогда не видел этого человека.

— Простите, — дрожащим голосом сказал он. — Я не хотел вас беспокоить…

Но волшебник не взглянул на него. Он продолжал читать, слегка хмурясь. Гарри приблизился к столу и, заикаясь, произнес:

— Ээ… я пойду, ладно?

Волшебник всё равно его не замечал. Казалось, он его даже не слышал. Подумав, что волшебник, очевидно, глухой, Гарри повысил голос.

— Простите, что побеспокоил, — почти прокричал он.

Волшебник со вздохом сложил письмо, встал, прошел мимо Гарри, даже не взглянув на него, и раздвинул шторы.

Небо за окном было рубиново-красным; похоже, был закат. Волшебник вернулся за стол, сел и замер, наблюдая за дверью.

Гарри оглядел кабинет. Ни феникса Фокса, ни крутящихся серебряных приборчиков. Это был Хогвартс, каким его знал Риддл, и это означало, что этот неизвестный волшебник — директор, но не Дамблдор, — а он, Гарри, был немногим более чем призраком, он был абсолютно невидим для людей, живших пятьдесят лет тому назад.

В дверь постучали.

— Войдите, — дрожащим голосом сказал старый волшебник.

В комнату, снимая шляпу, вошёл мальчик, на вид лет шестнадцати. На его груди сиял серебряный значок Префекта. Он был гораздо выше Гарри, но у него были такие же чёрные, как смоль, волосы.

— А, Риддл, — сказал директор.

— Вы хотели меня видеть, профессор Диппет? — спросил Риддл. Похоже, он волновался.

— Садись, — сказал Диппет. — Я как раз читал твоё письмо.

— А, — произнёс Риддл. Он сел и сильно сжал ладони.

— Мой дорогой мальчик, — добрым голосом произнёс Диппет. — Я не могу разрешить тебе остаться в школе на всё лето. Тебе ведь наверняка хочется поехать домой на каникулы.

— Нет, — тут же ответил Риддл. — Я с удовольствием останусь в Хогвартсе вместо того, чтобы возвращаться в этот… в этот…

— Полагаю, ты живёшь в маггловском приюте? — с любопытством спросил Диппет.

— Да, сэр, — ответил Риддл, слегка покраснев.

— Ты — магглорожденный?

— Полукровка, сэр, — ответил Риддл. — Папа — маггл, мама — ведьма.

— А твои родители?..

— Моя мама умерла сразу же после моего рождения, сэр. В приюте мне рассказали, что она лишь успела дать мне имя: Том в честь отца, Марволо — в честь дедушки.

Диппет сочувственно.

— Дело в том, Том, — вздохнул он, — что это можно было бы устроить, но при данных обстоятельствах…

— Вы имеете в виду все эти нападения, сэр? — спросил Риддл, и сердце Гарри подпрыгнуло. Он подошёл поближе, боясь пропустить хоть что-нибудь.

— Именно, — сказал директор. — Мой дорогой мальчик, ты должен понять, как глупо будет с моей стороны разрешить тебе остаться в замке после окончания семестра. Особенно в свете этой недавней трагедии… смерти этой бедной маленькой девочки… в приюте тебе будет куда безопаснее. В Министерстве Магии даже поговаривают о том, чтобы закрыть школу. Мы до сих пор не можем найти… э… источник всех этих неприятностей…

Глаза Риддла расширились.

— Сэр… если бы этого человека поймали… Если бы это всё прекратилось…

— Что ты имеешь в виду? — спросил Диппет, выпрямляясь на стуле. — Риддл, ты хочешь сказать, что что-то знаешь об этих нападениях?

— Нет, сэр, — быстро ответил Риддл.

Но Гарри был уверен, что это было такое же «нет», какое он сам ответил Дамблдору.

Диппет откинулся назад, выглядя слегка разочарованным.

— Ты можешь идти, Том…

Риддл сполз со стула и вышел из комнаты. Гарри последовал за ним.

Они поехали вниз по двигающейся винтовой лестнице и вышли в тёмный коридор рядом с гаргулией. Риддл остановился, и Гарри тоже остановился, наблюдая за ним. Гарри было понятно, что Риддл о чём-то всерьёз задумался. Нахмурившись, он кусал губу.

Потом, словно внезапно приняв решение, он заторопился, и Гарри бесшумно последовал за ним. Они не встретили ни души, пока не дошли до вестибюля, где Риддла окликнул высокий волшебник с длинными каштановыми волосами.

— Что ты здесь делаешь так поздно, Том?

Гарри выпучил глаза, увидев волшебника. Это был никто иной, как Дамблдор, только на пятьдесят лет младше.

— Мне нужно было увидеться с директором, сэр, — сказал Риддл.

— Ну, тогда скорее иди в постель, — сказал Дамблдор, наградив Риддла так хорошо знакомым Гарри пронизывающим взглядом. — В такое время лучше не скитаться по коридорам. Не сейчас…

Он тяжело вздохнул, пожелал Риддлу спокойной ночи и ушёл. Риддл проводил его взглядом,

пока тот не исчез из виду, а затем очень быстро направился вниз по каменной лестнице к подземельям, а Гарри следовал за ним по пятам.

Но, к разочарованию Гарри, Риддл провёл его не в секретный проход или туннель, а в тот самый класс, где у Гарри проходили уроки Снейпа по Зельеварению. Факелы не горели, и, когда Риддл почти закрыл дверь, Гарри стало видно лишь, что Риддл застыл у двери и принялся наблюдать за коридором снаружи.

Как показалось Гарри, они пробыли там почти час. Всё, что он видел, — это как Риддл стоит у двери, словно статуя, и смотрит сквозь дверную щель. И как раз когда Гарри перестал уже чего-либо ждать и захотел вернуться в настоящее, он услышал шаги за дверью.

Кто-то крался по коридору. Кто бы то ни был, он скользнул мимо кабинета, где прятались они с Риддлом. Риддл тихо, словно тень, вышел за дверь и пошёл следом, а Гарри отправился за ним на цыпочках, забыв, что его всё равно не было слышно.

Минут пять они следовали за этими шагами, пока Риддл внезапно не остановился, прислушиваясь к новым звукам. Гарри услышал скрип двери, и потом хриплый шёпот.

— Давай… надо вытащить тебя отсюда… давай же… в коробку…

В этом голосе было что-то знакомое.

Вдруг Риддл выпрыгнул из-за угла. Гарри вышел вслед за ним. Он увидел тёмный силуэт крупного мальчика, склонившегося у двери, рядом с которой стояла очень большая коробка.

— Добрый вечер, Рубеус, — резко сказал Риддл.

Мальчик захлопнул дверь и встал.

— Что ты здесь делаешь, Том?

Риддл подошёл ближе.

— Всё кончено, — сказал он. — Мне придётся сдать тебя, Рубеус, они поговаривают о том, чтобы закрыть Хогвартс, если нападения не прекратятся.

— О чём ты…

— Не думаю, что ты хотел кого-то убить. Но из монстров получаются плохие домашние животные. Наверное, ты просто выпустил его размяться, и…

— Он никогда никого не убивал! — сказал мальчик, пятясь к закрытой двери. За его спиной Гарри услышал странные треск и щелчки.

— Ну же, Рубеус, — сказал Риддл, подходя ещё ближе. — Родители мёртвой девочки завтра будут здесь. Самое малое, что Хогвартс может сделать

— это сделать так, чтобы существо, убившее их дочь, жестоко казнили…

— Это был не он! — взревел мальчик, его голос эхом отозвался в тёмном коридоре. — Он не мог! Никогда!

— Отойди, — сказал Риддл, доставая волшебную палочку.

Его заклинание внезапно осветило коридор. Дверь за спиной крупного мальчика вылетела с такой силой, что придавила его к противоположной стене. И снаружи появилось нечто, от вида чего Гарри издал долгий пронзительный крик, который, похоже, кроме него никто не слышал.

Громадное волосатое тело и путаница чёрных ног; блеск множества глаз и пара острых, как бритва, клешней — Риддл снова поднял палочку, но было уже поздно. Существо сбило его с ног, убегая по коридору, и скрылось из вида. Риддл вскочил на ноги, глядя ему вслед; он поднял свою палочку, но крупный мальчик прыгнул на него, вырвал у него палочку и снова повалил на землю с криком «НЕЕЕЕЕЕТ!».

Всё закружилось, стало совсем темно, Гарри почувствовал, что падает, и с треском он приземлился и распластался на своей кровати в гриффиндорской спальне. Дневник Риддла лежал

открытым у него на животе.

Прежде чем он успел восстановить дыхание, дверь спальни открылась, и вошёл Рон.

— Вот ты где, — сказал он.

Гарри сел. Он весь вспотел и дрожал.

— Что такое? — взволнованно посмотрел на него Рон.

— Это был Хагрид, Рон. Хагрид открывал Тайную Комнату пятьдесят лет назад.

14. Корнелиус Фадж

Гарри, Рон и Гермиона всегда знали, что у Хагрида была нездоровая страсть к существам большим и ужасным. На первом году их обучения в Хогвартсе он пытался вырастить в своей маленькой деревянной хижине дракона, и они не скоро смогут забыть огромного трёхголового пса, которого он окрестил «Пушком». И если бы в детстве Хагрид услышал, что где-то в замке спрятали монстра, Гарри был уверен, что он пошёл бы на что угодно, лишь бы взглянуть на него. Видимо, он решил, что обидно, что монстр так долго сидел взаперти, и он заслуживал возможности размять своё множество ног; Гарри с лёгкостью представлял, как тринадцатилетний Хагрид пытается надеть на монстра ошейник с поводком. Но он был также уверен, что Хагрид не хотел никого убивать.

Гарри почти жалел, что раскрыл секрет дневника. Снова и снова Рон и Гермиона заставляли его пересказывать увиденное, пока ему не стало плохо от этого рассказа и от бесконечных разговоров, следовавших за ним.

— Возможно, Риддл поймал не того, — сказала Гермиона. — Может, на людей нападал другой монстр…

— Сколько монстров, по-твоему, тут может поместиться? — без выражения спросил Рон.

— Мы всегда знали, что Хагрида исключили, — печально сказал Гарри. — И, должно быть, атаки прекратились после того, как Хагрида выкинули из школы. Иначе Риддл не получил бы свою награду.

Рон попытался сменить тему.

— Риддл и вправду смахивает на Перси… кто его за язык тянул?

— Но монстр кого-то убил, Рон, — сказала Гермиона.

— А Риддлу пришлось бы вернуться в маггловский приют, если бы они закрыли Хогвартс, — сказал Гарри. — Я не виню его за желание остаться здесь…

Рон закусил губу и неуверенно сказал:

— А ты ведь встретил Хагрида на Ноктюрн Аллее, Гарри.

— Он покупал средство от плотоядных слизней, — быстро сказал Гарри.

Они замолчали. После долгой паузы Гермиона решилась озвучить мучивший всех вопрос:

— Может, нам стоит пойти и спросить об этом Хагрида?

— Весёленький получится визит, — сказал Рон. — Привет, Хагрид, скажи-ка, ты в последнее время не выпускал в замке ничего бешеного и волосатого?

В конце концов, они решили, что ничего не скажут Хагриду, если только не произойдёт ещё одно нападение, а поскольку дни сменяли друг друга, а шёпот бестелесного голоса больше не было слышно, у них появилась надежда, что им не придётся разговаривать с ним о том, за что его исключили из школы. Прошло уже почти четыре месяца с тех пор, как окаменели Джастин и Почти Безголовый Ник, и, похоже, почти все решили, что тот, кто на них напал, наконец-то успокоился. Пивзу наконец наскучила песенка про «Нашего Поттера», однажды на уроке Гербологии Эрни Макмиллан вполне вежливо попросил Гарри передать ему ведро с прыгающими поганками, а в марте в третьем парнике несколько Мандрагор устроили чрезвычайно шумную вечеринку. Профессор Спраут была очень довольна.

— Как только они начнут пытаться перебраться друг к другу в горшки, мы будем знать, что они уже выросли, — сказала она Гарри. — И тогда

мы сможем оживить всех бедолаг в больничном крыле.

* * *

Во время пасхальных каникул второкурсникам было о чём подумать. Пришло время выбирать предметы для третьего года обучения, и Гермиона отнеслась к этому очень серьёзно.

— Это может повлиять на наше будущее, — сказала она Гарри и Рону, когда они сосредоточенно изучали список новых предметов, помечая их галочками.

— Я брошу только Зельеварение, — сказал Гарри.

— Нельзя, — мрачно произнёс Рон. — У нас останутся все старые предметы, иначе бы и я расстался с Защитой от Тёмных Искусств.

— Но это же очень важный предмет! — удивилась Гермиона.

— Не тот, что преподаёт Локхарт, — сказал Рон. — Я ничему не научился, кроме того, что не следует выпускать на волю корнуоллских фей.

Невиллу Лонгботтому пришла куча писем от всех волшебников и волшебниц в семье, и все давали ему советы о том, что стоит выбрать. Совершенно запутавшись и сильно беспокоясь,

он сидел со списком предметов, высунув кончик языка, и спрашивал всех, что, по их мнению, может быть труднее: Арифмантика или изучение Древних Рун. Дин Томас, который, как и Гарри, вырос в семье магглов, в итоге просто закрыл глаза и несколько раз бросил палочку на список, отмечая предметы, на которые она попала. Гермиона не слушала ничьих советов и записалась на всё.

Гарри мрачно улыбнулся при мысли, что сказали бы дядя Вернон и тётя Петуния, если бы он попытался обсудить с ними свою будущую карьеру в мире волшебников. Не то, чтобы ему никто не подсказывал — Перси Уизли распирало от желания поделиться опытом:

— Всё зависит от того, чем ты хочешь заниматься, Гарри, — сказал он. — Никогда не рано думать о будущем, поэтому я бы рекомендовал Прорицание. Маггловедение считают не лучшим выбором, но лично я думаю, что волшебникам стоит получше знать немагическое общество, особенно если они собираются сотрудничать с ним — взгляни на моего отца, ему постоянно приходится общаться с магглами. Мой брат Чарли всегда любил свежий воздух, поэтому выбрал Уход за Волшебными Существами. Используй

свои сильные стороны, Гарри.

Но единственной вещью, которую Гарри считал своей сильной стороной, был Квиддитч. В итоге он выбрал те же предметы, что и Рон, решив, что если по ним он будет учиться плохо, по крайней мере, поможет ему кто-то дружелюбный.

* * *

Следующий матч по Квиддитчу Гриффиндор должен был сыграть против Хаффлпаффа. Вуд заставлял команду тренироваться каждый вечер после ужина, поэтому Гарри едва хватало времени на что-то кроме Квиддитча и домашнего задания. К счастью, тренировки становились лучше, или хотя бы суше, и вечером перед субботним матчем он поднимался в спальню, чтобы положить метлу, чувствуя, что у Гриффиндора выше шансов выиграть Кубок по Квиддитчу ещё не было.

Однако его хорошее настроение долго не продержалось. Наверху лестницы, ведущей в их спальню, он встретил обезумевшего Невилла Лонгботтома.

— Гарри… я не знаю, кто это сделал. Я просто…

С опаской поглядывая на Гарри, Невилл распахнул дверь.

Содержимое чемодана Гарри было разбросано повсюду. Его плащ был разорван и валялся на полу. Простыни были стянуты с кровати, из прикроватной тумбочки был вытащен ящик, а его содержимое разбросано по всему матрасу.

Гарри, раскрыв рот, подошёл к кровати, ступая по вырванным страницам «Турне с Троллями».

Когда они с Невиллом перестилали постель, вошли Рон, Дин и Шеймус. Дин громко выругался.

— Что случилось, Гарри?

— Понятия не имею, — ответил Гарри. Но Рон изучал мантию Гарри. Все карманы были вывернуты.

— Кто-то что-то искал, — сказал он. — Что-нибудь пропало?

Гарри начал подбирать свои вещи и бросать их в чемодан. Только кинув туда последнюю книжку Локхарта, он наконец понял, что именно отсутствует.

— Дневник Риддла пропал, — тихо сказал он Рону.

— Что?

Гарри кивнул на дверь спальни, и они вышли. Они спустились в гриффиндорскую гостиную, уже наполовину опустевшую, и присоединились к Гермионе, которая сидела в одиночестве и чи-

тала книгу «Древние руны устроены просто».

Услышав новости, Гермиона была поражена.

— Но… только гриффиндорец мог украсть… больше никто не знает наш пароль…

— Именно так, — согласился Гарри.

* * *

Когда они проснулись следующим утром, на улице светило яркое солнце и дул лёгкий свежий ветерок.

— Отличные условия для Квиддитча! — с энтузиазмом сказал Вуд за гриффиндорским столом, наваливая омлет в тарелки команде. — Гарри, просыпайся, тебе нужно хорошо позавтракать.

Гарри смотрел вдоль гриффиндорского стола, который был заполнен учениками, размышляя о том, не сидел ли прямо перед ним новый владелец дневника Риддла. Гермиона подначивала его заявить о краже, но Гарри эта мысль не нравилась. Ему пришлось бы рассказать преподавателю о дневнике, и, кроме того, как много людей знало, что Хагрид был исключён пятьдесят лет тому назад? Он не хотел быть тем, благодаря кому все бы узнали об этом.

Когда он выходил из Большого Зала вместе с Роном и Гермионой, чтобы забрать снаряжение

для Квиддитча, к его растущему списку тревог добавилась ещё одна, весьма серьёзная. Он едва успел поставить ногу на мраморную лестницу, как услышал: «На этот раз убить… дай мне разорвать… разодрать…»

Он вскрикнул, и Рон с Гермионой в испуге отскочили от него.

— Голос! — сказал Гарри, оглядываясь через плечо. — Я только что снова слышал его… а вы не слышали?

Рон покачал головой, широко раскрыв глаза. Зато Гермиона хлопнула себя рукой по лбу.

— Гарри… я, кажется, кое-что поняла! Мне срочно нужно в библиотеку!

И она понеслась вверх по ступенькам.

— Что она поняла? — растерянно спросил Гарри, всё ещё оглядываясь и пытаясь определить, откуда донёсся голос.

— Куда больше, чем я, — покачал головой Рон.

— Но зачем ей идти в библиотеку?

— Потому что так делает Гермиона, — Рон пожал плечами. — Сомневаешься — иди в библиотеку.

Гарри стоял в нерешительности, пытаясь уловить голос снова, но из Большого Зала, громко разговаривая, выходили люди и направлялись

на поле для Квиддитча.

— Тебе лучше идти, — сказал Рон. — Уже почти одиннадцать… матч.

Гарри помчался в гриффиндорскую башню, схватил свой «Нимбус-2000» и присоединился к большой толпе, пересекавшей территорию школы, но мысленно он всё ещё был в замке вместе с бестелесным голосом, и единственным утешением, когда он натягивал алую форму в раздевалке, было то, что сейчас все ушли, чтобы посмотреть игру.

Команды вышли на поле под шумные аплодисменты. Оливер Вуд сделал для разогрева круг вокруг ворот, мадам Хуч выпустила мячи. Хаффлпаффцы, игравшие в канареечно-жёлтой форме, стояли кружком, напоследок обсуждая тактику игры.

Гарри уже взобрался на метлу, когда на поле почти выбежала профессор МакГонагалл с огромным сиреневым мегафоном.

Сердце Гарри ушло в пятки.

— Матч отменяется, — объявила профессор МакГонагалл в мегафон, обращаясь к переполненному стадиону. Послышались громкие неодобрительные крики. Оливер Вуд, выглядя опустошённым, приземлился и побежал к про-

фессору МакГонагалл, не слезая с метлы.

— Но профессор! — кричал он. — Мы должны играть… Кубок… Гриффиндор…

Профессор МакГонагалл не обращала на него внимания и продолжала кричать в мегафон:

— Все ученики должны вернуться в свои гостиные, где Главы Домов сообщат им дальнейшую информацию. Побыстрее, пожалуйста!

Она опустила мегафон и подозвала Гарри.

— Поттер, думаю, вам лучше пойти со мной…

Теряясь в догадках, каким образом она может подозревать его на этот раз, Гарри заметил отделившегося от толпы Рона; он подбежал к ним, когда они направились к замку. К удивлению Гарри, профессор МакГонагалл не возражала.

— Да, возможно, вам тоже лучше пойти, Уизли.

Некоторые ученики, которые проходили мимо них, громко жаловались на отмену матча, остальные выглядели обеспокоенными. Гарри и Рон последовали за профессором МакГонагалл обратно в школу и вверх по мраморной лестнице. Но на этот раз ни в чей кабинет их не повели.

— Это будет шоком для вас, — удивительно мягким голосом сказала профессор МакГонагалл, когда они подошли к больничному крылу. — Про-

изошло ещё одно нападение… ещё одно двойное нападение.

Гарри почувствовал, что внутри у него всё перевернулось. Профессор МакГонагалл открыла больничную дверь, и они с Роном вошли.

Мадам Помфри склонилась над шестикурсницей с длинными волнистыми волосами. Гарри узнал её — это была та самая девочка из Рэйвенкло, у которой они случайно спросили дорогу в гостиную Слизерина. А на соседней кровати лежала…

— Гермиона! — простонал Рон.

Она лежала очень спокойно, широко открыв остекленевшие глаза.

— Их нашли возле библиотеки, — сказала профессор МакГонагалл. — Не думаю, что кто-то из вас сможет объяснить, в чём дело. Рядом с ними обнаружили вот это…

Она показала маленькое круглое зеркальце.

Гарри и Рон покачали головами, всё ещё глядя на Гермиону.

— Я отведу вас в гриффиндорскую башню, — мрачно сказала профессор МакГонагалл. — В любом случае мне нужно обратиться к ученикам.

* * *

— Всем ученикам нужно возвращаться в гостиные своих Домов к шести часам вечера. Никто из учеников не должен покидать их после этого времени. На каждый урок вас будут сопровождать учителя. Ни один студент не должен идти в уборную без сопровождения учителя. Все дальнейшие тренировки и матчи по Квиддитчу будут отложены. Все вечерние занятия будут отменены.

Гриффиндорцы, набившиеся в гостиную, молча слушали профессора МакГонагалл. Она свернула пергамент, который читала и сказала слегка хриплым голосом:

— Могу лишь добавить, что раньше мне нечасто приходилось так сильно расстраиваться. Вероятно, школу закроют, если только виновник не будет пойман. Я бы попросила откликнуться того, кто хоть что-нибудь об этом знает.

Она немного неловко удалилась через портретный ход, и гриффиндорцы тут же заговорили.

— Это уже два гриффиндорца, не считая гриффиндорского привидения, одна ученица Рэйвенкло и один ученик Хаффлпаффа, — сказал друг близнецов Уизли Ли Джордан, загибая пальцы. — Разве никто из учителей не заметил, что ни один

Слизеринец не пострадал? Разве не очевидно, что всё идет от Слизерина? Наследник Слизерина, монстр Слизерина… почему бы просто не выгнать всех Слизеринцев? — взревел он, некоторые закивали и захлопали.

Перси Уизли сидел на стуле позади Ли, но на этот раз он не стремился высказать своё мнение. Он был бледен и выглядел потрясённым.

— Перси в шоке, — тихо объяснил Гарри Джордж. — Та девочка из Рэйвенкло — Пенелопа Клируотер — Префект. Я думаю, он не предполагал, что монстр посмеет атаковать Префекта.

Но Гарри почти не слушал. Он не мог отделаться от воспоминания об Гермионе, застывшей на больничной койке, похожей на высеченную из камня статую. И если виновника вскоре не поймают, ему придётся всю оставшуюся жизнь провести с Дёрсли. Том Риддл сдал Хагрида, потому что иначе его ждал детский приют. Теперь Гарри точно знал, что он тогда чувствовал.

— Что будем делать? — тихо спросил Рон у Гарри. — Думаешь, они подозревают Хагрида?

— Нам нужно пойти и поговорить с ним, — решительно сказал Гарри. — Я не верю, что он делает это сейчас, но если это он освободил монстра в прошлый раз, то он знает, как попасть в

Тайную Комнату, а это уже кое-что.

— Но профессор МакГонагалл сказала, чтобы мы оставались в башнях, если у нас нет занятий…

— По-моему, — ещё тише сказал Гарри, — самое время достать Плащ моего отца.

* * *

От отца Гарри унаследовал только одну вещь: длинный серебристый Плащ-Невидимку. Это была их единственная возможность незаметно выскользнуть из школы и навестить Хагрида. Они легли спать как обычно, подождали, пока Невилл, Дин и Шеймус наконец перестанут обсуждать Тайную Комнату и заснут, поднялись, снова оделись и накинули Плащ.

Прогулка по тёмным и пустынным коридорам оказалась совсем не приятной. Гарри, который до этого несколько раз бродил ночью по замку, никогда не видел столько народу после заката. Преподаватели, Префекты и привидения парами патрулировали коридоры, озираясь по сторонам в поисках чего-нибудь необычного. Плащ-Невидимка не скрывал шум, поэтому однажды возник особенно неприятный момент, когда Рон стукнул палец всего лишь в паре метров от того места, где

стоял на страже Снейп. К счастью, Снейп чихнул в тот самый момент, когда Рон выругался. Они добрались до дубовой парадной двери и с облегчением открыли её.

Снаружи стояла ясная звёздная ночь. Они торопливо направились к освещённым окнам хижины Хагрида и сняли Плащ только на пороге.

Они постучали, и через несколько секунд Хагрид распахнул дверь. Он целился в них из арбалета, а за спиной у него громко лаял волкодав Клык.

— А, — сказал Хагрид, опуская оружие. — Чего это вы тут делаете?

— А это ещё зачем? — спросил Гарри, показывая на арбалет, когда они вошли.

— Неважно… неважно… — пробормотал Хагрид. — Я ждал… неважно… садитесь… сейчас чай сделаю…

Он едва понимал, что делает. Он чуть не затушил камин, вылив в него воду из чайника, а потом разбил заварник, нервно дёрнув огромной рукой.

— Хагрид, ты в порядке? — сказал Гарри. — Ты слышал о Гермионе?

— Ну да, ещё бы, — сказал Хагрид слегка дрогнувшим голосом.

Он продолжал бросать встревоженные взгляды на окна. Он налил им две большие кружки кипятка (забыв добавить чайные пакетики) и как раз выкладывал на тарелку кусок фруктового пирога, когда раздался громкий стук в дверь.

Хагрид уронил пирог. Гарри и Рон обменялись встревоженными взглядами, накинули Плащ-Невидимку и забились в угол. Хагрид проверил, хорошо ли они спрятались, схватил арбалет и снова распахнул дверь.

— Добрый вечер, Хагрид.

Это был Дамблдор. Очень серьёзный, он вошёл в комнату, и через секунду за ним вошёл очень странный человек.

Незнакомец был невысок и тучен, с взъерошенными седыми волосами и беспокойным выражением лица. На нём было странное сочетание вещей: костюм в тонкую полоску, алый галстук, длинный чёрный плащ и сиреневые туфли с заострёнными носами. Подмышкой он держал ярко-зелёную шляпу-котелок.

— Это папин босс! — выдохнул Рон. — Корнелиус Фадж, Министр Магии!

Гарри сильно ткнул Рона локтем, чтобы тот замолчал.

Хагрид побледнел и вспотел. Он рухнул на один

из стульев, переводя взгляд с Дамблдора на Корнелиуса Фаджа.

— Плохи дела, Хагрид, — промямлил Фадж. — Очень плохи. Пришлось приехать. Четыре нападения на магглорожденных. Это зашло слишком далеко. Министерству необходимо действовать.

— Я никогда, — сказал Хагрид, в поисках поддержки посмотрев на Дамблдора, — вы же знаете, я никогда, профессор Дамблдор, сэр…

— Я хочу, чтобы ты понял, Корнелиус, я полностью доверяю Хагриду, — сказал Дамблдор, бросая на Фаджа хмурый взгляд.

— Послушай, Альбус, — смутился Фадж. — Прошлое Хагрида против него. Министерство должно что-то сделать… со мной связался совет попечителей.

— Корнелиус, я повторяю, что арест Хагрида не спасёт положения, — сказал Дамблдор. В его глазах был огонь, которого Гарри раньше не видел.

— Войди в мое положение, — сказал Фадж, вертя в руках котелок. — На меня оказывают сильнейшее давление. Нужно, чтобы увидели, что я что-то предпринимаю. Если выяснится, что это не Хагрид, он вернётся и всё. Но я вынужден его забрать. Вынужден. Я бы не выполнил свой долг…

— Забрать меня? — спросил Хагрид, которого трясло. — Куда забрать?

— Лишь на короткий срок, — сказал Фадж, стараясь пересекаться с Хагридом взглядом. — Не наказание, Хагрид, а, скорее, предосторожность. Если кого-то ещё поймают, вас выпустят со всеми извинениями…

— Не в Азкабан же? — прохрипел Хагрид.

Прежде чем Фадж успел ответить, в дверь снова громко постучали.

Дамблдор открыл её. Теперь настал черёд Гарри получить локтем под ребро: он очень громко ахнул.

Мистер Люциус Малфой, облачённый в длинный дорожный плащ, довольно улыбаясь, вплыл в хижину Хагрида. Клык зарычал.

— Уже здесь, Фадж, — одобрительно произнёс он. — Отлично, отлично…

— Что вы тут делаете? — яростно сказал Хагрид. — Выметайтесь из моего дома!

— Мой дорогой, поверьте, мне не доставляет никакого удовольствия находиться в вашем… эээ… вы зовёте это домом? — произнёс Люциус Малфой, усмехаясь и оглядывая маленькую хижину. — Я просто связался со школой и мне сообщили, что директор здесь.

— И что же ты хочешь от меня, Люциус? — спросил Дамблдор. Он говорил вежливо, но в глазах его всё ещё горел огонь.

— Это ужасно, Дамблдор, — неторопливо проговорил мистер Малфой, вынимая длинный свиток пергамента, — но попечители решили, что вам пора отойти в сторону. Вот Приказ об Отстранении… там вы найдёте все двенадцать подписей. Боюсь, мы сошлись на том, что вы теряете хватку. Сколько нападений уже совершено к данному моменту? И ещё два сегодня днём, верно? Такими темпами в Хогвартсе скоро не останется маглорожденных, а все мы знаем, какой ужасной потерей это будет для школы.

— О, сейчас, послушайте, Люциус, — встревоженно сказал Фадж. — Дамблдор отстранён… нет, нет… последнее, чего нам не хватало…

— Назначение — или отстранение — директора — дело попечителей, Фадж, — мягко сказал мистер Малфой. — А так как Дамблдору не удалось прекратить нападения…

— Послушай, Люциус, если уж Дамблдор не может их прекратить… — сказал Фадж, у которого вспотела верхняя губа. — Тогда кто сможет?

— Увидим, — сказал мистер Малфой, мерзко улыбаясь. — Но так как все двенадцать из нас

проголосовали…

Хагрид вскочил на ноги, и его чёрная лохматая голова коснулась потолка.

— А скольких ты уговорил угрозами и шантажом, а, Малфой? — взревел он.

— Боже мой, знаешь, твой нрав когда-нибудь доведёт тебя до неприятностей, Хагрид, — сказал мистер Малфой. — Я бы не советовал так орать на охранников в Азкабане. Им это совсем не понравится.

— Вы не можете убрать Дамблдора! — рявкнул Хагрид так, что волкодав Клык съёжился в корзинке и заскулил. — Уберите его, и у маггло-рожденных не останется и шанса! А там недолго и до убиений!

— Успокойся, Хагрид, — отрезал Дамблдор. Он посмотрел на Люциуса Малфоя.

— Если попечители хотят, чтобы я отошёл от дел, я, безусловно, подчинюсь их решению.

— Но… — заикнулся Фадж.

— Нет! — прорычал Хагрид.

Дамблдор не сводил своих ярких голубых глаз с серых глаз мистера Малфоя.

— Однако, — сказал Дамблдор, говоря медленно и чётко, чтобы никто из них не пропустил ни слова, — вы поймёте, что на самом деле я покину

Хогвартс только тогда, когда здесь не останется ни одного верного мне человека. Знайте, что в Хогвартсе помощь всегда придёт к тем, кто о ней попросит.

Гарри был почти уверен, что на секунду Дамблдора бросил взгляд в направлении угла, где прятались они с Роном.

— Какие нежности, — раскланиваясь, сказал Малфой. — Всем нам будет не хватать вашего… э… глубоко неординарного подхода ко всему, Альбус, но я надеюсь, что твой преемник сможет предотвратить эти… мм… «убиения».

Он прошёл к двери, открыл её и с поклоном пропустил вперёд Дамблдора. Фадж, вертя в руках свой котелок, подождал, пока выйдет Хагрид, но Хагрид набрал воздуху в грудь и сказал, тщательно подбирая слова: «Если кто-нибудь захочет кое-что выяснить, всё, что ему нужно — это следовать за пауками. Это выведет его на верный след! Вот всё, что я хочу сказать».

Фадж посмотрел на него с удивлением.

— Ладно, иду, — сказал Хагрид, натягивая своё кротовое пальто. Но когда он уже выходил за Фаджем в дверь, то вновь остановился и громко произнёс. — И кому-то в моё отсутствие придётся кормить Клыка.

Дверь захлопнулась, и Рон стянул Плащ-Невидимку.

— Ну и влипли мы, — прохрипел он. — Дамблдора нет. Школу могут закрыть уже сегодня. Теперь, когда его нет, нападения будут происходить ежедневно.

Клык начал скулить и скрестись в закрытую дверь.

15. Арагог

К окрестностям замка подкрадывалось лето, небо и озеро стали синими, как барвинки, а в парниках распустились цветы величиной с капусту. Но теперь, когда из окон замка нельзя было увидеть Хагрида, совершающего обход вместе с Клыком, следующего за ним по пятам, эта картина не радовала Гарри, как, впрочем, и внутренняя атмосфера в замке, где всё летело кувырком.

Гарри и Рон попытались навестить Гермиону, но теперь больничное крыло было закрыто для посетителей.

— Мы больше не станем рисковать — строго сказала им мадам Помфри, приоткрыв дверь. — Нет, извините, нападавший может вернуться, чтобы довершить начатое…

Теперь, когда в школе не было Дамблдора, страх охватил всех сильнее прежнего, так что, казалось, даже солнце за стенами замка застыло в окнах. В школе едва ли нашлось бы не хмурое лицо, и всякий смех, разносившийся по коридору, звучал резко, неестественно и быстро стихал.

Гарри часто повторял про себя последние слова

Дамблдора: «На самом деле я покину Хогвартс только тогда, когда здесь не останется ни одного верного мне человека… Знайте, что в Хогвартсе помощь всегда придёт к тем, кто о ней попросит». Но какой с них толк? У кого просить помощи, когда все были напуганы и сбиты с толку так же, как и они?

Подсказку Хагрида о пауках понять было гораздо проще, но беда была в том, что, похоже, в замке не осталось ни одного паука, за которым бы можно было следовать. Гарри искал их повсюду, куда бы он пошёл, а Рон (довольно неохотно) помогал ему. Конечно, их сдерживал тот факт, что им нельзя было перемещаться по замку самостоятельно, а приходилось передвигаться по Хогвартсу вместе с другими гриффиндорцами. Большинство их товарищей, похоже, были рады, что из класса в класс их провожают преподаватели, но Гарри это сильно донимало.

Однако кое-кто был очень рад атмосфере ужаса и подозрения. Драко Малфой расхаживал по школе с таким видом, будто его только что назначили Старостой. Гарри не понимал, отчего тот был таким довольным, пока на уроке Зельеварения, через две недели после отъезда Дамблдора и Хагрида, сидя позади Малфоя, Гарри не подслушал

его разговор с Крэббом и Гойлом.

— Я всегда думал, что папа может избавиться от Дамблдора, — сказал он, даже не пытаясь понизить голос. — Я говорил вам, он думает, что Дамблдор — самый ужасный директор из всех, когда-либо работавших в школе. Может быть, теперь у нас появится нормальный директор. Тот, кто решит не закрывать Тайную Комнату. МакГонагалл долго не продержится, она всего лишь заместитель…

Снейп прошёл мимо Гарри, ничего не сказав о пустующем месте и котле Гермионы.

— Сэр, — громко произнёс Малфой. — Сэр, а почему бы вам не подать заявку на место директора?

— Ну, ну, Малфой, — ответил Снейп, но скрыть усмешку ему не удалось. — Профессор Дамблдор лишь отстранён попечителями. Я полагаю, он к нам скоро вернётся.

— Ага, как же, — сказал, ухмыляясь, Малфой. — Полагаю, отец проголосовал бы за вас, сэр, если бы вы пожелали подать заявку на это место. Я скажу отцу, что вы здесь лучший учитель, сэр…

Снейп усмехнулся и продолжил обход подземелья, к счастью, не замечая Шеймуса Финнигана, делавшего вид, что его рвёт в котёл.

— Я очень удивлён, что грязнокровки до сих пор не собрали вещички, — продолжал Малфой. — Готов поспорить на пять галлеонов, что следующий умрёт. Жаль, что это будет не Грэйнджер.

В этот момент как нельзя кстати прозвенел звонок: при последних словах Малфоя Рон соскочил с табуретки, и среди суеты, пока все собирали сумки и книги, его попытки добраться до Малфоя остались незамеченными.

— Пустите меня, — прорычал Рон, когда Гарри и Дин повисли у него на руках. — Мне всё равно, мне не нужна волшебная палочка, я убью его голыми руками…

— Поторопитесь, я провожу вас на Гербологию, — рявкнул Снейп, и они отправились в путь гуськом. Гарри, Рон и Дин замыкали шествие, а Рон всё ещё пытался вырваться на волю. Отпустить его они смогли только тогда, когда Снейп вывел их из замка, и они пошли через грядки к парникам.

На уроке Гербологии все чувствовали себя подавленными, ведь теперь не хватало двоих — Джастина и Гермионы.

Профессор Спраут дала им задание подрезать Абиссинский Съёжинжир. Гарри пошёл выбросить охапку сухих стеблей на кучу компоста и

оказался лицом к лицу с Эрни Макмилланом. Эрни набрал воздуха и очень церемонно сказал:

— Я только хотел сказать, Гарри, что мне очень жаль, что я подозревал тебя. Я знаю, ты бы никогда не напал на Гермиону Грэйнджер, и я прошу прощения за всё, что наговорил. Теперь мы все в одной лодке, ну и…

Он протянул пухлую руку, а Гарри пожал её.

Эрни и его подруга Ханна присоединились к Гарри и Рону, чтобы помочь со Съёжинжиром.

— Этот Драко Малфой, — сказал Эрни, отламывая сухие сучки, — кажется, он всем этим весьма доволен. Знаете, я думаю, он бы мог быть наследником Слизерина.

— Да ты гений, — сказал Рон, который, похоже, не собирался прощать Эрни так же быстро, как Гарри.

— Так по-твоему, это Малфой, Гарри? — спросил Эрни.

— Нет, — сказал Гарри так уверенно, что Эрни и Ханна уставились на него.

Но уже через секунду Гарри заметил то, из-за чего он стукнул Рона секатором по руке.

— Ай! Что ты…

Гарри указывал на место в нескольких футах от них. По земле бежало несколько больших

пауков.

— А, да, — сказал Рон, безуспешно пытаясь выглядеть довольным. — Мы не можем пойти за ними сейчас…

Эрни и Ханна с любопытством их слушали.

Гарри смотрел, как пауки куда-то убегали.

— Похоже, они направляются в Запретный Лес…

И от этого Рон помрачнел ещё больше.

В конце занятия профессор Спраут проводила учеников на урок Защиты от Тёмных Искусств. Гарри и Рон отстали от остальных, чтобы поговорить подальше от чужих ушей.

— Нам снова придётся воспользоваться Плащом-Невидимкой, — сказал Гарри Рону. — Мы можем взять с собой Клыка. Он привык ходить в Лес с Хагридом и может пригодиться.

— Верно, — сказал Рон, нервно крутя в пальцах волшебную палочку. — Ээ… а там… там, в Лесу, разве не водятся оборотни? — добавил он, когда они заняли свои обычные места в самом конце аудитории Локхарта.

Предпочитая не отвечать на этот вопрос, Гарри сказал:

— Там есть и хорошие существа. Кентавры и единороги…

Рон никогда не был в Запретном Лесу. Гарри был там лишь однажды и надеялся, что больше никогда туда снова не попадёт.

Локхарт вошёл в аудиторию, и все уставились на него. Все остальные преподаватели выглядели серьёзнее, чем обычно, но Локхарт явно пребывал в хорошем расположении духа.

— Ну что же вы, — сияя, воскликнул он. — Почему все такие мрачные?

Ученики обменялись недоуменными взглядами, но никто не ответил.

— Как же вы не поймёте, — произнес Локхарт медленно, будто разговаривая с идиотами, — что опасность миновала! Виновника увели.

— Кто сказал? — громко воскликнул Дин Томас.

— Мой дорогой юноша, Министр Магии не забрал бы Хагрида, если бы на сто процентов не был уверен, что он виновен, — сказал Локхарт тоном человека, объясняющего, что один и один равно двум.

— Ещё как забрал бы, — ещё громче Дина сказал Рон.

— Я смею думать, что знаю об аресте Хагрида куда больше, чем вы, мистер Уизли, — самодовольно произнес Локхарт.

Рон начал было говорить, что он так не считает, но остановился на середине предложения, когда Гарри сильно пнул его под партой.

— Нас там не было, помнишь? — пробормотал Гарри.

Но отвратительная радость Локхарта, его намеки, что он всегда думал, что от Хагрида мало толка, его уверенность, что теперь всё закончилось, так раздражала Гарри, что ему хотелось запустить «Ужином с Упырями» прямо в тупое лицо Локхарта. Он переборол себя, нацарапав Рону записку: «Давай сегодня ночью».

Рон прочитал записку, сглотнул и бросил взгляд в сторону пустовавшего места Гермионы. Это, вероятно, укрепило его решимость, и он кивнул.

* * *

В гриффиндорской гостиной в эти дни было людно, потому что гриффиндорцам после шести податься было некуда. К тому же им было, о чём переговорить, так что гостиная зачастую не пустела до полуночи.

Сразу же после обеда Гарри вынул из чемодана Плащ-Невидимку и вечер провёл, сидя на нём, ожидая, когда комната опустеет. Фред и Джордж предложили Гарри и Рону сыграть несколько

партий в Подрывного Дурака, а Джинни, которая выглядела очень подавленной, наблюдала за ними, сидя на стуле Гермионы. Гарри и Рон нарочно проигрывали, пытаясь скорее закончить игру, но всё равно было уже далеко за полночь, когда Фред, Джордж и Джинни ушли спать.

Гарри и Рон подождали, пока не раздались отдалённые звуки закрывающихся дверей двух спален, затем схватили Плащ, набросили его и пробрались сквозь портретный ход.

Это было ещё одно нелёгкое путешествие по замку, минуя учителей. Наконец, они дошли до вестибюля, отодвинули засов на дубовой парадной двери, протиснулись в неё, стараясь не скрипеть, и вышли на территорию, залитую лунным светом.

— Конечно, — вдруг заговорил Рон, когда они шагали по тёмной траве, — мы можем пойти в Лес и не обнаружить пауков. Может быть, те пауки шли вовсе не туда. Я понимаю, было похоже, что они движутся как бы в общем направлении, но…

Он замолчал с надеждой.

Они дошли до дома Хагрида. Тёмные окна придавали ему грустный вид. Когда Гарри толкнул дверь, Клык, увидев их, сошёл с ума от радости. Беспокоясь, что он своим громким лаем может

перебудить всех в замке, они быстро скормили его паточную помадку из жестяной банки на каминной полке, отчего у него склеились челюсти.

Гарри оставил Плащ на столе Хагрида. В совершенно тёмном Лесу они в нём не нуждались.

— Пошли, Клык, мы идём гулять, — сказал Гарри, притоптывая, и счастливый Клык выбежал из дома вслед за ними, ринулся к опушке Леса и поднял ногу у большого платанового дерева.

Гарри достал волшебную палочку, пробормотал: «Люмос!» — и на конце палочки возник крошечный огонек, достаточный, чтобы найти тропинку и пауков.

— Хорошая мысль, — сказал Рон. — Я бы тоже свою зажёг, но знаешь… она может взорваться, или ещё чего-нибудь сделать…

Гарри похлопал Рона по плечу, указывая на траву. Два одиноких паука поспешно удалялись от света палочки в тень деревьев.

— Ну ладно, — вздохнул Рон, словно смиряясь с неизбежным. — Я готов. Пошли.

И, с Клыком, бегающим вокруг них и обнюхивающим листья и корни деревьев, они вошли в Лес. Около двадцати минут при свете палочки Гарри они молча шли за бегущими по тропинке пауками, напряжённо прислушиваясь к шорохам,

но не слыша ничего, кроме треска сломанных веток и шелеста листьев. Затем, когда деревья стали настолько густыми, что звёзды перестало быть видно, а палочка Гарри была единственным источником света в море тьмы, они заметили, что их пауки-проводники свернули с тропинки.

Гарри остановился, пытаясь рассмотреть, куда шли пауки, но повсюду, за исключением их маленького огонька, стояла непроглядная темень. Он никогда не был в такой чаще Леса. В прошлый раз Хагрид наказывал им не сходить с тропинки. Но теперь Хагрид был за много миль отсюда и, вероятно, сидел в камере в Азкабане, и, кроме того, он сказал им идти за пауками.

Что-то влажное коснулось руки Гарри, и он отпрыгнул назад, наступив Рону на ногу, но это был всего лишь нос Клыка.

— Ну, что думаешь? — спросил Гарри у Рона, различая лишь его глаза, в которых отражался свет палочки.

— Мы уже зашли далеко, — сказал Рон.

И они двинулись вслед за тенью пауков вглубь леса. Им пришлось идти медленнее, так как на пути встречались корни деревьев и пни, еле видимые в окружающей темноте. Гарри чувствовал на своей руке горячее дыхание Клыка. Они не раз

останавливались, чтобы Гарри мог нагнуться и отыскать пауков в свете палочки.

Казалось, они шли уже не меньше получаса, их мантии цеплялись за низкие ветки и заросли ежевики. Спустя некоторое время, они заметили, что местность понижается, хотя деревья были густы, как и прежде.

Вдруг Клык залаял, так что Гарри и Рон от неожиданности вздрогнули.

— Ну что? — громко спросил Рон, вглядываясь в темноту и хватая Гарри за локоть.

— Там что-то движется, — тихо сказал Гарри. — Послушай… похоже, что-то большое…

Они вслушались. Невдалеке, справа от них, что-то большое, треща ветками, проламывалось сквозь деревья.

— О нет, — сказал Рон. — О нет, о нет, о…

— Замолчи! — сердито шепнул Гарри. — Оно услышит тебя!

— Услышит меня? — взвизгнул Рон. — Оно уже услышало Клыка!

Казалось, темнота давила на глаза, они стояли, испуганные, и ждали. Странный рокот сменился тишиной.

— Как думаешь, что оно делает? — спросил Гарри.

— Наверное, готовится к прыжку, — сказал Рон.

Они ждали, дрожа, не отваживаясь шевельнуться.

— Думаешь, оно ушло? — прошептал Гарри.

— Не знаю…

Внезапно справа от них вспыхнул свет, такой яркий среди всей этой темноты, что они закрыли глаза ладонями. Клык заскулил и бросился бежать, но застрял в терновом кусте и заскулил ещё громче.

— Гарри, — крикнул Рон, в его голосе слышалась радость. — Гарри, это же наша машина!

— Что?

— Пошли!

Гарри, спотыкаясь, пошёл за Роном к свету, и, спустя мгновение, они очутились на поляне.

Под сенью густых ветвей, окруженный толстыми стволами, стоял пустой автомобиль мистера Уизли, его фары горели. Когда Рон пошёл к нему с разинутым ртом, он медленно двинулся к нему навстречу, словно большая бирюзовая собака, приветствующая своего хозяина.

— Она всё время была здесь! — обходя машину, восхищенно сказал Рон. — Только посмотри на неё. Лес превратил её в дикарку…

Бока машины были поцарапаны и измазаны грязью. Похоже, она рыскала по Лесу сама. Клыку она, похоже, совсем не нравилась; дрожа, он жался к Гарри. Успокоившись, Гарри спрятал палочку обратно в мантию.

— А мы-то думали, что она собирается напасть на нас! — сказал Рон, прислонившись к автомобилю и похлопывая по нему. — А я всё думал, куда она пропала!

Гарри прищурился и стал осматривать освещённую фарами землю в поисках пауков, но они разбежались подальше от света.

— Мы потеряли след, — сказал он. — Пойдём, нужно их найти.

Рон не ответил. Он не двигался. Его взгляд застыл на чём-то в футах десяти от земли, прямо позади Гарри. Его лицо было мертвенно-бледным от ужаса.

Гарри даже не успел обернуться. Раздалось громкое щёлканье, и он почувствовал, как что-то длинное и волосатое обхватило его вокруг талии, оторвало от земли, и он повис вниз головой. Испуганно отбиваясь, он опять услышал щёлканье, увидел, как ноги Рона тоже оторвались от земли, услышал, как Клык громко скулит… в следующее мгновение их потащили в тёмную чащу.

Вися вниз головой, Гарри увидел, что то существо, которое держало его, шло на шести невероятно длинных волосатых ногах, а две передних сжимали его тело под парой чёрных блестящих клешней. Он слышал, что за ними следовало ещё одно существо, которое, без сомнения, тащило Рона. Они направлялись в самую чащу Леса. Гарри слышал, как Клык сражается с третьим чудовищем, пытаясь освободиться, и громко скулит, но сам Гарри не смог бы крикнуть, даже если бы захотел. Казалось, его голос остался возле машины, на поляне.

Он не знал, сколько времени провел в лапах чудовища; он лишь понял, что внезапно темнота расступилась настолько, чтобы он мог различить покрытую листьями землю, по которой сновали пауки. Взглянув по сторонам, он понял, что они достигли края широкой лощины. Лощины, которая была расчищена от деревьев, и звёзды ярко освещали самую ужасную картину, какую ему только доводилось видеть.

Пауки. Не крошечные паучки, шелестящие в листве на земле. Пауки размером с ломовых лошадей, восьмиглазые, восьминогие, чёрные, волосатые, огромные. Тот огромный паук, что нёс Гарри, направился вниз по крутому склону

к дымчатой куполообразной паутине в самом центре лощины, в то время как его товарищи приближались к нему, радостно щёлкая клешнями при виде ноши.

Гарри упал на землю на четвереньки, когда паук отпустил его. Рон и Клык свалились рядом с ним. Клык больше не скулил, вместо этого он съёжился на месте. Рон выглядел именно так, как чувствовал себя Гарри. Его рот был широко открыт в беззвучном крике, а глаза выпучены.

Неожиданно Гарри понял, что паук, бросивший его, что-то говорит. Было трудно разобрать, что именно, потому что он щёлкал клешнями при каждом слове.

— Арагог! — кричал он. — Арагог!

Из середины дымчатой куполообразной паутины очень медленно появился паук размером с маленького слона. На чёрном теле и лапах виднелась седина, и каждый глаз на его уродливой голове был молочно-белым. Он был слеп.

— В чем дело? — спросил он, быстро щёлкая клешнями.

— Люди, — прощёлкал паук, который поймал Гарри.

— Это Хагрид? — спросил Арагог, придвигаясь ближе, бессмысленно водя бледными глазами.

— Незнакомцы, — щёлкнул паук, принёсший Рона.

— Убейте их, — раздражённо щёлкнул Арагог. — Я спал…

— Мы — друзья Хагрида, — крикнул Гарри. Его сердце, казалось, выскочило из груди и колотилось в горле.

Щёлк, щёлк, щёлк раздавалось по всей лощине.

Арагог остановился.

— Хагрид раньше не присылал людей в нашу лощину, — медленно сказал он.

— Хагрид в беде, — объяснил Гарри, отрывисто дыша. — Вот почему мы пришли.

— В беде? — сказал пожилой паук, и Гарри показалось, что сквозь щёлканье клешней он расслышал беспокойство. — Но почему он послал вас?

Гарри хотел встать, но передумал, решив, что не удержится на ногах. И он продолжал говорить с земли, как можно спокойнее.

— В школе думают, что Хагрид натравливал… ээ… кого-то на учеников. Они забрали его в Азкабан.

Арагог яростно щёлкнул клешнями, и по всей лощине пауки эхом подхватили этот звук; это

было похоже на аплодисменты, за исключением того, что при звуке аплодисментов Гарри не становилось тошно от страха.

— Но это было много лет назад, — раздражённо сказал Арагог. — Много-много лет назад. Я хорошо это помню. Вот из-за чего его заставили бросить школу. Они считали, что я был чудовищем, которое живет в так называемой Тайной Комнате. Они думали, что Хагрид открыл Комнату и выпустил меня.

— А вы… вы появились не из Тайной Комнаты? — спросил Гарри и ощутил холодный пот на лбу.

— Я! — сказал Арагог, гневно щёлкая клешнями. — Я родился не в замке. Я прибыл издалека. Путешественник отдал меня Хагриду, когда я был в яйце. Хагрид был ещё маленьким мальчиком, но он заботился обо мне, спрятал меня в чулане замка, подкармливал объедками со стола. Хагрид — хороший мой друг и хороший человек. Когда меня обнаружили и обвинили в смерти девочки, он защитил меня. С тех пор я живу здесь, в Лесу, где Хагрид всё ещё навещает меня. Он даже нашёл мне жену, Мосаг, и вы видите, как наша семья разрослась, всё благодаря доброте Хагрида…

Гарри собрал остатки мужества.

— Так вы никогда… никогда ни на кого не нападали?

— Никогда, — прохрипел старый паук. — Это мой инстинкт, но, уважая Хагрида, я не причинял зла людям. Тело убитой девочки было найдено в туалете. Я никогда не видел других частей замка, кроме чулана, в котором вырос. Наш род любит темноту и тишину…

— Но тогда… Вы знаете, что на самом деле убило ту девочку? — спросил Гарри. — Потому что, что бы это ни было, оно вернулось и снова нападает на людей…

Его слова потонули в громком возмущенном щёлканье и злобном шуршании множества длинных лап; чёрные тени пауков придвинулись ближе.

— То, что живет в замке, — сказал Арагог, — это древнее существо, которого мы, пауки, боимся больше всего. Я помню, как я попросил Хагрида выпустить меня, когда почувствовал, что это чудовище передвигается по школе.

— Что это? — настойчиво спросил Гарри.

Щёлканье и шуршание становились всё громче; видимо, пауки замыкали круг.

— Мы не говорим о нём! — свирепо сказал Арагог. — Мы не называем его! Я никогда, даже

Хагриду, не называл имени этого чудовища, хотя он спрашивал меня много раз.

При более благоприятных обстоятельствах Гарри так просто бы не уступил, но только не в присутствии живой стены, подползавшей ближе и ближе. Казалось, Арагог устал от разговора. Он медленно забирался в свою куполообразную паутину, а его собратья-пауки продолжали дюйм за дюймом придвигаться к Гарри и Рону.

— Тогда мы пойдём, — отчаянно крикнул Гарри вслед Арагогу, слыша шуршание листьев за спиной.

— Пойдёте? — медленно спросил Арагог. — Не думаю…

— Но… но…

— Мои сыновья и дочери не причиняют вреда Хагриду по моему приказу, но я не могу отказать им в свежем мясе, раз уж оно само попало в наши лапы. Прощайте, друзья Хагрида.

Гарри обернулся. В нескольких футах от него возвышалась сплошная стена пауков со светящимися глазами.

Даже доставая палочку, Гарри понимал, что это не поможет — их было слишком много, но он попытался подняться на ноги, уже готовый умереть, сражаясь, и тут прозвучал громкий гудок и

лощину осветил свет фар.

На склон с грохотом вылетел автомобиль мистера Уизли, озаряя окрестности светом и оглушая звуками клаксона. Он сбивал пауков, опрокидывая их на спины, и они бессильно размахивали вслед ему волосатыми лапами. Автомобиль остановился перед Гарри с Роном и распахнул двери.

— Бери Клыка! — ныряя на переднее сиденье, крикнул Гарри; Рон схватил визжащего волкодава и бросил его на заднее сиденье. Двери захлопнулись. Рон не касался педали газа, но автомобиль не нуждался в водителе, двигатель взревел, и они ринулись вперёд, сбив ещё больше пауков. Машина буквально взлетела по склону, вон из лощины, и они вломились в лес, ветки хлестали по стёклам, когда автомобиль прокладывал дорогу прямо через прогалины, следуя по одному ему известной тропе.

Гарри посмотрел на Рона. Рот у того всё ещё был открыт в беззвучном крике, но глаза уже не вылезали из орбит.

— Ты в порядке?

Рон смотрел вперёд, не в силах что-либо сказать.

Машина прокладывала дорогу через подлесок, Клык громко выл на заднем сиденье, а Гарри уви-

дел, как откололось боковое зеркало, когда они едва протиснулись мимо большого дуба. Через десять оглушительных минут тряски деревья поредели, и Гарри смог снова увидеть участки неба.

Машина остановилась так внезапно, что они чуть не вылетели сквозь лобовое стекло. Они были на опушке Леса. Клык кинулся к окну, желая вылезти наружу, и, едва Гарри открыл дверь, бросился к хижине Хагрида, поджав хвост. Гарри тоже вылез, а через минуту-другую и Рон, кажется, пришёл в сознание и тоже выбрался из машины, хотя он всё ещё смотрел вперёд и, казалось, не мог повернуть голову. Гарри благодарно похлопал автомобиль, тот дал обратный ход в Лес и исчез из виду.

Гарри зашёл в хижину Хагрида забрать Плащ-Невидимку. Клык дрожал в своей корзине, забившись под одеяло. Когда Гарри вышел обратно, Рона он обнаружил на тыквенной грядке. Того тошнило.

— Следовать за пауками, — проговорил Рон слабым голосом, вытирая рот рукавом. — Никогда не прощу Хагрида. Нам повезло, что мы остались живы.

— Вряд ли он думал, что Арагог причинит вред

его друзьям, — сказал Гарри.

— Именно в этом беда Хагрида! — сказал Рон, стукнув в стену хижины. — Он всегда думает, что чудовища не так плохи, как они выглядят, и посмотри, куда его это привело! В камеру в Азкабане! — Теперь его трясло. — Для чего он нас туда послал? Что мы выяснили, хотел бы я знать?

— Что Хагрид никогда не открывал Тайную Комнату, — сказал Гарри, накидывая плащ на Рона и тыкая ему в руку, чтобы он шёл вперёд. — Он невиновен.

Рон громко фыркнул. Видимо, выведение Арагога в чулане явно не вязалось с его представлениями о невиновности.

Приблизившись к замку, Гарри одёрнул Плащ, чтобы убедиться, что их ноги скрыты, а затем толкнул скрипнувшую входную дверь. Они осторожно прошли обратно через вестибюль, поднялись по мраморной лестнице, сдерживая дыхание, когда пересекали коридоры, где стояли на страже бдительные часовые. Наконец они добрались невредимыми до безопасной гриффиндорской гостиной, где поленья в камине уже прогорели до золы. Они сняли Плащ и поднялись по винтовой лестнице в спальню.

Рон упал на кровать, даже не потрудившись

раздеться. Гарри, однако, не ощущал сонливости. Он присел на край постели, раздумывая обо всём, что сказал Арагог.

Существо, скрывающееся где-то в замке, было очень похоже на Волдеморта среди монстров… даже другие чудовища не хотели называть его имени. Но они с Роном так и не узнали, что это такое или как оно обращает в камень свои жертвы. Даже Хагрид не знал, кто живет в Тайной Комнате.

Гарри забросил ноги на кровать и откинулся на подушки, глядя на луну, светившую в окно башни.

Он не знал, что ещё они могли бы сделать. Они повсюду заходили в тупик. Риддл поймал не того человека, наследник Слизерина спасся, и никто не мог сказать, был ли открывший Комнату в этот раз тем же самым человеком, или же другим. Больше спрашивать было не у кого. Гарри лёг, всё ещё раздумывая о том, что сказал Арагог. Он уже засыпал, когда на ум ему пришло нечто похожее на их самую последнюю надежду, и он подскочил.

— Рон, — зашипел он в темноте. — Рон!

Рон проснулся, взвизгнув, как Клык, и дико оглянувшись, увидел Гарри.

— Рон… та девочка, которая погибла. Арагог сказал, что её нашли в туалете, — сказал Гарри, не обращая внимания на храп Невилла в углу. — А что, если она его не покинула? Что, если она ещё там?

Рон, хмурясь, протёр глаза. А потом он понял.

— Ты же не думаешь… неужели Плакса Миртл?

16. Тайная Комната

— Сколько раз мы были в этом туалете, и она была там, всего в трёх кабинках от нас, — горько произнёс Рон на следующий день за завтраком. — Мы могли бы просто спросить её, а теперь…

Разыскивать пауков было непросто. Но убежать от учителей на время, достаточное для того, чтобы проникнуть в девчачий туалет, прямо возле места первого нападения, было бы почти невозможно.

Однако на первом уроке, Трансфигурации, произошло нечто, впервые за эти недели отвлёкшее их от Тайной Комнаты. Через десять минут после начала урока профессор МакГонагалл сообщила, что экзамены начнутся первого июня, ровно через неделю.

— Экзамены? — взвыл Шеймус Финниган. — У нас всё равно будут экзамены?

Позади Гарри раздался громкий удар, когда палочка Невилла Лонгботтома выскользнула из его рук, заставив одну из ножек стола исчезнуть. Профессор МакГонагалл взмахом своей палочки вернула её на место и, нахмурившись, поверну-

лась к Шеймусу.

— Весь смысл того, что в такое время школа до сих пор открыта, в том, чтобы вы получили образование, — строго сказала она. — Поэтому экзамены пройдут как обычно, и я верю, что все вы усердно повторяете пройденное.

Усердно повторять! Гарри не предполагал, что сейчас, когда замок в таком положении, могут быть какие-то экзамены. Мятежный ропот заполнил класс, отчего профессор МакГонагалл нахмурилась ещё сильнее.

— Инструкции профессора Дамблдора заключались в том, чтобы обучение шло в соответствии с распорядком настолько, насколько это возможно, — сказала она. — И я должна подчеркнуть, что это означает — определить, чему вы научились за этот год.

Гарри посмотрел на двух белых кроликов, которых ему полагалось превратить в домашние тапочки. Чему он научился в этом году? Ничего, что пригодилось бы на экзамене, не приходило в голову.

Рон выглядел так, словно ему только что сообщили, что он должен отправиться жить в Запретный Лес.

— Представляешь, как я буду сдавать экзамены

с этой штукой? — спросил он у Гарри, демонстрируя свою палочку, которая вдруг начала громко свистеть.

* * *

За три дня до первого экзамена, за завтраком, профессор МакГонагалл сделала ещё одно объявление.

— У меня хорошие новости, — сказала она, и Большой зал, вместо того, чтобы затихнуть, разразился шумом.

— Дамблдор возвращается! — радостно выкрикнули сразу несколько человек.

— Вы поймали наследника Слизерина! — взвизгнула девочка за столом Рэйвенкло.

— Мы снова играем в квиддитч! — восторженно завопил Вуд.

Когда гвалт затих, профессор МакГонагалл сказала:

— Профессор Спраут сообщила мне, что Мандрагора наконец может быть срезана. Сегодня ночью мы сможем оживить всех, кого обратили в камень. И я должна особо напомнить вам, что кто-нибудь из них, возможно, скажет нам, кто или что атаковало их. Я надеюсь, что этот ужасный год закончится поимкой виновника.

Началось ликование. Гарри посмотрел в сторону стола, где сидели Слизеринцы, и совершенно не удивился, увидев, что Драко Малфой не разделяет всеобщей радости. Рон, однако, выглядел счастливее, чем все эти дни.

— Раз так, то уже неважно, что мы не спрашивали Миртл! — сказал он Гарри. — У Гермионы, наверное, на всё найдутся ответы, когда её разбудят! Спорим, что она взбесится, когда узнает, что у нас будут экзамены, а осталось всего три дня. Она ведь ничего не повторяла. Было бы гуманнее оставить её как есть, пока экзамены не закончатся.

В этот момент к ним подошла Джинни Уизли и села возле Рона. Она выглядела напряжённой и нервной, и Гарри заметил, что руки у неё на коленях нервно дёргались.

— Что такое? — спросил Рон, накладывая себе на тарелку ещё овсянки.

Джинни ничего не ответила, оглядывая гриффиндорский стол с испуганным выражением лица, которое Гарри кого-то напомнило, хотя он не мог вспомнить, кого именно.

— Давай выкладывай, — сказал, глядя на неё, Рон.

Внезапно Гарри понял, кого напоминала Джин-

ни. Она раскачивалась на своем стуле взад и вперед как и Добби, когда он был на грани того, чтобы раскрыть запретные сведения.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — пробормотала Джинни, стараясь не смотреть на Гарри.

— Что именно? — спросил Гарри.

Джинни выглядела так, будто не могла подобрать слова.

— Ну что? — сказал Рон.

Джинни открыла рот, но не издала ни звука. Гарри наклонился к ней и проговорил тихо, так, чтобы только Джинни и Рон могли его услышать.

— Это связано с Тайной Комнатой? Ты что-то видела? Кто-то странно себя ведёт?

Джинни набрала побольше воздуха, и в этот самый миг появился Перси Уизли, бледный и усталый.

— Джинни, если ты закончила завтракать, я здесь присяду. Я ужасно голоден, только что вернулся с патрулирования.

Джинни подскочила, словно стул ударил её током, бросила на Перси испуганный взгляд и умчалась прочь. Перси уселся и схватил кружку с середины стола.

— Перси! — сердито сказал Рон. — Она как раз

собиралась сказать нам что-то важное!

Перси поперхнулся чаем.

— Что именно? — кашляя, спросил он.

— Я как раз спросил её, не видела ли она чего-нибудь необычного, и она хотела рассказать…

— А… это… это совершенно не относится к Тайной Комнате, — мгновенно ответил Перси.

— А ты откуда знаешь? — подняв брови, спросил Рон.

— Ну, ээ, видишь ли, Джинни, ээ, недавно зашла в комнату, когда я… ну, неважно… суть в том, что она видела, как я кое-что делал, и я, мм, попросил её никому об этом не рассказывать. Должен заметить, я думал, она сдержит слово. Но это пустяки, правда, лучше я…

Гарри никогда ещё не видел Перси таким смущённым.

— И что же это ты делал, Перси? — ухмыляясь, сказал Рон. — Ну, давай, скажи нам, мы не будем смеяться.

Перси не улыбнулся в ответ.

— Передай мне булочки, Гарри, я умираю с голоду.

* * *

Гарри знал, что загадка, возможно, завтра будет полностью раскрыта и без их с Роном помощи, но ему не хотелось упускать шанс переговорить с Миртл, если подвернётся такая возможность… и, к его удовольствию, так и вышло утром, когда Гилдерой Локхарт вёл их на урок Истории Магии.

Локхарт, часто уверявший их, что опасность миновала, для того только, чтобы быть тут же опровергнутым, теперь был искренне убежден, что сопровождать их по коридорам едва ли стоит затраченных сил. Волосы его не были приглажены как обычно… похоже, он не спал почти всю ночь, патрулируя четвёртый этаж.

— Помяните мои слова, — заявил он, заводя их за угол, — первыми словами из уст этих несчастных окаменелых будут «Это был Хагрид». Честно говоря, я поражён тем, что профессор МакГонагалл считает, что все эти меры безопасности всё ещё необходимы.

— Согласен, сэр, — сказал Гарри. От неожиданности Рон уронил книги.

— Спасибо, Гарри, — любезно ответил Локхарт, пока они стояли, пропуская длинную процессию

хаффлпаффцев. — Ведь у нас, учителей, и без того дел хватает помимо развода студентов по классам и стояния всю ночь на карауле…

— Это точно, — подхватил Рон. — Почему бы вам, сэр, не оставить нас здесь, нам ведь осталось пройти всего лишь один коридор.

— Знаете, Уизли, я, пожалуй, так и сделаю, — сказал Локхарт. — Мне и в самом деле нужно пойти подготовиться к следующему уроку.

И он поспешно удалился.

— Подготовиться к уроку, — усмехнулся Рон. — Скорее всего, пошёл завивать свои локоны.

Они позволили пройти вперед остальным гриффиндорцам, а затем бросились в боковой проход и поспешили к туалету Плаксы Миртл. Но как раз тогда, когда они собирались поздравить друг друга с удачей…

— Поттер! Уизли! Что вы делаете?

Это была профессор МакГонагалл, и губы её были сжаты с самую тонкую из тончайших линий.

— Мы… мы… — запинался Рон, — мы собирались… собирались пойти посмотреть…

— На Гермиону, — сказал Гарри. Рон и профессор МакГонагалл вдвоём уставились на него.

— Мы давно её не видели, профессор, — торопливо продолжил Гарри, наступая Рону на

ногу, — и подумали, что проберёмся в больничное крыло, ну знаете, сообщим ей, что Мандрагоры почти готовы, и, э, что ей не о чем беспокоиться.

Профессор МакГонагалл продолжала смотреть на него, и на мгновение Гарри подумал, что она вот-вот взорвётся, но, когда она заговорила, её голос был подозрительно хриплым.

— Ну конечно, — сказала она, и изумлённый Гарри заметил слёзы, блеснувшие в её глазах. — Конечно, я понимаю, что тяжелее всего это было перенести друзьям тех, кто был… Я понимаю. Ну конечно, Поттер, вы можете навестить мисс Грэйнджер. Я сообщу профессору Биннсу, куда вы пошли. Скажите мадам Помфри, что я дала вам разрешение.

Гарри и Рон удалились, не решаясь поверить в то, что они избежали наказания. Когда они свернули за угол, они ясно услышали, как профессор МакГонагалл громко высморкалась.

— Это, — горячо сказал Рон, — была самая лучшая история, которую ты когда-либо выдумывал.

Теперь у них не было иного выбора, кроме как пойти в больничное крыло и сообщить мадам Помфри, что у них есть разрешение от профессора МакГонагалл навестить Гермиону.

Мадам Помфри позволила им войти, но неохот-

но.

— Нет абсолютно никакого смысла разговаривать с окаменевшими, — заявила она, и они должны были признать её правоту, когда присели возле Гермионы. Было очевидно, что Гермиона не имела ни малейшего представления о том, что у неё гости, и с тем же успехом о том, что всё в порядке, они могли бы рассказывать тумбочке.

— Интересно, видела ли она, кто на неё напал? — сказал Рон, печально глядя на её застывшее лицо. — Потому что, если он подкрадывался ко всем исподтишка, то никто так и не узнает…

Но Гарри не смотрел на лицо Гермионы. Его больше интересовала её правая рука. Крепко сжатая, она лежала поверх одеяла, и, наклонившись поближе, он заметил в её кулаке смятый клочок бумаги.

Убедившись, что мадам Помфри поблизости нет, он показал на него Рону.

— Попробуй достать, — прошептал Рон, передвигая свой стул так, чтобы загородить Гарри от мадам Помфри.

Это оказалось непросто. Рука Гермионы так сильно сжимала листок, что Гарри боялся его порвать. Пока Рон стоял на страже, он и тянул, и крутил, и, наконец, после нескольких томитель-

ных минут, бумажка оказалась на свободе.

Это была страница, вырванная из очень старой библиотечной книги. Гарри нетерпеливо разгладил её, и Рон наклонился ближе, чтобы тоже прочитать.

> «Среди множества грозных тварей и чудовищ, бродящих по нашей земле, нет ничего любопытнее и смертоноснее Василиска, известного также как Король Змей. Змей этот, который вырастает до гигантских размеров и живет многие сотни лет, рождается из куриного яйца, высиженного жабой. Способы, которыми он убивает, наиболее удивительны, ибо, помимо смертоносных ядовитых зубов, Василиск обладает убийственным взглядом, и все, кто увидят сияние его глаз, умрут на месте. Пауки убегают при появлении Василиска, ибо он их заклятый враг, а сам Василиск бежит только от петушиного крика, который для него смертелен».

Под этими строчками почерком Гермионы было написано единственное слово. «Трубы».

Вдруг словно кто-то зажёг лампочку у него в

голове.

— Рон, — выдохнул он, — вот оно. Это ответ. Чудовище в Комнате — Василиск — гигантская змея! Вот почему я повсюду слышал этот голос, а никто больше не слышал. Потому что я понимаю язык Змееустов…

Гарри посмотрел на кровати вокруг.

— Василиск убивает людей взглядом. Но никто не умер… потому что никто не смотрел ему прямо в глаза. Колин увидел его через объектив камеры. Василиск сжёг пленку внутри фотоаппарата, но Колин всего лишь окаменел. Джастин… Джастин, скорее всего, увидел Василиска сквозь Почти Безголового Ника! Весь заряд достался Нику, но он не мог умереть снова… а рядом с Гермионой и префектом Рэйвенкло нашли зеркало. Гермиона только что поняла, что чудовище — это Василиск. Готов поспорить на что угодно, она предупредила первого же встречного о том, чтобы всегда проверять, что там за углом, с помощью зеркала! И эта девушка вытащила свое зеркало… и…

У Рона отвисла челюсть.

— А Миссис Норрис? — нетерпеливо прошептал он.

Гарри задумался, представляя сцену в ночь Хэллоуина.

— Вода… — медленно произнёс он, — потоп из туалета Плаксы Миртл. Уверен, что Миссис Норрис видела только отражение…

Он жадно перечитал книжную страницу, которую держал в руках. Чем дольше он на неё смотрел, тем понятнее всё становилось.

— Крик петуха смертелен для него! — прочитал он вслух. — Петухов Хагрида кто-то убил! Наследник Слизерина хотел, чтобы ни одного из них не оказалось поблизости после того, как Комната будет открыта! Пауки убегают при его появлении! Всё сходится!

— Но как Василиск перемещался по школе? — сказал Рон. — Огромная мерзкая змея… кто-нибудь наверняка бы увидел…

Однако Гарри указал на слово, написанное Гермионой внизу страницы.

— Трубы, — сказал он. — Трубы… Рон, он использовал канализацию. Я всё время слышал этот голос внутри стен…

Рон неожиданно схватил Гарри за руку.

— Вход в Тайную Комнату! — хрипло сказал он. — А что, если это туалет? А что, если он в…

— …туалете Плаксы Миртл, — сказал Гарри.

Они сидели, чувствуя, как нарастает волнение, не решаясь поверить в это.

— Значит, — сказал Гарри, — я не единственный Змееуст в школе. Наследник Слизерина тоже. Вот как он управлял Василиском.

— Что же нам делать? — спросил Рон, сверкая глазами. — Пойдем прямо к МакГонагалл?

— Пошли в учительскую, — сказал Гарри, вскакивая на ноги. — Она будет там через десять минут. Скоро перемена.

Они побежали вниз. Не желая, чтобы их заметили болтающимися по коридору, они вошли прямо в пустую учительскую комнату. Это была большая комната со стенами из деревянных панелей, уставленная тёмными деревянными креслами. Гарри и Рон ходил по ней взад-вперёд, слишком взволнованные, чтобы присесть.

Но колокола на перерыв так и не последовало.

Вместо него по коридорам эхом прокатился магически усиленный голос профессора МакГонагалл.

— Всем студентам немедленно вернуться в спальни своих Домов. Всем учителям вернуться в учительскую. Пожалуйста, немедленно.

Гарри обернулся и взглянул на Рона.

— Надеюсь, это не очередное нападение? Не сейчас же.

— Что будем делать? — в ужасе спросил Рон. —

Вернёмся в спальню?

— Нет, — оглядываясь, сказал Гарри. Слева от него стоял довольно уродливый платяной шкаф, забитый мантиями преподавателей. — Давай сюда. Послушаем, в чём дело. А потом мы сможем рассказать им, что мы выяснили.

Они спрятались внутри, прислушиваясь к громыханию шагов сотен человек у них над головой, и услышали, как с грохотом открылась дверь в учительскую. Через затхлые складки мантий они увидели, как учителя зашли в комнату. Некоторые из них выглядели озадаченными, другие были явно напуганы. Наконец, появилась профессор МакГонагалл.

— Это всё-таки случилось, — произнесла она в тишине. — Монстр утащил ученицу. Прямо в Комнату.

Профессор Флитвик взвизгнул. Профессор Спраут прижала ладони к губам. Снейп крепко сжал спинку кресла и сказал:

— Вы уверены?

— Наследник Слизерина, — ответила очень бледная профессор МакГонагалл, — оставил ещё одно послание. Прямо под первым. «Её скелет будет лежать в Комнате вечно».

Профессор Флитвик разрыдался.

— Кто это? — падая в кресло, спросила мадам Хуч. — Кто эта ученица?

— Джинни Уизли, — сказала профессор МакГонагалл.

Гарри почувствовал, как за спиной у него Рон беззвучно соскользнул на пол шкафа.

— Завтра мы должны будем отправить всех студентов домой, — сказала профессор МакГонагалл. — Это конец Хогвартса. Дамблдор всегда говорил…

Дверь в комнату снова распахнулась с грохотом. На какое-то безумное мгновение Гарри был уверен, что это Дамблдор. Но это был Локхарт, и он лучился улыбкой.

— Прошу прощения… задремал… что я пропустил?

Похоже, он не замечал, что другие учителя смотрят на него с выражением, весьма похожим на ненависть. Снейп вышел вперед.

— А вот и он, — сказал он. — Он самый. Монстр схватил девочку, Локхарт. Утащил её прямо в Тайную Комнату. Наконец-то пришёл ваш час.

Локхарт побледнел.

— Вот именно, Гилдерой, — вмешалась профессор Спраут. — Не вы ли говорили как раз прошлой ночью, что вы всё это время знали, где находится

вход в Тайную Комнату?

— Я… ну, я… — пролепетал Локхарт.

— Да, разве вы не говорили мне, что знаете наверняка, что находится внутри? — вступил профессор Флитвик.

— Р-разве? Не припоминаю…

— Я точно помню, как вы сожалели о том, что не имели возможности схватиться с монстром до того, как арестовали Хагрида, — сказал Снейп. — Не вы ли говорили, что дело велось с ошибками и что вам с самого начала следовало дать свободу действий?

Локхарт озирался на своих коллег, стоявших с каменными лицами.

— Я… я, право, никогда… наверное, вы меня не так поняли…

— Мы предоставляем это вам, Гилдерой, — сказала профессор МакГонагалл. — Сегодня ночью как раз самое время. Мы позаботимся о том, чтобы никто не оказался на вашем пути. Вы сможете схватиться с монстром один на один. Наконец-то, свобода действий.

Локхарт в отчаянии озирался вокруг, но никто не шёл ему на помощь. Он выглядел уже не так привлекательно, как раньше. Губы его дрожали, и без своей белозубой улыбки он казался безволь-

ным и слабым.

— Н-ну ладно, — сказал он. — Я… я буду в своем кабинете — гото… готовиться.

И он вышел из комнаты.

— Отлично, — сказала профессор МакГонагалл, раздувая ноздри, — теперь он не будет путаться у нас под ногами. Главы Домов должны пойти и сообщить ученикам, что произошло. Скажите им, что первым делом завтра же Хогвартс-Экспресс отвезет их домой. Остальных я прошу позаботиться о том, чтобы все ученики оказались в спальнях.

Учителя поднялись и вышли, один за другим.

* * *

Вероятно, это был самый ужасный день в жизни Гарри. Он, Рон, Фред и Джордж сидели рядом в углу гостиной Гриффиндора, не в состоянии что-либо сказать. Перси не было. Он послал сову мистеру и миссис Уизли, после чего заперся в своей спальне.

Ещё ни один вечер не тянулся так долго, и никогда ещё в башне Гриффиндора не было так много людей, и в то же время — такой тишины. Незадолго до заката Фред и Джордж отправились в постели, не в состоянии дольше сидеть и ждать.

— Она что-то знала, Гарри, — сказал Рон, подав голос впервые после того, как они залезли в шкаф в учительской. — Поэтому её и схватили. Это были вовсе не глупости о Перси. Она что-то разузнала о Тайной Комнате. Поэтому её… — Рон яростно вытер глаза. — Она же чистокровная. Не может быть другой причины.

Гарри смотрел, как кроваво-красное солнце опускается за горизонт. Никогда ещё ему не было так плохо. Если бы только они могли хоть что-то сделать. Хоть что-нибудь.

— Гарри, — сказал Рон, — как ты думаешь, ещё есть надежда, что она не… ну, знаешь…

Гарри не знал, что ответить. Он не мог представить, каким образом Джинни ещё могла остаться живой.

— Знаешь что? — сказал Рон. — Я думаю, мы должны пойти к Локхарту. Рассказать ему всё, что мы знаем. Он собирается проникнуть в Комнату. Мы можем сообщить ему, где, по-нашему она находится, и что там прячется Василиск.

Гарри был уже не в состоянии придумать что-то другое, но и сидеть без дела он тоже не мог, и поэтому он согласился. Гриффиндорцы вокруг них были так опечалены, что, когда они встали и вышли через портретный ход, никто даже не

попытался их остановить.

Пока они спускались к кабинету Локхарта, темнело. Похоже, внутри кипела бурная деятельность. Они слышали звуки, будто кто-то скрёб стены, стук и торопливые шаги.

Гарри постучал в дверь, и внутри всё внезапно затихло. Затем дверь приоткрылась, и сквозь тоненькую щёлку они увидели смотрящий на них глаз Локхарта.

— А… мистер Поттер… мистер Уизли… — сказал он, приоткрывая дверь чуточку шире. — Я сейчас немного занят. Не могли бы вы побыстрее…

— Профессор, у нас для вас кое-какие сведения, — сказал Гарри. — Мы думаем, они вам помогут.

— Э… ладно… это не страшно… — часть лица Локхарта, которую они могли видеть, выглядела очень неловкой. — То есть… что ж… ладно…

Он открыл дверь, и они вошли.

Кабинет был почти полностью ободран. Два больших чемодана стояли открытыми на полу. Мантии, нефритово-зелёная, сиреневая, тёмно-синяя, как ночное небо, были наспех сложены в одном; в другом были кучей свалены книги. Фотографии, ранее покрывавшие стены, были распиханы по ящикам на столе.

— Вы куда-то уезжаете? — спросил Гарри.

— Э, ну, да, — ответил Локхарт, срывая с двери свой портрет в натуральную величину и сворачивая его. — Срочный вызов… неотложный… надо ехать…

— А как же моя сестра? — отрывисто спросил Рон.

— Ну, что касается её… очень прискорбно, — сказал Локхарт, стараясь не смотреть им в глаза, в то же время рывком открыв ящик стола и выгребая его содержимое в мешок. — Никто не сожалеет более чем я…

— Вы же учитель Защиты от Тёмных Искусств! — сказал Гарри. — Вы не можете уйти сейчас! Сейчас, когда здесь происходит столько тёмного!

— Должен сказать… когда я брался за эту работу… — пробормотал Локхарт, скидывая носки в кучу поверх своих мантий, — в перечне обязанностей ничего… не ожидал…

— Вы хотите сказать, что вы удираете? — не веря своим ушам, спросил Гарри. — После всего, что описано в ваших книгах?

— Книги могут вводить в заблуждение, — деликатно заметил Локхарт.

— Их же вы написали! — закричал Гарри.

— Дорогой мой, — сказал Локхарт, выпрямляясь

и хмурясь, глядя на Гарри. — Рассуждай здраво. Мои книги и вполовину бы не продавались так хорошо, если бы люди не думали, что я сам всё это сделал. Никто не захочет читать про старого уродливого колдуна из Армении, даже если тот действительно спас деревню от оборотней. На книжной обложке он выглядел бы отвратительно. А у ведьмы, изгнавшей Бандонскую Баньши, была заячья губа. Да ладно же…

— То есть, вы просто присвоили себе заслуги кучи других людей? — недоверчиво спросил Гарри.

— Гарри, Гарри, — сказал Локхарт, укоризненно качая головой, — это далеко не так просто. Это потребовало усилий. Мне нужно было разыскать этих людей. Расспросить их в точности, как им удалось это сделать. Затем я должен был наложить на них Заклинание Памяти, чтобы они не вспомнили, что они сделали. Если есть на свете что-то, чем я горжусь, так это мои Заклинания Памяти. Нет, Гарри, это была огромная работа. Видишь ли, подписывать книги и фотографии — это ещё не всё. Если ты жаждешь славы, ты должен быть готов к долгому, тяжёлому и изнурительному труду.

Он со стуком захлопнул крышки чемоданов и запер их.

— Итак, — сказал он. — По-моему, всё. Ах да, ещё кое-что.

Он вытащил свою волшебную палочку и направил на них.

— Ужасно сожалею, мальчики, но я должен применить Заклинание Памяти и к вам. Я не могу позволить, чтобы вы выболтали мои секреты. А то мне никогда больше не продать ни одной книги…

Гарри выхватил свою палочку как раз вовремя. Локхарт едва поднял свою палочку, когда Гарри завопил: «Экспеллиармус!»

Локхарт отлетел назад, завалившись за чемоданы. Его палочка взлетела высоко в воздух; Рон поймал её и выкинул в открытое окно.

— Не следовало позволять профессору Снейпу учить нас этому заклинанию, — яростно сказал Гарри, отпихивая чемодан. Локхарт испуганно глядел на него снизу вверх, ещё более ничтожный. Гарри продолжал целиться в него своей палочкой.

— Чего вы от меня хотите? — промямлил Локхарт. — Я не знаю, где находится Тайная Комната. Я ничем не могу помочь.

— Вам повезло, — сказал Гарри, под прицелом своей палочки заставляя его встать. — Мы дума-

ем, что мы знаем, где она находится. А также что находится внутри. Пошли.

Они вывели Локхарта из его кабинета и повели вниз по ближайшей лестнице, через тёмный коридор, на стенах которого сияли надписи, к двери туалета Плаксы Миртл.

Они пропустили Локхарта вперед. Гарри с удовольствием заметил, что он дрожит.

Плакса Миртл сидела на бачке в самой дальней кабинке.

— А, это ты, — сказала она, увидев Гарри. — Чего тебе теперь нужно?

— Спросить тебя, как ты умерла, — сказал Гарри.

Весь облик Миртл моментально изменился. Она выглядела так, будто ей ещё никогда не задавали столь лестного вопроса.

— Ооо, это было ужасно, — со смаком произнесла она. — Это случилось как раз тут. Я умерла в этой самой кабинке. Я спряталась, потому что Оливия Хорнби дразнила меня из-за моих очков. Дверь была заперта, и я плакала, а потом услышала, как кто-то вошёл. И сказал что-то странное. Наверное, это был какой-то другой язык. Но вот что меня действительно удивило — так это то, что говорил мальчик. Так что я отперла дверь,

чтобы сказать ему, чтобы он шёл в свой туалет, а потом… — Миртл просияла, важно напыжилась, — я умерла.

— Каким образом? — спросил Гарри.

— Понятия не имею, — приглушенно сказала Миртл. — Я только помню, что увидела пару огромных жёлтых глаз. Всё моё тело будто онемело, а затем я почувствовала, что меня уносит… — она мечтательно смотрела на Гарри. — А потом я вернулась. Мне, видишь ли, было предначертано являться Оливии Хорнби. О, как же она пожалела, что когда-то смеялась над моими очками.

— А где именно ты увидела те глаза? — спросил Гарри.

— Где-то там, — сказала Миртл, неуверенно показывая в направлении раковины перед её туалетом.

Гарри и Рон кинулись к раковине. Локхарт стоял довольно далеко с выражением крайнего ужаса на лице.

Раковина выглядела совершенно обыкновенной. Они обследовали каждый дюйм внутри и снаружи, и даже трубы под ней. А затем Гарри кое-что увидел: на боку одного из медных кранов была нацарапана крошечная змейка.

— Это кран никогда не работал, — оживленно

объяснила Миртл, пока он пытался повернуть его.

— Гарри, — сказал Рон, — скажи что-нибудь. Что-нибудь на языке Змееустов.

— Но… — Гарри сильно задумался. У него получалось говорить на языке змей только когда он встречался с настоящей змеей. Он пристально смотрел на миниатюрную гравировку, пытаясь вообразить её живой.

— Откройся, — сказал он.

Он взглянул на Рона, который покачал головой.

— Английский, — сказал Рон.

Гарри снова посмотрел на змейку, стараясь поверить, что она живая. Когда он повернул голову, ему показалось в неверном свете свечей, что змейка движется.

— Откройся, — сказал он.

Только на этот раз он не услышал слов; странное шипение сорвалось с его губ, и в то же мгновение кран засветился ярким белым светом и начал поворачиваться. В следующую секунду раковина рухнула вниз, открывая большую трубу, достаточно широкую, чтобы в неё мог проскользнуть человек.

Гарри услышал тяжёлое дыхание Рона и снова

посмотрел на трубу. Он уже решил, что он будет делать дальше.

— Я спускаюсь, — сказал он.

Теперь, когда они нашли вход в Комнату, пока ещё оставался самый слабый, самый маленький, самый безумный шанс, что Джинни жива, он не мог не идти туда.

— И я, — сказал Рон.

Повисла пауза.

— Ну, похоже, я вам совсем не нужен, — сказал Локхарт, улыбаясь бледной тенью своей прежней улыбки. — Я просто…

Он положил ладонь на ручку двери, но и Рон, и Гарри направили на него свои волшебные палочки.

— Ты пойдешь первым, — прорычал Рон.

Бледный, без волшебной палочки, Локхарт приблизился к отверстию.

— Мальчики, — сказал он, и его голос упал, — мальчики, какой с этого толк?

Гарри ткнул его своей палочкой в спину. Локхарт просунул ноги в трубу.

— Я не думаю… — начал он, но Рон толкнул его, и он исчез из виду. Гарри последовал за ним. Он медленно опустился в трубу, а затем отпустил руки.

Это напоминало спуск по бесконечной, склизкой, тёмной горке. Он мог видеть другие трубы, отходящие во всех направлениях, но ни одна из них не была такой большой, как их труба, извивавшаяся и поворачивавшаяся, плавно спускаясь вниз, и Гарри знал, что летит уже глубже школьных подземелий. Он мог слышать, как позади него Рон на поворотах стукается о стенки.

И как раз, когда он уже начал беспокоиться о том, что может произойти, когда он достигнет дна, труба выровнялась, и он вывалился из неё, с мокрым шлепком приземлившись на сырой пол тёмного каменного туннеля, достаточно большого, чтобы встать в полный рост. Неподалеку от него поднимался Локхарт, обвешанный тиной и бледный, как привидение. Гарри посторонился как раз когда из трубы со свистом вылетел Рон.

— Должно быть, мы на много миль глубже школы, — сказал Гарри, и голос его эхом отозвался в чёрном тоннеле.

— Может, под озером, — сказал Рон, прищурившись, разглядывая тёмные, покрытые слизью стены.

Все трое повернулись, вглядываясь в темноту впереди.

— Люмос! — пробормотал Гарри своей палочке,

и она снова засветилась. — Пошли, — сказал он Рону и Локхарту, и они тронулись в путь, громко шлёпая по мокрому полу.

В туннеле было так темно, что они едва могли разглядеть что-нибудь на расстоянии вытянутой руки. В свете волшебной палочки их тени на мокрых стенах выглядели ужасающе.

— Запомните, — тихо сказал Гарри, пока они осторожно пробирались вперёд, — при малейшем признаке движения тотчас же закройте глаза…

Но в тоннеле стояла мёртвая тишина, и первым неожиданным звуком, который они услышали, был громкий хруст, когда Рон наступил на то, что оказалось черепом крысы. Гарри опустил свою палочку, чтобы осветить пол, и увидел, что он усыпан мелкими костями животных. Изо всех сил стараясь не думать о том, как может выглядеть Джинни, если они её найдут, Гарри двинулся вперёд вдоль тёмного изгиба тоннеля.

— Гарри, там что-то есть… — прохрипел Рон, хватая Гарри за плечо.

Они замерли и посмотрели вперёд. Гарри лишь видел очертания чего-то огромного и изогнутого, лежащего поперёк тоннеля. Оно не двигалось.

— Может быть, он спит, — выдохнул он, огляды-

ваясь на остальных. Руки Локхарта были крепко прижаты к глазам. Гарри вновь повернулся, чтобы взглянуть на то, что лежало впереди, чувствуя, как колотится сердце.

Очень медленно, сильно прищурившись, он двинулся вперед, высоко держа волшебную палочку.

Свет скользнул по гигантской змеиной коже ядовито-зелёного цвета, которая была пустой и скрученной на полу тоннеля. Существо, сбросившее её, должно было быть, по меньшей мере, двадцати футов длиной.

— Господи, — растерянно сказал Рон.

Внезапно позади них что-то зашевелилось. У Локхарта подкосились коленки.

— Вставай, — отрезал Рон, направляя на Локхарта свою палочку.

Локхарт поднялся на ноги… и вдруг бросился на Рона, сбив его с ног.

Гарри прыгнул вперёд, но было поздно. Локхарт выпрямился, тяжело дыша. Палочка Рона была в его руке, а на лице вновь сияла улыбка.

— Приключение закончится здесь, ребятки! — сказал он. — Я принесу кусок этой кожи в школу, скажу им, что не успел спасти девочку, и что вы двое трагически лишились разума при виде её

истерзанного тела. Прощайтесь с памятью!

Он поднял склеенную Волшескотчем палочку Рона высоко над головой и крикнул: «Обливиатэ!»

Палочка взорвалась с силой небольшой бомбы. Гарри обхватил голову руками и, оскальзываясь на кольцах змеиной кожи, бросился подальше от здоровенных кусков потолка тоннеля, которые с грохотом падали на пол. В следующий миг он уже стоял в одиночестве, глядя на стену из каменных обломков.

— Рон! — крикнул он. — Ты в порядке? Рон!

— Я здесь! — донёсся из-за стены приглушённый голос Рона. — Я в порядке. А вот уроду этому досталось… он получил по полной от палочки.

Послышался глухой удар и громкое «ай!». Похоже, Рон пнул Локхарта в голень.

— Что теперь? — в отчаянии произнёс Рон. — Мы не сможем пробраться. Это займёт уйму времени…

Гарри взглянул на потолок тоннеля. На нём появились огромные трещины. Он никогда ещё не пытался разбить такие большие камни с помощью магии, но сейчас было не самое лучшее время пробовать — что, если обрушится весь тоннель?

Из-за камней послышался ещё один удар и очередное «ай!». Они теряли время. Джинни провела в Тайной Комнате очень много времени. Гарри знал, что остаётся только одно.

— Жди меня здесь, — крикнул он к Рону. — Жди с Локхартом. Я пойду дальше. Если не вернусь через час…

Повисла многозначительная пауза.

— Я попробую убрать камни, — сказал Рон, изо всех сил стараясь говорить твёрдо. — Чтобы ты смог… смог выбраться. И ещё, Гарри…

— Скоро увидимся, — сказал Гарри, стараясь, чтобы у него не дрожал голос.

И он пошёл мимо гигантской змеиной кожи.

Скоро отдалённый шум, который издавал Рон, пытаясь сдвинуть камни, затих. Тоннель продолжал изгибаться. Каждый нерв в теле Гарри был натянут. Он хотел, чтобы тоннель кончился, но в то же время испытывал ужас перед тем, что он обнаружит в конце. И, наконец, когда он прокрался за очередной поворот, впереди оказалась твёрдая стена, на которой были вырезаны две сплетающиеся змеи с глазами из больших сверкающих изумрудов.

Гарри приблизился. В горле пересохло. Ему не надо было воображать, что эти каменные змеи

настоящие; их глаза выглядели удивительно живыми.

Он догадывался, что он должен делать. Гарри прочистил горло, и изумрудные глаза, казалось, замерцали.

— Откройся, — сказал Гарри слабым, низким шипением.

Змеи разделились, стена треснула, её половины медленно раздвинулись, и Гарри, дрожа с ног до головы, вошёл внутрь.

17. Наследник Слизерина

Он стоял в конце очень длинной слабо освещённой комнаты. Каменные колонны, увенчанные переплетёнными змеями, поддерживали высокий потолок, утопавший во тьме, и отбрасывали длинные чёрные тени в зеленоватом свечении, наполнявшем зал.

Гарри вслушивался в холодную тишину, а сердце его бешено колотилось. Может быть, Василиск прятался в тёмном углу за колонной? И где же Джинни?

Он вытащил палочку и стал медленно продвигаться вперед между колоннами со змеями. Каждый осторожный шаг гулко отдавался в тёмных мрачных стенах. Он продолжал щуриться, приготовившись при малейшем движении закрыть глаза. Казалось, пустые глазницы каменных змей следили за ним. Несколько раз, когда ему казалось, что они шевелятся, внутренности его сжимались.

Уже поравнявшись с последней парой колонн, он вдруг увидел огромную статую высотой до потолка, стоявшую у задней стены.

Гарри пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть в огромное лицо наверху: оно было древним и обезьяноподобным, с длинной бородой, ниспадавшей почти до самого низа складчатой каменной мантии волшебника, из-под которой виднелись две огромные серые ступни, стоявшие на гладком полу комнаты. А между ступнями, лицом вниз, лежала маленькая фигурка в чёрной мантии и с огненно-рыжими волосами.

— Джинни! — прошептал Гарри, бросаясь к ней и падая на колени. — Джинни! Не умирай! Пожалуйста, не умирай. — Он отбросил палочку в сторону, схватил Джинни за плечи и перевернул на спину. Лицо её было белым, как мрамор, и таким же холодным на ощупь, но её глаза были закрыты, а значит, её не обратили в камень. Но тогда она, скорее всего…

— Джинни, прошу тебя, проснись, — в отчаянии шептал Гарри и тряс её. Голова Джинни безвольно покачивалась из стороны в сторону.

— Она не проснётся, — произнёс мягкий голос.

Гарри резко выпрямился и развернулся, не вставая с колен.

У ближайшей колонны, наблюдая за ним, стоял высокий черноволосый юноша. Его силуэт был

странным образом размыт по краям, как будто Гарри смотрел на него сквозь затуманенное окно. Но не узнать его было нельзя.

— Том… Том Риддл?

Риддл кивнул, не спуская глаз с лица Гарри.

— Что значит, она не проснётся? — в отчаянии сказал Гарри. — Она ведь не… она не…

— Она пока жива, — сказал Риддл. — Но только пока.

Гарри смотрел на него. Том Риддл учился в Хогвартсе пятьдесят лет назад, однако сейчас его окружало странное туманное сияние, и он выглядел так, будто не постарел ни на день со своего шестнадцатилетия.

— Ты — привидение? — нерешительно спросил Гарри.

— Воспоминание, — тихо сказал Риддл, — пятьдесят лет хранившееся в дневнике.

Он указал на пол. У ног гигантской статуи лежал раскрытый маленький чёрный дневник, найденный Гарри в туалете Плаксы Миртл. На секунду Гарри задумался, как этот дневник сюда попал… но были куда более срочные дела, не терпевшие отлагательства.

— Ты должен мне помочь, Том, — сказал Гарри, вновь приподнимая голову Джинни. — Мы долж-

ны как-то выбраться отсюда. Здесь Василиск… Я не знаю, где он, но он может появиться в любой момент. Пожалуйста, помоги мне…

Риддл не шелохнулся. Гарри, обливаясь потом, смог приподнять Джинни с пола и нагнулся, чтобы подобрать свою палочку.

Но палочка исчезла.

— Ты не видел?..

Гарри поднял глаза. Риддл всё ещё наблюдал за ним… вертя в длинных пальцах палочку Гарри.

— Спасибо, — сказал Гарри, протягивая руку.

Уголки губ Риддла скривились в усмешке. Он продолжал пристально смотреть на Гарри, бездумно вертя в руках его палочку.

— Слушай, — нетерпеливо произнёс Гарри, его колени подгибались под тяжестью Джинни, — нам надо уходить! Если придёт Василиск…

— Он не придёт, пока его не позовут, — спокойно ответил Риддл.

Гарри, не в силах более поддерживать Джинни, осторожно опустил её на пол.

— О чём ты говоришь? — сказал он. — Послушай, отдай мою палочку, она может мне понадобиться.

Улыбка на лице Риддла стала шире.

— Она тебе не понадобится, — сказал он.

Гарри уставился на него.

— Что значит, она мне не…

— Я долго ждал этого, Гарри Поттер, — сказал Риддл. — Ждал возможности увидеть тебя. Поговорить с тобой.

— Послушай, — сказал Гарри, у которого лопалось терпение. — По-моему, ты не понимаешь. Мы в Тайной Комнате. Мы можем поговорить и позже.

— Мы поговорим сейчас, — сказал Риддл, всё ещё широко улыбаясь, и опустил палочку Гарри в карман.

Гарри уставился на него. Происходило что-то очень странное.

— Как Джинни оказалась в таком состоянии? — медленно спросил он.

— Что ж, это интересный вопрос, — с удовлетворением сказал Риддл. — И довольно долгая история. Думаю, Джинни Уизли находится в таком состоянии, потому что она открыла своё сердце и поведала все свои тайны и секреты невидимому незнакомцу.

— О чём ты говоришь? — сказал Гарри.

— Дневник, — ответил Риддл. — Мой дневник. Маленькая Джинни писала в нём месяц за месяцем, рассказывая мне о своих жалких

переживаниях: как её братцы дразнят её, как ей пришлось идти в школу в поношенной одежде и с подержанными учебниками, что… — глаза Риддла блеснули, — …что вряд ли она когда-нибудь понравится знаменитому, хорошему, великому Гарри Поттеру…

Всё время, пока он говорил, взгляд Риддла не отрывался от лица Гарри. В них было видно почти голодное выражение.

— Как же скучно слушать о глупых маленьких проблемах одиннадцатилетней девочки, — продолжал он. — Но я был терпелив. Я писал ей в ответ, я сочувствовал ей, я был добр. Джинни просто полюбила меня. Никто никогда не понимал меня так, как ты, Том… Я так счастлива, что у меня есть такой дневник, которому я могу довериться… Это как друг, которого я могу носить с собой в кармане…

Риддл разразился высоким, холодным смехом, который совсем не шёл ему. От этого смеха волосы у Гарри на затылке встали дыбом.

— Честно говоря, Гарри, мне всегда удавалось очаровывать нужных людей. Поэтому и Джинни излила мне свою душу, и её душа оказалась именно тем, чего я желал. Я становился сильнее и сильнее, питаясь её самыми глубоко запрятан-

ными страхами, самыми тёмными тайнами. Я становился могущественней, намного могущественней, чем маленькая мисс Уизли. Достаточно могущественным, чтобы начать открывать мисс Уизли некоторые из моих тайн, изливая ей маленькие частички моей души…

— О чём ты? — спросил Гарри, чувствуя, как внезапно пересохло во рту.

— Ты всё ещё не догадался, Гарри Поттер? — мягко сказал Риддл. — Джинни Уизли открыла Тайную Комнату. Она душила школьных петухов и делала угрожающие надписи на стенах. Она натравила змею Слизерина на четырёх грязнокровок и кошку Сквиба.

— Нет, — прошептал Гарри.

— Да, — спокойно сказал Риддл. — Конечно, сначала она не осознавала, что с ней происходит. Это было так забавно. Вот бы ты увидел её новые записи в дневнике… Они стали куда интереснее… Дорогой Том, — цитировал он, глядя в испуганное лицо Гарри, — мне кажется, я теряю память. Моя мантия вся в петушиных перьях, и я не знаю, как они туда попали. Дорогой Том, я не могу вспомнить, что я делала в ночь Хэллоуина, но кто-то напал на кошку, а я вся вымазана в краске. Дорогой Том, Перси всё время говорит, что я вся

бледная и сама не своя. По-моему, он подозревает меня… Сегодня произошло ещё одно нападение, а я не знаю даже, где я была. Том, что мне делать? Мне кажется, я схожу с ума… Мне кажется, что это я на всех нападаю, Том!

Гарри сжал кулаки так, что ногти впивались в ладони.

— Маленькой глупенькой Джинни понадобилось много времени, чтобы перестать, наконец, доверять своему дневнику, — продолжал Риддл. — В конце концов, она стала что-то подозревать и попыталась от него избавиться. И тут появился ты, Гарри. Ты нашёл его, и я был безумно рад. Из всех людей, которые могли бы найти этот дневник, его нашел именно ты, тот самый человек, с которым я мечтал встретиться…

— И почему же ты хотел со мной встретиться? — спросил Гарри. Его переполнял гнев, и он еле сдерживал свой голос.

— Ну, видишь ли, Джинни мне всё о тебе рассказала, Гарри, — ответил Риддл. — Всю твою занимательную историю. — Его взгляд скользнул по шраму на лбу Гарри, и его выражение стало ещё более голодным. — Я знал, что должен побольше узнать о тебе, поговорить с тобой, встретить тебя, если удастся. Потому-то я и решил

показать тебе свою знаменитую поимку этого олуха Хагрида, чтобы завоевать твоё доверие.

— Хагрид — мой друг, — сказал Гарри, у которого теперь дрожал голос. — А ты его подставил, да? Я думал, ты ошибся, а…

Риддл вновь рассмеялся высоким смехом.

— Это моё слово против слова Хагрида. Можешь себе представить, как это смотрелось в глазах старого Армандо Диппета. С одной стороны Том Риддл, нищий, но такой умный, сирота, но такой смелый, Префект, образцовый ученик. С другой стороны большой неуклюжий Хагрид, каждую неделю попадающий в истории, пытающийся вырастить под кроватью щенков оборотня, тайком пробирающийся в Запретный Лес, чтобы подраться с троллями. Но признаю, что даже я сам был удивлён, до чего хорошо сработал мой план. Я думал, хоть кто-нибудь догадается, что Хагрид просто не мог быть наследником Слизерина. Мне понадобилось пять долгих лет, чтобы разузнать всё о Тайной Комнате и обнаружить скрытый вход… как будто у Хагрида было достаточно ума или сил!

Только преподаватель Трансфигурации, Дамблдор, похоже, считал, что Хагрид невиновен. Он заставил Диппета не выгонять его и выучить на

егеря. Да, полагаю, Дамблдор мог догадаться. Похоже, я никогда ему не нравился так, как другим учителям…

— Готов поспорить, Дамблдор видел тебя насквозь, — процедил Гарри сквозь сжатые зубы.

— Ну, он и правда донимал меня своим пристальным вниманием, после того, как Хагрида исключили, — беззаботно бросил Риддл. — Я знал, что, пока я в школе, будет небезопасно вновь открывать Тайную Комнату. Но я не собирался терять все эти годы, потраченные мной на её поиски. Я решил оставить после себя дневник, сохранив себя, шестнадцатилетнего, на его страницах, чтобы в один прекрасный день, если повезёт, провести моим путем кого-то другого и завершить благородное дело Салазара Слизерина.

— Так ты его ещё не завершил, — с триумфом сказал Гарри. — В этот раз никто не погиб, даже кошка. Через несколько часов будет готова Настойка Мандрагоры, и со всеми, кто был обращён в камень, всё снова будет в порядке.

— А разве я тебе ещё не сказал, — спокойно произнёс Риддл, — что меня больше не интересует убийство грязнокровок? Много месяцев моей новой целью был… ты.

Гарри уставился на него.

— Вообрази, как зол я был, когда мой дневник снова раскрыли, и это Джинни написала мне, а не ты. Она увидела тебя с дневником и запаниковала. А что, если ты обнаружил, как с ним обращаться, и я выболтаю тебе все её секреты? Что, если и того хуже — я расскажу, кто задушил тех петухов? Глупая девчонка дождалась, пока в спальне никого не останется, и стащила его. Но я знал, что мне делать. Было ясно, что ты уже взял след наследника Слизерина. Из того, что мне рассказала о тебе Джинни, я понял, что ты пойдёшь на всё, лишь бы разрешить загадку… особенно, если нападение будет совершено на одного из твоих лучших друзей. А Джинни сказала мне, что вся школа обсуждает то, что ты Змееуст…

И я заставил Джинни написать на стене прощальную записку и спуститься сюда. Она отбивалась и кричала, и я чуть со скуки не помер. Но в ней почти уже не осталось жизни: она слишком много вложила в дневник, в меня. Достаточно, чтобы я смог, наконец, сойти с его страниц. Я ждал тебя с того самого момента, когда мы здесь оказались. Я знал, что ты придёшь. Мне нужно многое у тебя спросить, Гарри Поттер.

— Что, например? — бросил Гарри, всё ещё

сжимая кулаки.

— Ну, — довольно улыбнулся Риддл, — как получилось, что младенец без исключительных волшебных способностей ухитрился победить величайшего волшебника всех времён? Как это тебе удалось отделаться лишь шрамом, тогда как мощь Лорда Волдеморта была уничтожена?

В его голодных глазах промелькнул странный красный отблеск.

— Какое тебе дело до того, что я спасся? — медленно произнёс Гарри. — Волдеморт был уже после тебя.

— Волдеморт, — мягко сказал Риддл, — это моё прошлое, настоящее и будущее, Гарри Поттер…

Он вытащил из кармана палочку Гарри и начал водить ей в воздухе, выводя три мерцающих слова:

ТОМ МАРВОЛО РИДДЛ TOM MARVOLO RIDDLE

Затем он взмахнул палочкой, и буквы его имени перестроились:

Я

— ЛОРД ВОЛДЕМОРТ I AM LORD VOLDEMORT

— Видишь? — прошептал он. — Я уже использовал это имя, когда учился в Хогвартсе, но тогда об этом знали, конечно, только самые близкие друзья. По-твоему, я всю жизнь собирался жить под

фамилией своего мерзкого отца-маггла? Я, в чьих жилах по материнской линии течёт кровь самого Салазара Слизерина? Я должен был носить имя обыкновенного отвратительного маггла, который бросил меня ещё до моего рождения только потому, что узнал, что его жена — ведьма? Нет, Гарри. Я создал себе новое имя — имя, которое, я знал, в один прекрасный день будут бояться произнести все волшебники, когда я стану величайшим чародеем в мире!

В голове у Гарри всё смешалось. Онемев, он смотрел на Риддла, сироту, выросшего в убийцу родителей Гарри и многих других людей… Наконец, он с трудом заговорил.

— Ты им не являешься, — произнёс он тихим голосом, полным ненависти.

— Кем? — бросил Риддл.

— Величайшим чародеем в мире, — сказал Гарри, еле переводя дыхание. — Прости, что придётся тебя разочаровать, но величайший волшебник в мире — Альбус Дамблдор. Это знают все. Даже когда ты был полон сил, даже тогда ты не осмелился напасть на Хогвартс. Дамблдор видел тебя насквозь, ещё когда ты был в школе, и ты всё ещё его боишься, где бы ты ни прятался.

Улыбка сползла с лица Риддла, уступив место

ужасной гримасе.

— Дамблдора из этого замка выдворило лишь воспоминание обо мне! — прошипел он.

— Он не так уж и далеко, как ты думаешь! — выкрикнул Гарри. Он говорил наугад, желая напугать Риддла, скорее желая этого, чем веря в это.

Риддл открыл рот, но замер.

Откуда-то доносилась музыка. Риддл резко обернулся, всматриваясь в пустынную комнату. Музыка становилась всё громче. Она была зловещей, неземной, пробирала до самых костей, от неё у Гарри волосы встали дыбом, а сердце в груди словно стало в два раза больше. А затем, когда она достигла такого пика, что Гарри чувствовал, как она вибрирует у него в груди, наверху одной из колонн возникло пламя.

И тут появилась тёмно-красная птица размером с лебедя, которая словно пела свою неземную песню сводчатому потолку. У неё был сверкающий золотой хвост, длинный, как у павлина, и сияющие золотые когти, в которых она сжимала какой-то ветхий свёрток.

Через мгновение птица полетела прямо к Гарри, выпустила из когтей свою ветхую ношу и тяжело опустилась ему на плечо. Когда она сло-

жила свои огромные крылья, Гарри взглянул на неё и увидел длинный острый золотой клюв и чёрные глаза-бусинки.

Птица перестала петь. Она неподвижно сидела на плече Гарри, согревая теплом его щёку, и неотрывно смотрела на Риддла.

— Это феникс… — сказал Риддл, в свою очередь, внимательно изучая птицу.

— Фокс? — выдохнул Гарри и почувствовал, как мягко сжались на его плече золотые когти.

— А это… — сказал Риддл, разглядывая ветошь, которую принёс Фокс, — это старая школьная Распределяющая Шляпа.

Это была она. В заплатках, потёртая и грязная, Шляпа неподвижно лежала у ног Гарри.

Риддл вновь расхохотался. Он смеялся так сильно, что тёмная комната содрогалась от этих звуков, будто разом смеялись десять Риддлов.

— Так вот, что Дамблдор посылает своему защитнику! Певчую птичку и старую шляпу! Ты чувствуешь в себе храбрость, Гарри Поттер? Теперь ты чувствуешь себя в безопасности?

Гарри не ответил. Возможно, он не понимал, какая польза от Фокса и Распределяющей Шляпы, но всё же он уже не был в одиночестве, и пока храбрость потихоньку возвращалась к нему, он

ждал, когда Риддл закончит смеяться.

— К делу, Гарри, — резко сказал Риддл, всё ещё широко улыбаясь. — Дважды — в твоём прошлом, в моём будущем — мы встречались. И дважды мне не удалось тебя убить. Как же тебе удалось выжить? Рассказывай мне всё. Чем дольше будет твой рассказ, — мягко добавил он, — тем дольше ты проживёшь.

Гарри лихорадочно думал, оценивая свои шансы. У Риддла была палочка. У него — Фокс и Распределяющая Шляпа, которые вряд ли пригодились бы в дуэли. Похоже, дела у него обстояли ужасно. Но чем дольше Риддл стоял тут, тем больше жизнь покидала Джинни… тем временем, Гарри внезапно заметил, что очертания Риддла стали чётче, заметнее. И если дуэль между ним и Риддлом неизбежна, то лучше её начать сейчас же.

— Никто не знает, почему ты потерял свою силу, когда напал на меня, — проронил Гарри. — Я и сам не знаю. Но я знаю, почему ты не смог меня убить. Потому что моя мать умерла ради моего спасения. Моя обыкновенная магглорожденная мать, — добавил он, дрожа от ярости. — Она не позволила тебе убить меня. И я видел, каков ты на самом деле, видел тебя в прошлом году. Ты

ничтожество. Ты скорее мёртв, чем жив. Вот куда тебя привела вся твоя сила. Ты вынужден прятаться. Ты безобразен, ты отвратителен!

Лицо Риддла передёрнулось. Потом ему удалось выдавить ужасную улыбку.

— Итак. Твоя мать умерла, чтобы спасти тебя. Да, это мощное контр-заклинание. Теперь я понимаю… в конце концов, ничего особенного в тебе нет. Мне было просто интересно. Потому что между нами есть странное сходство, Гарри Поттер. Даже ты должен был это заметить. Оба полукровки, сироты, воспитанные магглами. Возможно, единственные Змееусты во всем Хогвартсе со времен самого великого Слизерина. Даже внешне мы похожи… но, в конце концов, от меня тебя спасла лишь счастливая случайность. Это всё, что я хотел знать.

Гарри стоял, напряженно ожидая, когда Риддл поднимет палочку. Но ухмылка Риддла стала ещё шире.

— А теперь, Гарри, я собираюсь преподать тебе небольшой урок. Давай померяемся силами: Лорд Волдеморт, наследник Салазара Слизерина, против знаменитого Гарри Поттера с лучшими из тех оружий, которые мог дать ему Дамблдор.

Он саркастически взглянул на Фокса и Распре-

деляющую Шляпу, а затем пошёл прочь. Застыв от ужаса, Гарри наблюдал, как Риддл остановился между высокими колоннами и взглянул в каменное лицо Слизерина, видневшееся высоко в полутьме. Риддл широко открыл рот и зашипел… но Гарри понял, что он сказал.

— Отзовись, Слизерин, величайший из Четвёрки Хогвартса.

Гарри резко обернулся, чтобы посмотреть на статую, Фокс покачнулся у него на плече.

Гигантское каменное лицо Слизерина двигалось. Оцепенев от ужаса, Гарри увидел, как его рот раскрывается шире и шире, превращаясь в огромную чёрную дыру.

И что-то шевелилось во рту у статуи. Что-то скользило из его глубин.

Гарри попятился назад, пока спина его не упёрлась в тёмную стену комнаты, и, зажмурившись, почувствовал, как Фокс взмахнул крыльями, задев его щёку, и взлетел. Гарри захотелось крикнуть: «Не бросай меня!» — но какие шансы были у феникса против Короля Змей?

Что-то тяжёлое упало на каменный пол комнаты, и Гарри почувствовал, как он содрогнулся. Он знал, что происходит, он чувствовал это, мог почти видеть, как огромная змея выползает изо

рта Слизерина. А потом он услышал, как Риддл прошипел: «Убей его».

Василиск двигался в сторону Гарри; тот слышал, как скользит по пыльному полу тяжёлое змеиное туловище. С зажмуренными глазами Гарри вслепую ринулся в сторону, вытянув руки, нащупывая дорогу. Риддл смеялся…

Гарри споткнулся. Он с размаху упал на пол, ощутив во рту вкус крови. Змея была в нескольких футах от него, он слышал, как она приближается.

Прямо над ним раздалось оглушительное шипение, а потом что-то тяжёлое ударило Гарри так сильно, что он налетел на стену. С ужасом ожидая, что в его тело вот-вот вонзятся клыки, он вновь услышал разъярённое шипение, а у колонн что-то яростно металось из стороны в сторону.

Он не смог удержаться. Он немного приоткрыл глаза, чтобы видеть происходящее.

Огромная змея, яркая, ядовито-зелёная, толщиной со ствол дуба, поднялась высоко-высоко, и её огромная тупорылая морда раскачивалась из стороны в сторону между колоннами. Как раз когда Гарри, дрожа всем телом, приготовился зажмуриться, если она повернётся, он увидел, что отвлекло внимание змеи.

Над её головой парил Фокс, а Василиск яростно

пытался достать его своими длинными и острыми, как сабли, клыками.

Фокс бросился вниз. Его длинный золотой клюв исчез из виду, и пол внезапно оросился брызгами тёмной крови. Хвост змеи яростно заметался по полу, едва не задев Гарри, и, прежде чем Гарри успел закрыть глаза, змея повернулась. Гарри взглянул прямо ей в морду и увидел, что оба её глаза, огромные, светящиеся жёлтые глаза, были выколоты фениксом; кровь ручьем стекала на пол, а змея билась в агонии.

— Нет! — услышал Гарри крик Риддла. — Оставь птицу! Оставь птицу! Мальчишка позади тебя! Ты всё ещё можешь почуять его! Убей его!

Ослеплённая змея покачнулась, растерянная, но всё ещё смертоносная. Фокс кружил вокруг её головы и пел свою неземную песню, тут и там клевал Василиска в тупорылый нос, а кровь ручьями хлестала из пустых глазниц.

— Помогите, помогите, — шептал Гарри, — кто-нибудь, кто угодно!

Хвост змеи опять метнулся в сторону. Гарри пригнулся. Что-то мягкое коснулось его лица.

Змея швырнула в руки Гарри Распределяющую Шляпу. Гарри схватил её. Это было всё, что у него осталось, его единственный шанс. Он натянул её

на голову и бросился на пол, когда над ним вновь пронёсся хвост Василиска.

— Помоги мне… помоги мне… — думал Гарри, сильно зажмурившись под Шляпой. — Пожалуйста, помоги мне!

Ответа не последовало. Вместо этого Шляпа сжалась, будто её крепко схватила невидимая рука.

Что-то очень твёрдое и тяжёлое свалилось на голову Гарри, и он едва не потерял сознание. Из глаз брызнули искры, он схватился за верх Шляпы, чтобы стянуть её с себя, и нащупал под ней что-то длинное и твёрдое.

Внутри Шляпы возник сверкающий серебром меч, его рукоять блистала рубинами величиной с яйцо.

— Убей мальчишку! Оставь птицу! Мальчишка позади тебя! Нюхай… учуй его!

Гарри вскочил на ноги, готовый к нападению. Василиск опускал голову и извивался, круша колонны в попытке обнаружить его. Он увидел огромные залитые кровью глазницы, увидел пасть, которая раскрылась так широко, что смогла бы поглотить его целиком, усыпанную длинными рядами клыков, каждый длиной с его меч, острых, сверкающих, ядовитых…

Василиск вслепую метнулся к нему. Гарри пригнулся, и он врезался в стену комнаты. Он совершил ещё один бросок, и его раздвоенный язык хлестнул Гарри. Он поднял меч обеими руками.

Василиск вновь совершил бросок и в этот раз не промахнулся. Гарри приложил все усилия и вонзил меч в нёбо змея по самую рукоять.

Но когда тёплая кровь потекла по рукам Гарри, прямо над локтем он почувствовал острую боль. Длинный ядовитый клык всё глубже и глубже впивался ему в руку и отломился, когда Василиск, содрогаясь, упал на пол.

Гарри сполз на пол. Он схватился за клык, который источал яд по всему его телу, и выдернул его из руки. Но он знал, что было уже слишком поздно. Жгучая боль медленно, но верно, растекалась от раны по всему телу. Когда он выронил клык и увидел, как его собственная кровь пропитывает его мантию, в его глазах всё помутилось. Комната расплывалась в серых красках.

Мимо него пронеслось что-то алое, и Гарри услышал возле себя тихий стук когтей.

— Фокс, — с трудом произнёс Гарри. — Ты был великолепен, Фокс… — Он почувствовал, как птица положила свою прекрасную голову на то место, где в руку вонзился клык змея.

Он слышал шаги, отзывающиеся эхом, а затем перед ним возникла тень.

— Ты мёртв, Гарри Поттер, — прозвучал над ним голос Риддла. — Мёртв. Даже птица Дамблдора понимает это. Ты видишь, что он делает, Поттер? Он плачет.

Гарри моргнул. Голова Фокса то размывалась, то вновь становилась чёткой. Густые жемчужные слёзы стекали вниз по блестящим перьям.

— Я буду сидеть и наблюдать, как ты умираешь, Гарри Поттер. Не спеши. Я не тороплюсь.

Гарри чувствовал головокружение. Казалось, всё вокруг него вертелось и вращалось.

— Вот и пришёл конец знаменитому Гарри Поттеру, — прозвучал издалека голос Риддла. — Один, в Тайной Комнате, покинутый друзьями, наконец-то побеждённый Тёмным Лордом, которому он так неосмотрительно бросил вызов. Ты скоро встретишь свою дорогую мать-грязнокровку, Гарри… Она одолжила тебе двенадцать лет жизни… но Лорд Волдеморт в конце концов уничтожил тебя, как и должен был.

Если это смерть, подумал Гарри, то это не так уж и плохо. Даже боль отступала…

Но было ли это смертью? Вместо того, чтобы померкнуть, очертания комнаты становились

всё чётче. Гарри слегка повернул голову и увидел Фокса, голова которого всё ещё лежала на руке Гарри. Жемчужные слёзы сияли вокруг раны… вот только раны не было.

— Пошла прочь, птица, — внезапно раздался голос Риддла. — Прочь от него. Прочь, я сказал!

Гарри поднял голову. Риддл нацелил волшебную палочку на Фокса; раздался хлопок, похожий на звук выстрела, и Фокс снова взмыл вихрем золотого и алого огня.

— Слёзы феникса… — тихо произнес Риддл, глядя на руку Гарри. — Конечно… исцеляющая сила… я забыл…

Он взглянул в лицо Гарри.

— Но это не имеет значения. Так даже лучше. Только я и ты, Гарри Поттер… ты и я…

Он поднял палочку.

Но затем, взмахнув крыльями, над ними снова пролетел Фокс и что-то упало Гарри на колени… дневник.

Какое-то мгновение и Гарри, и Риддл, который всё ещё целился палочкой, смотрели на него. Затем, без колебаний и раздумий, будто именно это он и собирался сделать, Гарри схватил с пола клык Василиска, который лежал рядом, и воткнул его прямо в середину дневника.

Раздался длинный, душераздирающий, пронзительный вопль. Чернила ручьями полились из дневника, заливая Гарри руки, затопляя пол. Риддл корчился и извивался, визжа и воя, а затем…

Он пропал. Со стуком упала на пол волшебная палочка Гарри, а затем повисла тишина. Тишина, нарушаемая лишь стуком чернильных капель, всё ещё вытекавших из дневника. Яд Василиска прожёг в нём дыру.

Содрогаясь всем телом, Гарри поднялся. Голова кружилась, будто он только что совершил долгое путешествие с помощью Каминного порошка. Он медленно подобрал палочку и Распределяющую Шляпу, а потом с усилием вытянул сияющий меч из нёба Василиска.

С другого конца зала донёсся слабый стон. Джинни зашевелилась. Когда Гарри поспешил к ней, она села. Она в изумлении перевела взгляд на мёртвую тушу змеи, затем Гарри в окровавленной мантии, затем дневник в его руке. Она глубоко всхлипнула, и слёзы заструились по её щекам.

— Гарри… ах, Гарри… я пыталась рассказать тебе за за-завтраком, но я, я не с-смогла сказать это перед Перси. Это была я, Гарри… но я… я к-клянусь, я н-не хотела… Р-Риддл заставил меня,

это он меня заставлял… и… как ты убил эту… эту штуку? Г-где Риддл? Последнее, что я п-помню, это как он вышел из дневника…

— Всё в порядке, — сказал Гарри, поднимая дневник и показывая Джинни дыру от клыка. — Риддла больше нет. Посмотри! Его и Василиска больше нет. Давай, Джинни, пойдём отсюда…

— Меня исключат! — плакала Джинни, пока Гарри неуклюже помогал ей подняться. — Я так ждала, когда же я попаду в Хогвартс, с тех самых пор, когда сюда пошёл Б-билл, а теперь мне придется уехать и… ч-что скажут мама с папой?

Фокс поджидал их, паря над выходом из комнаты. Гарри позволил Джинни пройти вперёд; они переступили через неподвижное тело мёртвого Василиска и двинулись сквозь гулкую тьму обратно в туннель. Гарри услышал, как за их спиной с лёгким шипением закрылись каменные двери.

Спустя несколько минут ходьбы по тоннелю Гарри услышал слабый отзвук двигающихся камней.

— Рон! — закричал Гарри, ускоряя шаг. — С Джинни всё в порядке! Она со мной!

Он услышал приглушённый ликующий вопль Рона, и, свернув ещё раз, они увидели его радостное лицо в отверстии, которое ему удалось

сделать в завале.

— Джинни! — Рон протянул руку сквозь и вытащил Джинни первой. — Ты жива! Поверить не могу! Что случилось?

Он попытался обнять её, но Джинни, рыдая, не позволила ему.

— Но ты ведь в порядке, Джинни, — сказал Рон, широко ей улыбаясь. — Всё кончено… а откуда взялась эта птица?

Фокс влетел в отверстие следом за Джинни.

— Это птица Дамблдора, — сказал Гарри, протискиваясь следом.

— И откуда у тебя меч? — сказал Рон, уставившись на сияющее оружие в руке Гарри.

— Я всё объясню, когда мы отсюда выберемся, — сказал Гарри, бросив взгляд на Джинни.

— Но…

— Потом, — отрезал Гарри. Идея сообщить Рону, кто открыл Комнату, не показалась ему удачной, по крайней мере, не в присутствии Джинни. — Где Локхарт?

— Там, — сказал Рон, ухмыляясь, и кивнул головой. — Плохи его дела. Сам посмотри.

Следуя за Фоксом, чьи алые крылья излучали во тьме золотой свет, они зашагали к началу трубы. Там сидел Гилдерой Локхарт, и что-то тихонько

мурлыкал под нос.

— Он всё забыл, — сказал Рон. — Заклинание Памяти сработало в обратную сторону. Попало в него вместо нас. Он понятия не имеет, ни кто он, ни где он, ни кто мы. Я сказал ему пойти и подождать здесь. Он опасен самому себе.

Локхарт добродушно уставился на них.

— Привет, — сказал он. — Какое странное место, правда? Вы здесь живёте?

— Нет, — сказал Рон, приподняв брови и глядя на Гарри.

Гарри наклонился и заглянул вверх в длинную тёмную трубу.

— Ты не думал о том, как мы вылезем наверх? — спросил он у Рона.

Рон покачал головой, но тут перед Гарри захлопал крыльями феникс Фокс, его глаза-бусинки засверкали в темноте. Он размахивал длинными золотыми перьями на хвосте. Гарри с сомнением посмотрел на него.

— Кажется, он хочет, чтобы ты за него ухватился… — растерялся Рон. — Но ты слишком тяжёлый, чтобы птица смогла поднять тебя наверх.

— Фокс, — сказал Гарри, — необычная птица, — он быстро повернулся к остальным. — Нам

придётся держаться друг за друга. Джинни, возьми за руку Рона. Профессор Локхарт…

— Он имеет в виду тебя, — резко бросил Рон Локхарту.

— Держитесь за другую руку Джинни.

Гарри заткнул за пояс меч и Распределяющую Шляпу, Рон ухватился за мантию Гарри, а Гарри взялся за странно горячие перья Фокса.

Необыкновенная лёгкость разлилась по его телу, и в следующую секунду с взмахом крыльев они взлетели вверх по трубе. Гарри слышал, как бормочет висящий на нём Локхарт: «Удивительно! Удивительно! Это прямо магия какая-то!» Волосы Гарри трепал холодный воздух, и, прежде чем ему удалось в полной мере насладиться полётом, всё закончилось — все четверо уже приземлялись на сырой пол в туалете Плаксы Миртл. Локхарт поправил шляпу, и в этот момент раковина, скрывавшая трубу, встала на место.

Миртл вытаращилась на них.

— Ты жив, — без выражения сказала она Гарри.

— Не надо так расстраиваться, — мрачно ответил он, стирая подтёки крови и слизь с очков.

— Что ж… я просто подумала. Если бы ты умер, я бы с радостью разделила с тобой свой туалет, —

произнесла Миртл, заливаясь серебром.

— Фу! — сказал Рон, как только они выбрались из туалета в тёмный пустынный коридор. — Гарри! По-моему, ты нравишься Миртл! Джинни, у тебя соперница!

Но по щекам Джинни ручьями текли слёзы.

— Куда теперь? — спросил Рон, бросив на Джинни встревоженный взгляд. Гарри показал куда-то.

Фокс указывал им путь, озаряя золотистым сиянием весь коридор. Они помчались за ним и через несколько мгновений оказались перед дверью кабинета профессора МакГонагалл.

Гарри постучал и открыл дверь.

18. Награда Добби

Когда Гарри, Рон, Джинни и Локхарт, все в грязи, слизи и (в случае Гарри) крови, появились в дверях, в комнате на мгновение повисла тишина. А потом раздался крик:

— Джинни!

Это была миссис Уизли, которая сидела у камина и рыдала. Она вскочила на ноги, мистер Уизли последовал за ней, и они бросились к дочери.

Однако Гарри смотрел не на них. Профессор Дамблдор, широко улыбаясь, стоял у каминной полки рядом с профессором МакГонагалл, которая, тяжело и отрывисто дышала, схватившись за грудь. Фокс пролетел мимо уха Гарри и уселся на плечо Дамблдора, а Гарри и Рон попали в крепкие объятия миссис Уизли.

— Вы спасли её! Вы спасли её! Как вы это сделали?

— Думаю, мы все хотели бы это знать, — слабым голосом произнесла профессор МакГонагалл.

Миссис Уизли отпустила Гарри, который, секунду поколебавшись, подошёл к столу и положил на него Распределяющую Шляпу, меч, инкру-

стированный рубинами, и то, что осталось от дневника Риддла.

Затем он начал свой рассказ. Почти четверть часа он говорил в полной тишине. Он поведал им о бестелесном голосе, о том, как Гермиона наконец поняла, что он слышал Василиска в трубах; как он и Рон последовали в лес за пауками, и что Арагог рассказал им, где умерла последняя жертва Василиска; как он догадался, что Плакса Миртл была той жертвой, и что вход в Тайную Комнату может быть в её туалете…

— Очень хорошо, — вмешалась профессор МакГонагалл, едва он замолчал, — значит, вы выяснили, где вход — походу нарушив сотню школьных правил — но как вам всем удалось вернуться оттуда живыми, Поттер?

И Гарри, уже почти охрипший от всех этих повествований, рассказал им о своевременном появлении Фокса и о том, как Распределяющая Шляпа подарила ему меч. Но затем он запнулся. До сих пор ему удавалось избегать упоминаний о дневнике Риддла… и Джинни. Она стояла, склонив голову на плечо миссис Уизли, и до сих пор слезы тихо лились по её щекам. «А что, если её исключат?» — в панике подумал Гарри. Дневник Риддла больше не действовал… Как можно было

доказать, что это он заставлял Джинни делать всё это?

Гарри инстинктивно посмотрел на Дамблдора, который едва заметно улыбнулся, а от стёкол его очков-полумесяцев отражался свет огня.

— Мне гораздо интереснее, — мягко произнёс Дамблдор, — как Лорд Волдеморт смог заколдовать Джинни, хотя по моим сведениям, в настоящее время он скрывается в лесах Албании.

Облегчение — тёплое и безграничное облегчение — овладело Гарри.

— Ч-что? — ошеломлённо произнёс мистер Уизли. — Сами-Знаете-Кто? З-заколдовал Джинни? Но Джинни не… её не… ведь нет?

— Это был его дневник, — быстро сказал Гарри, поднимая его и показывая Дамблдору. — Риддл писал в нём, когда ему было шестнадцать.

Дамблдор взял у Гарри дневник и с интересом посмотрел на его прожжённые сырые страницы.

— Гениально, — тихо сказал он. — Конечно, ведь он, возможно, был самым выдающимся учеником, который когда-либо учился в Хогвартсе, — Дамблдор повернулся к семье Уизли, выглядевшей чрезвычайно смущенной.

— Немногие знали, что Лорда Волдеморта когда-то звали Том Риддл. Я сам учил его пятьдесят

лет назад, здесь, в Хогвартсе. После окончания школы он исчез… путешествовал по далёким и чужим местам… слишком увлёкся Тёмными Искусствами, общался с сами худшими представителями нашего рода, подвергся множеству опаснейших магических трансформаций, поэтому, когда он преобразился в Лорда Волдеморта, едва ли кто-то узнал бы его. Вряд ли кто-нибудь связал бы Лорда Волдеморта с тем умным и привлекательным мальчиком, который когда-то был здесь Старостой.

— Но Джинни, — сказала миссис Уизли, — как наша Джинни может быть связана с… с… ним?

— Его дн-невник! — всхлипнула Джинни. — Я в нём писала, а он весь год м-мне отвечал…

— Джинни! — изумился мистер Уизли. — Неужели я ничему тебя не научил? Что я всегда тебе говорил? Никогда не доверяй тому, что может думать самостоятельно, если не видишь, где у него мозги! Почему ты не показала этот дневник мне или маме? Ведь очевидно, что такой подозрительный объект был полон Тёмной Магии!

— Я н-не знала, — рыдала Джинни. — Я нашла его в одной из книг, которые купила мне мама. Я д-думала, что кто-то оставил его там, а потом о нём забыл…

— Мисс Уизли следует немедленно отправить в больничное крыло, — твёрдо вмешался Дамблдор. — Для неё это было ужасным испытанием. Наказания не последует. Лордом Волдемортом были одурачены волшебники и постарше, и помудрее неё. — Он прошёл к двери и распахнул её. — Постельный режим и, вероятно, большая чашка горячего шоколада. Меня это всегда подбадривает, — добавил он, посмотрев на неё с доброй улыбкой. — Мадам Помфри ещё бодрствует. Она как раз начала раздавать сок Мандрагоры… осмелюсь утверждать, что все жертвы Василиска очнутся с минуты на минуту.

— Значит, с Гермионой всё в порядке! — обрадовался Рон.

— Серьезного вреда им не причинили, — сказал Дамблдор.

Миссис Уизли вывела Джинни, и мистер Уизли проследовал за ними, всё ещё пребывая в состоянии шока.

— Знаете, Минерва, — задумчиво обратился Дамблдор к профессору МакГонагалл. — Думаю, мы все заслужили праздник. Могу я попросить вас пойти и потревожить кухонный персонал?

— Хорошо, — решительно сказала профессор МакГонагалл, также направляясь к двери. — То-

гда я оставляю вас разбираться с Поттером и Уизли?

— Разумеется, — сказал Дамблдор.

Она вышла, а Гарри и Рон неуверенно посмотрели на Дамблдора. Что именно имела в виду профессор МакГонагалл, оставляя Дамблдора разбираться с ними? Ведь их… их же… не накажут?

— Припоминаю, как я, кажется, говорил вам, что мне придётся вас исключить, если вы ещё раз нарушите школьные правила, — сказал Дамблдор.

Рон в ужасе открыл рот.

— Что доказывает, что даже лучшим из нас иногда приходится брать свои слова обратно, — улыбаясь, продолжил Дамблдор. — Вы оба получите Особые Награды за Заслуги перед Школой и… дайте-ка подумать… да, думаю, по двести очков каждому в пользу Гриффиндора.

Рон стал такого же ярко-розового цвета, как и цветочки Локхарта на Дне Святого Валентина, и снова закрыл рот.

— Но один из нас, похоже, собрался умолчать о своей роли в этих опасных приключениях, — добавил Дамблдор. — Откуда такая скромность, Гилдерой?

Гарри вздрогнул. Он совершенно забыл о Лок-

харте. Он обернулся и увидел, что Локхарт стоял в углу комнаты, до сих пор с рассеянной улыбкой на лице. Когда Дамблдор обратился к нему, Локхарт обернулся и посмотрел через плечо, чтобы увидеть, с кем он разговаривает.

— Профессор Дамблдор, — быстро сказал Рон, — в Тайной Комнате произошёл несчастный случай. Профессор Локхарт…

— А я профессор? — удивился Локхарт. — Боже, а я-то думал, что я безнадёжен.

— Он попытался применить Заклинание Памяти, а палочка сработала в другую сторону, — тихо пояснил Дамблдору Рон.

— Надо же, — сказал Дамблдор, качая головой, а его длинные серебряные усы дрогнули. — Пал от собственного меча, Гилдерой!

— Меча? — пролепетал Локхарт. — У меня нет меча. А вот у этого мальчика есть. — Он указал на Гарри. — Он вам одолжит.

— Не мог бы ты отвести и профессора Локхарта в больничное крыло? — сказал Дамблдор Рону. — Я хотел бы переговорить с Гарри…

Локхарт неторопливо вышел. Рон бросил на Дамблдора и Гарри любопытный взгляд и закрыл за собой дверь.

Дамблдор перёшел к одному из кресел перед

камином.

— Присаживайся, Гарри, — сказал он, и Гарри сел, чувствуя необъяснимое волнение.

— Во-первых, Гарри, я хочу поблагодарить тебя, — сказал Дамблдор, и его глаза опять сверкнули. — Там, в Комнате, ты, должно быть, продемонстрировал настоящую верность мне. Только так ты мог позвать Фокса.

Он погладил феникса, который перепорхнул к нему на колено. Гарри смущённо ухмыльнулся, в то время как Дамблдор продолжал смотреть на него.

— Итак, ты встретился с Томом Риддлом, — задумчиво сказал Дамблдор. — Полагаю, ты ему был куда интересней…

Внезапно то, что терзало Гарри, сорвалось с его губ.

— Профессор Дамблдор… Риддл сказал, что я на него похож. Он сказал, что это странное сходство…

— Неужели? — сказал Дамблдор, задумчиво глядя на Гарри из-под густых седых бровей. — А что ты сам думаешь по этому поводу, Гарри?

— Я не думаю, что я такой, как он! — сказал Гарри громче, чем хотел. — То есть… я же в Гриффиндоре, я…

Но он замолчал, когда затаившееся сомнение снова всплыло в его голове.

— Профессор, — снова начал он через секунду, — Распределяющая Шляпа мне сказала, что мне… мне подошёл бы Слизерин. Некоторое время все думали, что я — наследник Слизерина… потому что я говорю на языке Змееустов…

— Ты говоришь на языке Змееустов, Гарри, — спокойно сказал Дамблдор — потому что Лорд Волдеморт — последний оставшийся потомок Салазара Слизерина — тоже на нём говорит. Если я не ошибаюсь, он передал тебе некоторую часть собственной силы в ту ночь, когда наградил тебя этим шрамом. Хотя, я уверен, он этого вовсе не хотел…

— Волдеморт вложил частицу себя в меня? — удивлённо сказал Гарри.

— Похоже, именно так.

— Значит, я должен быть в Слизерине, — сказал Гарри, с отчаянием глядя в лицо Дамблдора. — Распределяющая Шляпа увидела во мне силу Слизерина и…

— Отправила тебя в Гриффиндор, — спокойно произнёс Дамблдор. — Послушай меня, Гарри. Ты обладаешь многими достоинствами, которые Салазар Слизерин ценил в своих воспитанниках. Его

собственный очень редкий дар, язык Змееустов… находчивость… решительность… некоторое пренебрежение правилами, — добавил он, и усы его опять дрогнули. — И всё же Распределяющая Шляпа отправила тебя в Гриффиндор. Ты знаешь, почему так случилось. Подумай.

— Она отправила меня в Гриффиндор, — пробормотал расстроенным голосом Гарри, — только потому, что я попросил не отправлять меня в Слизерин…

— Именно, — сказал Дамблдор, просияв ещё раз. — И в этом ты сильно отличаешься от Тома Риддла. Наши решения, Гарри, показывают, кем мы являемся в действительности, гораздо лучше, чем наши способности. — Гарри неподвижно сидел в кресле, совершенно ошеломлённый. — Если тебе нужны доказательства, Гарри, что твоё место в Гриффиндоре, я предлагаю тебе рассмотреть это повнимательнее.

Дамблдор протянул руку к столу профессора МакГонагалл, взял испачканный в крови серебряный меч и передал его Гарри. Гарри медленно перевернул его, и рубины засверкали в свете огня. А затем он увидел имя, выгравированное прямо под рукоятью.

Годрик Гриффиндор.

— Только настоящий гриффиндорец мог вытащить его из Шляпы, Гарри, — просто сказал Дамблдор.

С минуту они оба молчали. Затем Дамблдор выдвинул один из ящиков стола профессора МакГонагалл и достал перо и чернильницу.

— Что тебе нужно, Гарри, это поесть и поспать. Предлагаю тебе отправиться на праздник, а я напишу в Азкабан… нужно получить нашего егеря обратно. И я должен дать объявление в «Ежедневный Пророк», — задумчиво добавил он. — Нам потребуется новый преподаватель по Защите от Тёмных Искусств. Надо же, похоже, у нас это вечная вакансия.

Гарри встал и пошёл к двери. Но едва он потянулся к ручке, как дверь распахнулась так сильно, что отскочила от стены.

На пороге стоял Люциус Малфой с лицом, искажённым яростью. А съёжившись у него под рукой, весь в бинтах, стоял Добби.

— Добрый вечер, Люциус, — с удовольствием произнёс Дамблдор.

Мистер Малфой влетел в комнату, едва не сбив Гарри с ног. За ним, скрючившись у полы мантии, с выражением ужаса на лице мчался Добби.

— Итак! — сказал Люциус Малфой. — Вы верну-

лись. Попечители отстранили вас, но вы всё же сочли возможным вернуться в Хогвартс.

— Видишь ли, Люциус, — невозмутимо улыбаясь, сказал Дамблдор, — сегодня со мной связались остальные одиннадцать попечителей. По правде говоря, это было похоже на совиный ураган. Они узнали, что убита дочь Артура Уизли, и мгновенно захотели, чтобы я вернулся. Очевидно, они решили, что, в конце концов, я был неплохим директором. Очень странные истории они мне рассказали. Некоторым показалось, что ты угрожал проклясть их семьи, если они не согласятся отстранить меня.

Мистер Малфой стал даже бледнее, чем обычно, но глаза его от ярости превратились в щелки.

— Так… вы уже остановили нападения? — презрительно ухмыльнулся он. — Поймали виновника?

— Да, — улыбаясь, сказал Дамблдор.

— И? — отрезал мистер Малфой. — Кто же это?

— Тот же человек, что и в прошлый раз, Люциус, — сказал Дамблдор. — Но в этот раз Лорд Волдеморт действовал через кое-кого другого. С помощью этого дневника.

Он поднял маленькую чёрную книжку с большой дырой в центре, не спуская глаз с мистера

Малфоя. Гарри тем временем наблюдал за Добби.

С эльфом творилось что-то странное. Он многозначительно смотрел на Гарри, указывая сначала на дневник, потом на мистера Малфоя, а потом со всей силы стукал себя кулаком по голове.

— Понятно… — медленно сказал Дамблдору мистер Малфой.

— Умный план, — произнес Дамблдор ровным голосом, глядя мистеру Малфою прямо в глаза. — Так что, если бы Гарри… — мистер Малфой бросил на Гарри недобрый взгляд, — и его друг Рон не обнаружили эту книжку, что ж… все обвинения пришлись бы на долю Джинни Уизли. Никто не смог бы доказать, что она действовала не по своей воле…

Мистер Малфой ничего не сказал. Его лицо внезапно стало каменным.

— И вообразите, — продолжил Дамблдор, — что могло бы случиться потом… Семья Уизли является одной из самых известных чистокровных семей. Представьте, что случилось бы с Артуром Уизли и его Актом о Защите Магглов, если бы стало известно, что его собственная дочь нападала и убивала магглорожденных. Нам очень повезло, что дневник был найден, а воспоминания Риддла стёрты из него. Кто знает, что могло бы произойти

в противном случае…

Мистер Малфой заставил себя заговорить.

— Очень повезло, — выдавил он.

А за его спиной Добби продолжал показывать сначала на дневник, потом на Люциус Малфоя, а потом бить себя по голове.

И неожиданно Гарри понял. Он кивнул Добби, и Добби попятился в угол, теперь скручивая уши в качестве наказания.

— А хотите узнать, откуда у Джинни взялся этот дневник, мистер Малфой? — сказал Гарри.

Люциус Малфой набросился на него.

— Откуда мне знать, где эта глупая девчонка достала его? — сказал он.

— Потому что это вы дали ей его, — сказал Гарри. — У «Флориша и Блоттса». Вы взяли её старый учебник по Трансфигурации и подсунули в него дневник, так?

Мистер Малфой сжимал и разжимал белые пальцы.

— Докажи это, — прошипел он.

— О, никто не сумел бы, — сказал Дамблдор, улыбаясь Гарри. — Особенно сейчас, когда Риддл исчез из этой книги. С другой стороны, я бы посоветовал тебе, Люциус, больше не раздавать старые школьные вещи Лорда Волдеморта. Если

ещё хоть одна из них окажется в чьих-нибудь невинных руках, я думаю, например, Артур Уизли сделает так, чтобы стало известно, что следы ведут к тебе…

Люциус Малфой на мгновенье замер, а затем Гарри отчётливо увидел, как его правая рука дёрнулась, будто порываясь достать палочку. Но вместо этого он повернулся к своему домашнему эльфу.

— Мы уходим, Добби!

Он рывком распахнул дверь, и когда эльф поторопился к нему, выпнул его наружу. Было слышно на весь коридор, как Добби скулит от боли. На секунду Гарри остановился, раздумывая. Затем его осенило.

— Профессор Дамблдор, — быстро сказал он, — пожалуйста, можно мне вернуть дневник мистеру Малфою?

— Конечно, Гарри, — спокойно ответил Дамблдор. — Но поторопись. Помни о празднике.

Гарри схватил дневник и выбежал из кабинета. За углом стихали визги Добби. Думая о том, может ли сработать его план, Гарри быстро снял ботинок, стянул грязный носок, покрытый слизью, и засунул в него дневник. Потом он помчался по тёмному коридору.

Он догнал их на верхних ступенях лестницы.

— Мистер Малфой, — выдохнул он, резко остановившись. — У меня для вас кое-что есть.

И он засунул вонючий носок в руку Люциуса Малфоя.

— Что за?..

Мистер Малфой сорвал носок с дневника, бросил его в сторону и злобно перевёл взгляд с испорченной книги на Гарри.

— В один прекрасный день тебя ждёт такой же незавидный конец, как и твоих родителей, Гарри Поттер, — вкрадчиво сказал он. — Они тоже были неисправимыми идиотами.

И он развернулся, чтобы уйти.

— Пойдём, Добби. Я сказал, пойдём!

Но Добби не двигался. В руках у него был отвратительный, склизкий носок Гарри, и он смотрел на него так, как если бы у него в руках было бесценное сокровище.

— Хозяин дал Добби носок, — изумленно сказал эльф. — Хозяин дал его Добби.

— Что? — бросил мистер Малфой — Что ты сказал?

— У Добби есть носок, — недоверчиво произнёс Добби. — Хозяин бросил его, а Добби поймал его, и Добби… Добби свободен.

Люциус Малфой замер, уставившись на эльфа. Потом он повернулся к Гарри.

— Ты лишил меня слуги, мальчишка!

Но Добби крикнул: «Ты не посмеешь навредить Гарри Поттеру!»

Раздался громкий взрыв, и мистера Малфоя отбросило назад. Он полетел по лестнице, перелетая через три ступеньки, и грохнулся в самом низу. Он поднялся, мертвенно-бледный, и достал волшебную палочку, но Добби угрожающе поднял длинный палец.

— Уходи сейчас же, — свирепо сказал он, указывая на мистера Малфоя. — Ты не тронешь Гарри Поттера. Уходи сейчас же.

У Люциуса Малфоя не осталось выбора. Кинув на них последний, очень сердитый взгляд, он запахнулся в свою мантию и поспешно удалился.

— Гарри Поттер освободил Добби! — пронзительно пискнул эльф, глядя на Гарри своими огромными глазами, в которых отражался лунный свет из ближайшего окна. — Гарри Поттер освободил Добби!

— Это меньшее, что я мог сделать, Добби, — ухмыльнулся Гарри. — Только пообещай мне никогда больше не пытаться спасти мне жизнь.

Безобразное коричневое лицо эльфа внезапно

расплылось в широкой зубастой улыбке.

— У меня только один вопрос, Добби, — сказал Гарри, в то время как Добби дрожащими руками надел его носок. — Помнишь, ты сказал, что всё это не связано с Тем-Кого-Нельзя-Называть? Ну…

— Это была подсказка, сэр, — сказал Добби, выпучив глаза, будто это было очевидно. — Добби дал вам подсказку. Тёмного Лорда было можно свободно называть по имени до того, как он его сменил, понимаете?

— Ясно, — пробормотал Гарри. — Ну, я лучше пойду. У нас праздник, и моя подруга Гермиона наверняка уже проснулась…

Добби обвил руки вокруг Гарри и обнял его за талию.

— Гарри Поттер куда более великий, чем думал Добби! — всхлипнул он. — Прощай, Гарри Поттер!

И с громким треском Добби исчез.

* * *

Гарри был на многих праздниках в Хогвартсе, но такого здесь не было никогда. Все сидели в пижамах и отмечали всю ночь. Гарри даже не знал, что было лучше: Гермиона, которая бежала к нему с криками: «Ты догадался! Ты догадался!»,

или Джастин, спешивший от стола Хаффлпаффа, чтобы пожать ему руку и извиниться за свои подозрения, или появившийся в половине третьего Хагрид, который с такой силой хлопнул Гарри и Рона по плечам, что они уткнулись в свои тарелки с бисквитами, или его с Роном четыреста очков в пользу Гриффиндора, которые помогли выиграть Кубок Школы второй раз подряд, или как профессор МакГонагалл объявила, что в виду исключительных обстоятельств все экзамены отменяются («О, нет!» — воскликнула Гермиона), или как Дамблдор сообщил, что, к сожалению, в следующем году профессор Локхарт преподавать не сможет, так как ему нужно восстановить память. К аплодисментам, последовавшим за этой новостью, присоединилось и несколько учителей.

— Жаль, — сказал Рон, хватая пончик с джемом. — Я уже начал к нему привыкать.

* * *

Окончание летнего семестра пролетело как в тумане. Хогвартс возвращался к нормальной жизни, только с небольшими изменениями — занятия по Защите от Тёмных Искусств отменили («Но мы же попрактиковались», — сказал Рон

недовольной Гермионе), а Люциуса Малфоя сняли с должности попечителя. Драко уже больше не расхаживал по школе так важно, как будто она принадлежала ему. Напротив, он выглядел обиженным и надутым. А Джинни Уизли, наоборот, опять была совершенно счастлива.

Вскоре пришло время возвращаться домой на Хогвартс-Экспрессе. Гарри, Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Джинни сидели в одном купе. Они с пользой провели последние часы, когда им ещё разрешалось колдовать, прежде чем наступили каникулы. Они играли в Подрывного Дурака, взорвали самый последний Фейерверк Флибустьера Фреда и Джорджа и потренировались в использовании заклинания разоружения. У Гарри получалось всё лучше и лучше.

Они уже подъезжали к вокзалу Кингс Кросс, когда Гарри кое о чём вспомнил.

— Джинни… а что такого делал Перси, что ты видела и не должна была никому рассказывать?

— А, это? — хихикнула Джинни. — Ну… у Перси появилась подружка.

Фред уронил стопку книг на голову Джорджу.

— Что?

— Это Префект Рэйвенкло — Пенелопа Клируотер, — сказала Джинни. — Это ей он писал всё

прошлое лето. Он всё время тайно встречался с ней в школе. Однажды я зашла в пустой класс, когда они там целовались. Он так расстроился, когда на неё… ну, знаете… напали. Вы же не будете дразнить его? — беспокойно добавила она.

— И не думали, — сказал Фред с таким видом, будто его день рождения наступил раньше времени.

— Определённо нет, — хихикнул, Джордж.

Хогвартс-Экспресс замедлил ход и, наконец, остановился.

Гарри вытащил перо и кусок пергамента, и повернулся к Рону и Гермионе.

— Это называется «телефонный номер», — сказал он Рону, написал номер дважды, разорвал пергамент пополам и протянул им. — Прошлым летом я рассказывал твоему папе, как пользоваться телефоном — он знает. Позвони мне, когда я буду у Дёрсли, ладно? Я не переживу следующие два месяца, если мне придется говорить только с Дадли…

— Твои тётя и дядя, наверное, будут гордиться тобой? — сказала Гермиона, когда они сошли с поезда и присоединились к толпе, медленно ползущей к волшебному барьеру. — Когда узнают, что ты сделал в этом году.

— Гордиться? — сказал Гарри. — Ты с ума сошла? Я столько раз мог погибнуть и не погиб? Они сильно разозлятся…

И они все вместе шагнули сквозь барьер в мир магглов.